

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

(Материалы 4-ой международной научно-практической конференции)

Москва
2024

УДК 15.21
ББК 88.33
П 863

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Института экспериментальной психологии
ФГБОУ ВО МГППУ*

Ответственные редакторы: В.А. Барабанщиков, В.В. Селиванов

Редакционная коллегия: В.А. Барабанщиков,
В.В. Селиванов, В.Ю. Капустина
А.Н. Поддьяков, доктор
психологических наук, профессор;

Рецензенты:

И.П. Краснощеченко, доктор
психологических наук, профессор

П 863

Экспериментальная психология в социальных практиках: сборник научных статей по материалам конференции / Под ред. В.А. Барабанщикова, В.В. Селиванова, В.Ю. Капустиной. – Москва: Универсум, 2024. – 288 с.

В сборнике опубликованы результаты четвертой международной научно-практической конференции с международным участием «Экспериментальная психология в социальных практиках», (22–23 декабря 2023 г.). В книге представлены материалы современных экспериментальных исследований в психологической науке. В публикациях реализуется когнитивный подход к пониманию психического, рассматриваются прикладные аспекты экспериментальной психологии, обсуждается возможность использования психологии виртуальной реальности, элементов искусственного интеллекта, результатов психосентики в современных социальных практиках.

Публикация предназначена для психологов, педагогов, философов, социологов, программистов, математиков, разработчиков искусственного интеллекта.

УДК 15.21
ББК 88.33

ISBN 978-5-91412-462-2

© Авторы, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Аникина В.Г. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ М.М. БАХТИНА: В ПОИСКЕ РЕШЕНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ	8
Антоношкина Ю.М., Леоненко Н.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ	17
Беспалов Б.И. ДИАГНОСТИКА ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ХОККЕИСТОВ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И НА ОБЫЧНОМ МОНИТОРЕ	28
Дадыко Н.Н. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК	40
Кольчугина З.А., Донцов Д.А. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ЕСТЕСТВЕННО-ПСИХИЧЕСКОГО МЕТОДА АУТООРДИНАЦИОННОЙ ПСИХОТЕРАПИИ ПОСРЕДСТВОМ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ПРОТОКОЛОВ 15 СЕССИЙ С ОРДИНАНТОМ (КЛИЕНТОМ)	48
Митина О.В., Бачкала.А ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В ОТНОШЕНИИ ПАНДЕМИИ COVID-19 В 2021 И 2022 ГОДАХ	72
Митина О.В., Мунгиева Ф. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАВИСТИ.....	88
Петрова Е.М. ОБРАЗ ВРАГА В СОЗНАНИИ ВОЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ: ПОНИМАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ И ТЕРРОРИСТОВ	99
Полякова И.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ	107
Полякова О.Б. СПЕЦИФИКА СТИЛЕЙ ОРИЕНТАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ОБЩЕНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ И МЕДИКОВ	115
Полянский А.И., Быковская Л.И. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	127
Родина О.Н., Прудков П.Н. ВЫЯВЛЕНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ РЕШЕНИИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ.....	139

Розанов И.А., Грунчева К.А., Ратникова В.Ю., Житенёва А.М. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭФФЕКТА ПОГРУЖЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ	153
Селиванов В.В., Капустина В.Ю., Денисова Е.Н. ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ВЫСОКОЙ ИММЕРСИВНОСТИ	169
Селиванов В.В., Харитонов И.Ю. ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ И СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ	182
Сотская М.Н. РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ У ЩЕНКОВ В РАННИЕ ПЕРИОДЫ ОНТОГЕНЕЗА.	192
Стрижова И.В., Стрижова М.Е. КАК РЕШАЮТСЯ НРАВСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ.....	202
Шамшев А.А. CASA ИЛИ ПАРАСОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛОЖЕНИЕ ДИАЛОГОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В ПСИХОЛОГИИ.....	209
Дун Цзюньшань ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВЫХ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	216
Ли Пэйсян ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ПАМЯТИ УЧАЩИЕСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.....	226
Чэн Пэн ОБЗОР И ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА НА ОСНОВЕ DSM-V, ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (VR) И ТАЙЦЗИЦЮАНЬ У ЛЮДЕЙ, ПОЛУЧИВШИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТРАВМУ В РЕЗУЛЬТАТЕ БОЕВОГО СТРЕССА	234
Ша Лубинг ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.....	277
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертая конференция по использованию результатов экспериментальной психологии в социальных практиках, ставшая традиционной, демонстрирует интерес среди отечественных и зарубежных психологов к естественно-научному подходу в исследовании психического, к классическим проблемам психологии, к процессуальному и информационному подходам, математическому и кибернетическому моделированию психических явлений. Она проходила в условиях изоляции России со стороны европейских стран, в условиях осуществления военной операции на Украине. В то же время наблюдается тесное, дружеское сотрудничество со стороны Индии, Китая и др. государств с нами, что отражено в содержании этого сборника. Эта конференция проходила 22-23 декабря 2023 года в Институте экспериментальной психологии МГППУ, она носит международный статус, уже на пленарном заседании выступил с приветствием от психологов и преподавателей высшей школы Китая Чэн Пэн, лектор университета в Чжэнчжоу.

Как доказала практика и развитие теории психологии, направление данной конференции (выбранное 4 года назад) не исчерпало потенциала и оправдывает себя до сих пор. Необходимо отметить тенденцию, которая прослеживается отчетливо – это соединение экспериментальной психологии с общей психологией, антропологией и педагогикой. На конференции обсуждался вопрос об изучении познавательных процессов, их соотношении с другими формами психического. В частности, в современной психологии выделяется 4 основных формы психических явлений – процессы, свойства, состояния, сквозные характеристики (не имеют собственного содержания, проявляются через процессы, свойства, состояния). К сквозным свойствам психики относятся сознание, внимание, темперамент и проявления темперамента – индивидуальные стили и когнитивные стили. В современной психологии часто встречается отнесение внимания к познавательным процессам (см., например, Рыжов Б.Н., Донцов

Д.А., Донцова М.В., Сенкевич Л.В. Общая психология. М.: Флинта, 2021), к психическим процессам (что более адекватно) (см., например, Нуркова В.В., Березанская Н.В. Психология. Учебник. М.: Юрайт, 2004). Тем не менее, начиная с Н.Ф. Добрынина (крупнейший отечественный специалист по психологии внимания, открывший вместе с Э. Титченером послепроизвольное внимание), внимание не относится к познавательным процессам. Согласно, С.Л. Рубинштейну, это сторона познавательных процессов, в которой отражена деятельность, направленная на объект. Внимание (как концентрация психологического содержания на объекте при одновременном отвлечении от остальных), как и сознание реализуется через другие познавательные процессы, а также свойства, состояния. Общеизвестны для профессиональных психологов три основных свойства, характерные для познавательных процессов: 1) отражение пространственно-временных характеристик объекта; 2) модальность; 3) интенсивность. Из них ко вниманию подходит только третья. На наш взгляд, относить внимание к познавательным процессам – ошибка, которая не учитывает историю изучения внимания, примитивизирует его содержание, обедняет формы психического – по существу сокращая «сквозные» характеристики психического отражения.

Однако, необходимо отметить, что вся психика есть процесс (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский и др.), поэтому внимание так же выступает в качестве процесса, как непрерывного взаимодействия субъекта с объектом, как то, что возникает, функционирует, угасает; как то, что не сводится к операционному составу, а связано с анализом, синтезом, обобщением, анализом через синтез. Для избегания путаницы в умах молодых психологов, вероятно, внимание можно трактовать в качестве психического процесса (но не познавательного), при этом необходимо это оговаривать, в том числе, какой его содержательный план рассматривается.

В сборнике, как и в прежних, продемонстрирован существенный интерес к использованию сложного, современного оборудования, к

междисциплинарности (и на этапе постановки гипотез, и при реализации экспериментальных планов), к отысканию планов соприкосновения психического с действием, переживанием, эмоциональным отреагированием, с особенностями построения смысловых схем.

Представлены исследования психологии настоящей виртуальной реальности (VR). Здесь напечатана статья, где приведены данные не только о влиянии VR на психику, но и о влиянии исходных личностных особенностей субъекта на характер работы в VR-тренинговых и обучающих VR-программах, в публикациях отражаются перспективы изучения психических состояний в VR, рассматриваются технологии VR в формировании когнитивной способности к изучению иностранного языка, особенности иммерсивного процесса в VR, особенности диагностики перцептивных процессов хоккеистов в VR и др.

Содержание практически всех исследований сборника показывает, что современный экспериментальный метод несет в себе мощный практический заряд, что психологические методы и данные экспериментально-психологических разработок включаются во многие сферы современного общества, различные виды социальных практик.

В сборнике статьи представлены в авторской редакции, в различном объеме, как сочли нужным психологи-авторы; осуществлена коррекционная правка.

В.Ю. Капустина, В.В. Селиванов

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ М.М. БАХТИНА: В ПОИСКЕ РЕШЕНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Аникина В.Г.

Московский государственный
психолого-педагогический университет (МГППУ)
(г. Москва, Российская Федерация)

Вызовы современной цивилизации, это широкий спектр проблемных вопросов, которые обращены, прежде всего, к личности человека, её отношению к культуре и обществу. Важно отметить, что в начале XX в. М.М. Бахтин отмечал характерные особенности современной ему личности: «непричастность человека к культуре», «расколотость» жизни человека (потеря понимания «серьёзности жизни», подчинение объективным смыслам и т.д.). Данные характеристики описывают противоречия и пост-техногенной личности. Преодоление глобальных вызовов современности связано с необходимостью разрешения описанных противоречий. В рамках философской антропологии М.М. Бахтина дается ответ на вопрос о возможности их конструктивного разрешения.

Ключевые слова: цивилизационные вызовы, личность, «долженствование», поступок, диалог, другой, отношение я-для-другого, другой-для-меня.

Опираясь на анализ современных философско-научных публикаций [3; 4; 5; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 19], к ключевым цивилизационным характеристикам относят:

– пост-техногенность (технологизация, цифровизация, гибридная реальность и т.д.);

– пост-культуру (формирование общества потребления; автоматизация общества, и тем самым снижение уровня субъектности; изменение качества планирования и управления социальными процессами т.д.);

– трансформацию человека (изменение представления о своем телесности, когнитивных способностей; утрата смыслов жизни; потеря идентичности; упрощение личности; потеря глубины межличностного общения и др.);

– глобализацию (стремление человечества жить по единым принципам, ценностям, универсализация отношений и все большая взаимозависимость, противоречивость результатов глобализации (доминирование одних субъектов глобализации над другими и т.д.);

– переход человечества в эпоху «сапиозоя»;

– существование человечества в период экологического кризиса (пандемии, безудержная добыча полезных ископаемых, катастрофические условия жизни в отдельных регионах и др.).

Современная цивилизация, описываемая данными характеристиками, сталкивается с широким диапазоном проблем, которые можно определить как цивилизационные вызовы [10; 11; 20]:

– проблемы отношения и взаимодействия человека и техносферы (изучение ограничений применения искусственного интеллекта (далее – ИИ), поиск оптимальных форм сосуществования человека и ИИ (жизнь в гибридных формах реальности); определение границ демаркации в системе «человек – ИИ»; понимание и корректировка последствий цифровизации для личности: цифровой аутизм, притупление физиологических, эмоциональной и духовной чувствительности личности; парализация чувств и мысли; утрата смыслов жизни [12; 13]; упрощение личности, включенной в цифровую среду [19] и др.);

– проблемы отношения личности и культуры (формирование нового представления о культурной идентичности человека, открытие новых смыслов человеческого бытия в пост-техногенной цивилизации [14; 15; 19] и др.);

– проблемы отношений между людьми (изучение особенности коммуникации на разных уровнях, в том числе с помощью цифровых технологий [18]; нивелирование влияния на человечество как субъекта управления нелегитимных структур и организаций [16] и т.д.);

– перестройка отношений человека и природы (разработка основ будущей ноосферной этики [3; 4]; формирование чувства геосолидарности и ответственности перед будущим [12; 13] и др.) и т.д.

Анализ указанных проблем позволяет сделать вывод о том, что основное направление цивилизационного развития, с нашей точки зрения, будет связано с построением нового «антропологического проекта» [19] – формирование новой личности. Стержнем этой личности должны стать

обновлённые цивилизационные смыслы и ответственность на уровне глубинного смыслообразования, задающие новую идентичность человека [3; 4; 12; 13; 17].

Возможно ли построение «новой» личности? Какие условия для этого необходимы? Данные вопросы являются ключевыми для решения цивилизационных вызовов. Поиск ответа на них необходимо искать в философско-теоретических построениях, в рамках которых личность и общество рассматриваются с позиций их фундаментальной, онтологической взаимосвязи.

Философская антропология М.М. Бахтина непосредственно отражает такую связь [6; 7; 8; 9]. Необходимость онтологически описать взаимосвязь общества, культуры и личности обусловлена пониманием М.М. Бахтиным фундаментальных противоречий современной ему личности.

Характеризуя жизнь человека, М.М. Бахтин описывал её как «расколотую», «безответственную». «Расколотость» жизни человека, связана с «потерей» понимания серьёзности жизни, её уникальности и ответственности.

Непричастность человека к культуре (искусству, науке, жизни), потеря культурных смыслов как субъективных смыслов – ещё одно фундаментальное противоречие личности, описанное философом.

В данных характеристиках мы узнаём современную пост-техногенную личность, порой теряющую свою идентичность в быстро развивающейся техногенной цивилизации.

Как видел М.М. Бахтин «сборку» личности, снятие раскалывающих личность противоречий? Раскрытие идей философской антропологии М. М. Бахтина, которые дают возможность увидеть решения данных цивилизационных вызовов является целью нашей работы.

Человек в онтологии М.М. Бахтина

Онтология М.М. Бахтина строится на идеи о том, что существование человека в мире представляет собой – историческую конкретность индивидуального факта.

Нахождение человека в бытии обладает моментом пассивности и активности. Долженствование – это проявление активного момента присутствия человека в бытии. Оно возможно, когда человек признает факт своей единственности, ответственности за своё бытие. Однако, человек может существовать и в пассивном моменте, отказавшись от должентсвующей единственности. Выделим центральные категории философской антропологии М.М. Бахтина.

Поступок как связующее звено между бытием и человеком

Действительный единый мир, изначально обладает пассивной автономностью, поэтому объекты культуры для человека должны быть ещё раскрыты. Это возможно только в «единственном событии свершаемого бытия» – бытии-событии. Бытие-событие устанавливается в акте-поступке. Человек, обладая долженствованием, в ответственном акте-поступке, в своей активности «свершает» бытие в бытии-событии, тем самым раскрывая смыслы культуры.

Иными словами, целостность мира и личности возможна только в действительном бытии-событии, в ответственном акте-поступке. В своем нравственном, ответственном деле, поступок становится связующим звеном между внешними смыслами и субъективными смыслами личности.

Предмет культуры в поступке приобретая эмоционально-волевой тон, утверждается для личности как ценность, и тем самым, приобретает для неё внутренний, субъективный смысл.

Важно понимать, что поступком может быть не только реальное действие, но и мысль человека. Поступок создаёт возможность быть человеку в едином единстве, в уникальном единственном месте, и в тоже самое время, «неотделимым с бытием» – укорененным в нём.

Ответственный поступок как «осуществление решения», свершает субъект, которого М.М. Бахтин в своей онтологии определяют, как личность.

Личность в феноменологической антропологии М.М. Бахтина

С точки зрения философа, только в личности представлено единство мира и его единичность. Личность как единственное единство человека,

осуществляющее долженствование в поступке, объединена, как отмечает М.М. Бахтин, внутренним смыслом ответственности и вины. Именно смысл ответственности объединяет области человеческой культуры в личности.

Однако, отмечал философ, то, какой будет личность, детерминируется архитектурой поступка, который она совершает. Архитектура поступка выстраивается исходя характера отношения человека к миру и себе и определяется тремя эмоционально-волевыми центральными моментами: я-для-себя, другой-для-меня; я-для-другого.

Для М.М. Бахтина *другой* это онтологически значимый для *я* человек. Наличие в мире *я* и *другого* и их ценностное противопоставление является основой для нравственного поступка, свершения бытия-события.

Так как *я* обладает, в силу своего единственного места в бытии, избытком «видения» *другого* и в тоже время своей «недостроенностью», и, соответственно, также и *другой*, то создание единого единственного мира будет связано с процессом «открытия», познания друг друга. Другой-для-меня и я-для-другого – это аспекты переживания, определенного единственного другого человека.

Анализ работы «Автор и герой в эстетической деятельности» [8], позволил нам выделить этапы процесса «сборки души», описанного философом и рассмотреть его как механизм, который лежит в основе (помимо созерцания) целостного видения, познания *я* и *другого*, а затем описать его как диалогическую модель рефлексии [1; 2].

Рефлексия – это процесс создания цельного, объемлющего, ценностно значимого видения человеком самого себя, диалогически пережитого в отношении «другой-для-меня», «я-для –другого» [1].

Рефлексивный процесс познания *я* и *другого* представляет собой последовательность следующих этапов:

- «встреча» *я* и *другого*, ценностное принятие друг к другу;
- «вопросание» *я* к *другому*;
- «перемещение» *другого* на позицию *я*, ценностное рассмотрение его мира изнутри, *определение смысловых границ я (эстетическое созерцание)*;

- «возвращение» *другого* на «свою» позицию;
- восполнение *другим* – кругозора *я*, тем избытком знания, которое было получено (*эстетический поступок*).
- принятие *я* нового видения, понимание своей уникальности, неповторимости, единственности и целостности.

Необходимо отметить, что в зависимости от того как выстраивается архитектура поступка, как познают *я* и *другой* друг друга (осуществляется ли диалогическая рефлексия), можно говорить о формировании двух типов личности (по М.М. Бахтину):

- *ответственная личность* (отношение к миру – *другой-для-меня, я-для-другого*). Особенности ответственной личности является её абсолютная произвольность (ответственно-произвольна), абсолютная новизна и творчество. Личность осуществляет ответственное должествование в поступке.

- *механическая личность* (отношение к миру – *я-для-себя*). Для неё характерны – определённость, предопределённость, завершенность, безответственность, ориентировка на прошлое. Она объединена смысловым содержанием (внешним), которое отвлечено от акта-поступка.

Диалог как центральная категория философии М.М. Бахтина

С точки зрения философа, диалог – условие полноты бытия *я* и *другого*.

М.М. Бахтин рассматривал диалог как отношение быть «любвиной взаимоустремленностью» людей друг к другу. Основой диалога является любование *другим* как ценностью, как уникальностью и в тоже время, неслияние с *другим*. Смысл диалога, рассматривается философом, как возможность постижения *инаковости* *другого*, признания *другого* в бытии.

Являясь источником «раскрытия» бытия *другого*, участники диалога свободны, и готовы к свершению и ответственности – то есть поступку. Как считал М. М. Бахтин, отсутствие *другого*, лишает человека точки опоры в создании себя. «Простая формула: я гляжу на себя глазами *другого*, оцениваю себя с точки зрения *другого*», – писал М. М. Бахтин в своей работе «К вопросам самосознания и самооценки» [9, С.72].

Быть в бытии, это «нахождение» *другого* и одновременно «узнавание» себя, именно такую интерпретацию диалога даёт нам М.М. Бахтин, решая вопрос единства бытия человека и культуры. Другой это тот, кто станет к тебе открытым и ответственным – живущий здесь и сейчас или живущий в прошлом. В мире культуры есть те, кто может вступить с нами в диалог – опосредованно через тексты (книги, картины, скульптуры, здания и т.д.). *Я* может вступать в диалог с культурно-историческим *другим*.

Диалог, являясь уникальным отношением между людьми, является основой для сохранения культуры и личности – её целостности, будучи пронизанный ответственностью и принятием любого *другого*.

Вклад философской антропологии М.М. Бахтина в решение глобальных вызовов современности

В эпоху пост-техногенной цивилизации актуальным является формирование представления о человеке будущего, наполнением «содержанием» нового образа человека. Особой проблемой является выстраивание такого типа отношений, в которой личность станет ответственно-причастной к культуре, науке и самой жизни; важным моментом решения цивилизационных вызовов является трансляция механизмов, обеспечивающих целостность личности и культуры, к ним можно отнести рефлексивный механизм.

М.М. Бахтин описывает нам личность – как *ответственную (нравственную)*, способную на поступок, позволяющий в единственном бытии события раскрыть объективные смыслы культуры, понять себя и другого. Эта личность произвольна и творчески свободна, она не имеет границ, поэтому всегда нова для других. Её нельзя «предугадать», так как её потенциал определяется диалогическими отношениями с другим, в том числе исторически другим.

В философии М.М. Бахтина условием бытия такой личности и, в целом, сохранения единства человека и мира является *осознание* человеком его *единственности участия в бытии*. Формирование этой личностной

установки, позволит, с нашей точки зрения, остановить размывание границ между человеком и искусственным интеллектом, человеком и техногенной средой, сохранив его идентичность.

М.М. Бахтин отмечал, что в поступке проявляется ответственность человека как за содержание поступка, так и своё личностное бытие. Поступающая личность не просто сохраняет, но и преумножает потенциал бытия – в этом основа творческого отношения личности к культуре и его развития, преодоление «расколотости» личности и бытия.

Принятие *другого* как ценности, его уникальности, «инаковости», его бытийной значимости для *я* – это фундаментальное основание сохранения целостности и идентичности личности, преодоление фрагментарности мышления, «клиповости» сознания; освоения и трансляции глубины межличностного общения; диалогического отношения между представителями разных культур, формаций и т.д. – новый тип отношений, который сохранит нашу цивилизацию.

Опираясь на работы М.М. Бахтина, нами был выделен механизм трансляции и скрепления культуры – диалогическая рефлексия. Функционирование данного механизма основывается на освоении личностью ценностных отношений «я-для-другого», «другой-для-меня». Данный механизм лежит в основе диалога культур.

Раскрытие основных положений философской антропологии М.М. Бахтина, в рамках представленной работы, позволила нам сделать вывод о большом потенциале идей философа для решения современных глобальных цивилизационных вызовов.

Список литературы

1. *Аникина В.Г.* Рефлексия в культурно-исторической психологии. М.: «МАКС Пресс», 2012. – 243 с.
2. *Аникина В.Г.* Идея диалогизма М.М. Бахтина в разработке модели рефлексии // Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своём родном. Материалам Международной научной конференции (19-21 апреля 2019), Орёл, Российская Федерация – Комрат, АТО Гагаузия, Республика Молдова / Под. общ. ред. В. П. Степанова, С. М. Губаненковой. Орел.: Модуль-К, 2019. С. 94-98.
3. *Аршинов В.И.* Эволюция антропоцентризма в перспективе сложностного подхода // Вопросы философии. 2021. №10. С. 44-48.

4. Буданов В.Г. К вопросу о генезисе Большого Антропологического перехода // Вопросы философии. 2021. №10. С. 40-43.
5. Бургете Аяла М.Р. Взгляд на начало пути // Вопросы философии. 2021. №11. С. 43-46.
6. Бахтин М.М. Искусство и ответственность / Работы 20-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 5-8.
7. Бахтин М.М. К философии поступка / Работы 20-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 9-68.
8. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / Работы 20-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 69-255.
9. Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Русское слово, 1996. С. 72-79.
10. Современный антропологический кризис 2021 – *Современный антропологический кризис: Проблемы и перспективы (материалы «Круглого стола»)* // Вопросы философии. 2021. №10. С. 40-52.
11. Современный антропологический кризис 2021 – *Современный антропологический кризис: Проблемы и перспективы (материалы «Круглого стола»)* // Вопросы философии. 2021. №11. С. 35-76.
12. Герасимова И.А. Проблема личности в сапиозое // Вопросы философии. 2021. №11. С. 39-42.
13. Герасимова И. А. Цифровые технологии: реалии и кентавры воображения // Вопросы философии. 2021. №10. С. 65-76.
14. Добренков В.И. Социально-гуманитарные проблемы становления глобального общества / Человек и современный мир. М.:ИНФРА-М, 2002. С.11-19.
15. Киященко Л.П. Преобразующая роль кризиса в контексте современных антропологических проблем // Вопросы философии. 2021. №11. С. 47-50.
16. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к анализу кризиса техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2021. №11. С. 35-38
17. Личность и вызовы современности 2020 – *Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами* /Под. Ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – 348 с.
18. Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство, культура и информационная безопасность размышления / Человек и современный мир. М.: ИНФРА-М, 2002. С.48-65.
19. Розин В.М. Человек в контексте перехода от техногенной цивилизации к посткультуре (заметки методолога и культуролога) // Вопросы философии. 2021. №11. С. 51-55.
20. Современный человек в социальном, духовном и информационном пространстве 2015 – *Современный человек в социальном, духовном и информационном пространстве: коллективная монография* / Под общей редакцией Гимбатова Ш.М. М.: Издательский дом «Перо», 2015. – 92 с.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF M. M. BAKHTIN: IN SEARCH OF
SOLUTIONS TO GLOBAL CHALLENGES OF MODERN TIME

Anikina V.G.
Moscow State University of Psychology & Education. (MSUPE)
Moscow, Russia

The challenges of modern civilization are a wide range of problematic issues that are addressed, first of all, to the human personality, its relationship to culture and

society. It is important to note that at the beginning of the twentieth century. M.M. Bakhtin noted the characteristic features of his contemporary personality: “a person’s lack of involvement in culture”, the “split” nature of a person’s life (loss of understanding of the “seriousness of life”, subordination to objective meanings, etc.). These characteristics describe the contradictions and post-modern personality. Overcoming the global challenges of our time is associated with the need to resolve the described contradictions. Within the framework of philosophical anthropology M.M. Bakhtin provides an answer to the question of the possibility of their constructive resolution.

Keywords: civilizational challenges, personality, action, “should”, other, dialogue, relationship I-for-other, other-for-me.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОТИВАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Антошкина Ю.М., Леоненко Н.В.

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского»,
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

В данной статье используется три методики оценки профессиональной мотивации на примере трудовой деятельности молодых специалистов. Рассматриваются теоретические представления проблемы мотивации в работах В.И. Герчикова, Ф. Герцберга и Е.А. Климова, А.А. Реана, которые необходимо учитывать и в культурных учреждениях.

Ключевые слова: культурные учреждения, профессиональная мотивация, молодые специалисты, методика, мотивация, факторы.

В современных условиях мотивационный потенциал молодых специалистов наряду с личностным, интеллектуальным, познавательным является важнейшим основанием перспективного развития населения страны. Общество находится в состоянии динамичных социально-экономических изменений, требующих от специалистов культурных учреждений для достижения успеха в работе профессионализма, компетентности и высокой мотивации. Молодые специалисты в этой области часто сталкиваются с проблемой недостаточной профессиональной мотивации, приводящей к снижению производительности, качества работы, культурных программ и мероприятий. Проблема состоит в том, что недостаточная профессиональная мотивация молодых специалистов может привести к ухудшению качества работы и, как следствие, уходу квалифицированных специалистов из организации. В условиях развития

информационных и цифровых технологий современным организациям, работающим в области культуры, необходимо иметь квалифицированных и мотивированных молодых сотрудников, способных эффективно решать профессиональные задачи на высоком уровне. Сегодня конкуренция на рынке труда повышается, особую ценность приобретает знание о мотивации сотрудников в интересах достижения общих целей организации.

Министерство труда и социальной защиты утвердило методику нематериальной мотивации государственных гражданских служащих РФ, в содержании которой основной акцент делается на: диагностике системы нематериальной мотивации в государственном органе; формировании мотивационного профиля и мотивационной карты государственных гражданских служащих; типовой карьерной траектории государственного гражданского служащего и индивидуального плана должностного роста. В приложении к методике приведены: анкета оценки государственными гражданскими служащими уровня развития профессиональной культуры государственного органа; формулы расчета текучести кадров и иных показателей, отражающих динамику изменения кадрового состава государственного органа; образец опросника оценки удовлетворенности государственных гражданских служащих мероприятиями по нематериальной мотивации, проводимыми в государственном органе [6].

В соответствии с данными Росстата численность молодых работников в России опустилась до исторического минимума. Так, общее количество работающих россиян в возрасте до 35 лет с декабря 2021 по декабрь 2022 года сократилось на 1,33 млн. и составило 21,5 млн. человек. В свою очередь, количество занятых россиян моложе 30 лет сократилось за год на 802 000 и впервые опустилось ниже отметки в 11 млн. человек. Исследовательский центр НН.ru проинформировал о том, что в первом полугодии 2023 года в России для молодых специалистов ежедневно было доступно более 173 тыс. вакансий, а для работодателей – более 1 млн. 86 тыс. резюме начинающих соискателей. Однако, на долю вакансий для

молодежи в первой половине 2023 года в среднем приходилось 9% всех вакансий и конкурс молодых специалистов при трудоустройстве в 1 полугодии 2023 года составил всего 6 человек на одно место [8].

В психологии тема изучения мотивации не теряет своей актуальности и в наши дни. Наибольший вклад в разработку теории мотивации внесли отечественные психологи П.К. Анохин (теория функциональных систем); Н.А. Берштейн (проблема механизмов организации движений и действий человека); В.И. Герчиков (типологическая модель мотивации); Е.П. Ильин, Е.А. Климов, А.Н. Леонтьев (понятие мотива и качества мотивации); Б.Ф. Ломов (основатель первой лаборатории инженерной психологии); Р.С. Немов (психологические мотивы мотивации) и другие [1; 2; 3; 5; 7].

История развития понятия профессиональной мотивации показывает основные направления, которые оформились в первой половине XX века в научных трудах З. Фрейда, К. Левина, И.П. Павлова, У. Джемса, Э. Торндайка и других исследователей. Термин «мотивация» был впервые употреблён А. Шопенгауэром в статье «Четыре принципа достаточной причины» (1900–1910) и вошёл в терминологию психологической науки для объяснения причин активности и поведения человека. В западной психологии первые теории «мотивация» разрабатывали К. Левин, Г. Олпорт, выделяя помимо биологических, вторичные, или психогенные потребности, появляющиеся в процессе обучения и воспитания (Г. Мюррей): потребность в достижении успеха, независимости, уважении, избегании неудач. Американский психолог Абрахам Маслоу ввел понятие «мотивация» в научный оборот в 1930-х годах и предложил иерархию потребностей, в которой мотивация играла ключевую роль. Позже, в 1950-х годах, в рамках трудовой психологии начали активно изучать влияние мотивации на трудовую деятельность [2; 7]. Следует остановиться на теории, отражающей природу мотивации работника и особенности реализации функции мотивирования. Это теория Д. Мак-Грегори, О. Шелдона, В. Оучи, которая получила обозначение «теория Х», «теория Y»,

«теория Z». Наиболее важным выводом из этой концепции является то, что результативный труд, как таковой, ведет к росту удовлетворенности, и поэтому он сам выступает достаточно сильным мотивом. Данная концепция вскрывает и обратную зависимость: чувство выполненной работы и удовлетворенность от этого способствуют повышению результативности труда. Э. Торндайк утверждал, что поведение развивается по схеме «стимул – реакция», говоря о раздражителе как об активном источнике реакции организма. В целом, для бихевиористов не существовало проблемы мотивации, так как, по их мнению, динамическое условие поведения – это реактивность организма, то есть его способность отвечать определенным образом на раздражители. Отечественные психологи П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Р.С. Немов, Е.П. Ильин и другие исследователи установили, что мотивация объясняет целенаправленность действия, организованность, устойчивость целостной деятельности, направленной на достижение определенной цели [2; 7].

Профессиональная мотивация рассматривается как один из главных факторов, влияющих на трудовую деятельность человека. Она может быть связана как с внутренними мотивами (желание самореализации, интерес к работе, признание коллег и руководителя), так и с внешними (материальным вознаграждением, комфортность и безопасность условий работы, гибкие социальные пакеты). Психологические особенности профессиональной мотивации специалистов культурных учреждений показаны в исследовании Е. Л. Шековой, через персонал в сфере культуры, его физический труд и эволюцию производительности по пути сокращения издержек. Творческий труд рассматривался в рамках сферы культуры как своеобразный основной капитал [10].

Д. В. Овсянко утверждает, что при работе с творческими людьми необходимо точно определять, в чем заключается их индивидуальное задание, это позволяет им сконцентрироваться на выполнении определенной задачи, не отвлекаясь ни на что лишнее. Работа с

творческими людьми требует от руководителей знаний психологии. Неосторожная критика, малейшее сомнение в таланте работника могут повлечь за собой полный разрыв отношений. Необходимо выстраивать для своей организации собственную уникальную систему мотивации, основанную на понимании и применении ключевых принципов мотивационного моделирования, результатах мониторинга мотивационной среды организации и диагностики приоритетности стимулов конкретных сотрудников, либо претендующих на вакантную должность [9].

Для определения психологических характеристик профессиональной мотивации в деятельности работников культурных учреждений нами было проведено пилотажное исследование.

Целью исследования стало изучение особенностей профессиональной мотивации молодых специалистов культурных учреждений. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи.

1. Изучить теоретические основания исследования мотивации, ее виды и способы измерения.
2. Провести анализ текущего состояния проблемы профессиональной мотивации молодых специалистов в культурных учреждениях.
3. Выявить психологические характеристики профессиональной мотивации молодых специалистов культурных учреждений.

Мы предположили, что существуют психологические факторы, связанные с профессиональной мотивацией молодых специалистов культурных учреждений.

Выборку исследования составили 20 специалистов (мужчины и женщины в возрасте от 24 до 35 лет), среди них инженеры, администраторы, работники службы безопасности и научного отдела. Сбор эмпирических данных проводился в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга.

Диагностический комплекс и результаты исследования.

1. Методика Е.А. Климова предназначена для выявления склонности к определенному типу профессии. Методика основана на предположении о

том, что после соответствующего обучения человек сможете выполнить любую работу. В таблице 1 указаны № с 1-6 – инженеры; с 7-12 – администраторы входной зоны; с 13-17 – отдел службы музейной безопасности; с 18-20 – научный отдел. В таблице 1 представлены только два подавляющих типа. В связи с тем, что по методике показаны результаты, следующие: 3 из 8 и 6 из 8, возьмем коэффициенты, такие как 0,375 (3 из 8) и 0,75 (6 из 8).

Таблица 1. Результаты опроса по методике Е.А. Климова

№	Человек – человек	Человек – природа	Человек – техника	Человек – знаковая система	Человек – художественный образ
1			0,75		0,5
2			0,625	0,5	
3		0,625	0,375		
4	0,625				0,375
5			0,5	0,625	
6			0,625		0,375
7	0,625			0,375	
8		0,5			0,625
9	0,375	0,75			
10			0,375	0,625	
11				0,5	0,625
12	0,5				0,5
13	0,375	0,625			
14				0,625	0,375
15		0,75		0,5	
16	0,625				0,5
17		0,75	0,375		
18		0,625		0,375	
19				0,625	0,5
20		0,5			0,375

Анализ результатов по методике Е.А. Климова позволяет говорить о том, что есть молодые специалисты, которые соответствуют своей должности и сфере обязанностей, а есть те, которые не подходят и в

будущем хотят сменить работу по причине несоответствия занимаемой должности, либо исходя из личных интересов.

2. Методика А.А. Реана предназначена для определения направленности личности на достижение успеха/избегание неудачи. Испытуемым предлагалось 20 утверждений для оценки каждого из них в соответствии с представлением о себе.

Таблица 2. Результаты опроса по методике А.А. Реана

№	Количество баллов	Тип мотивации
1	15	успеха
2	18	успеха
3	8	ярко не выражен
4	11	ярко не выражен
5	6	боязни неудачи
6	20	успеха
7	17	успеха
8	11	ярко не выражен
9	5	боязни неудачи
10	19	успеха
11	13	ярко не выражен
12	14	успеха
13	17	успеха
14	9	ярко не выражен
15	2	боязни неудачи
16	18	успеха
17	15	успеха
18	13	ярко не выражен
19	7	боязни неудачи
20	11	ярко не выражен

В таблице 2 указаны номер испытуемого, количество баллов и тип мотивации. Опрос был проведен лишь в отделе эксплуатации и в отделе входной зоны, поэтому опрашивались инженеры и администраторы. На основании результатов исследования по методике А.А. Реана были сделаны выводы по каждому из участников опроса и представлены руководству.

3. Методика оценки мотивации. В.И. Герчиков разработал типологическую модель трудовой мотивации, согласно которой в основе концепции лежат два базовых для промышленной социологии понятия: мотивация и трудовое поведение. Внутри каждого из этих понятий можно увидеть разные формы проявлений. Так, различают два основных типа мотивации: мотивацию достижения и мотивацию избегания. Методика позволяет выявить, какой из пяти типов мотивации, согласно теории автора, наиболее свойственен испытуемому: инструментальный (ИН); профессиональный (ПР); патриотический (ПА); хозяйский (ХО); люмпенизированный (ЛЮ).

Таблица 3. Результаты опроса по методике В.И. Герчикова

№	ИН	ПР	ПА	ХО	ЛЮ
1	5	6	4	8	3
2	6	4	7	5	2
3	4	7	3	9	3
4	6	3	8	4	2
5	5	4	9	2	3
6	8	2	6	2	3
7	4	5	7	8	4
8	7	4	8	3	2
9	9	7	4	2	2
10	3	7	6	8	3
11	2	9	7	4	2
12	6	3	4	8	2
13	4	6	3	9	3
14	7	3	8	5	2
15	5	6	5	7	3
16	3	2	5	9	3
17	5	3	7	8	1
18	4	6	9	6	3
19	7	6	8	2	3
20	4	9	3	7	2

Первый тип предполагает работу за вознаграждение, определенные материальные блага или преференции. Второй тип нацелен избегать негативных последствий за плохую работу и отсутствие результатов. Аналогичным образом выделяются два типа трудового поведения: активное и пассивное.

В результате пересечения линий получаются 4 квадранта, которые соответствуют следующим сочетаниям: 1) активное трудовое поведение + мотивация достижения; 2) активное трудовое поведение + мотивация избегания; 3) пассивное трудовое поведение + мотивация избегания; 4) пассивное трудовое поведение + мотивация достижения (рис.1).

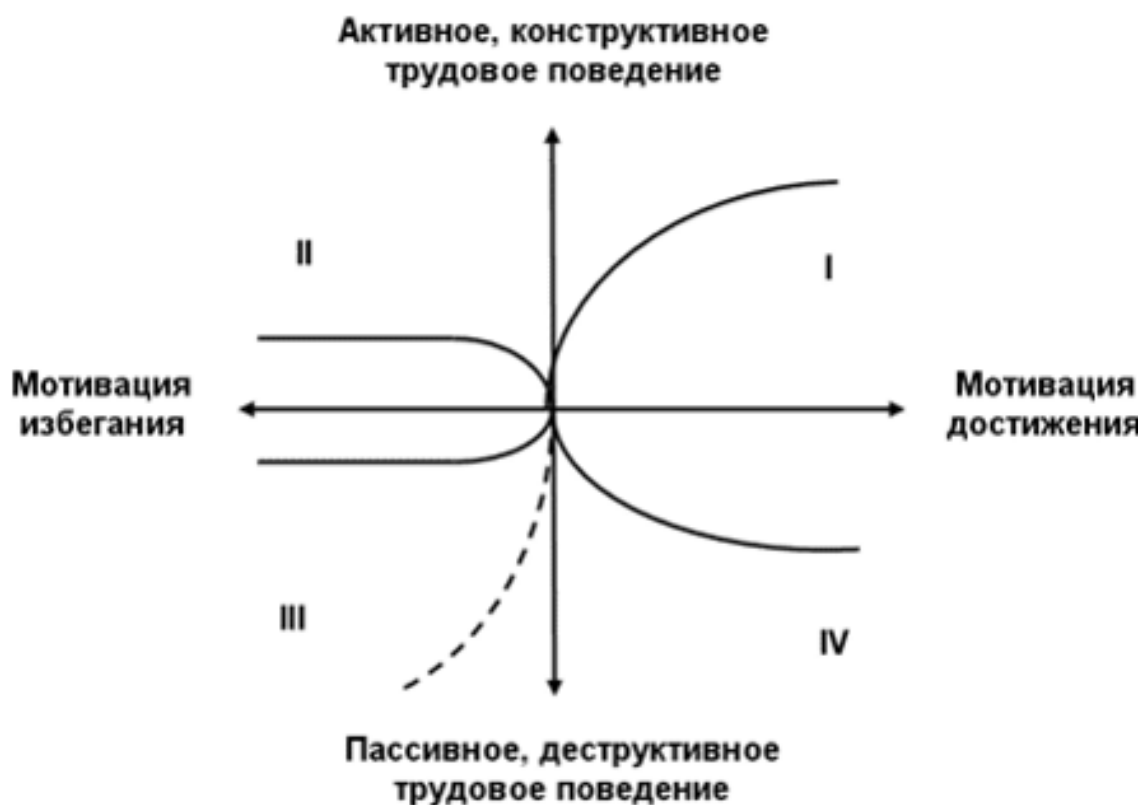

Рис. 1. Типологическая модель В.И. Герчикова

Как видно из таблицы 3 и расшифровки типов, люмпенизированных сотрудников в Государственном Эрмитаже нет, преобладают работники с хозяйским и профессиональным типом и это положительно сказывается на работе отделов.

4. Методика мотивационной структуры Ф. Герцберга направлена на выявление факторов удовлетворенности или неудовлетворенность

сотрудника собственным трудом: 1) гигиенические факторы (условия выполнения труда, заработная плата, отпуск и т.п.); 2) мотивационные факторы (премия, карьерный рост, свобода действий и т.п.). Согласно двухфакторной теории мотивации Фредерика Герцберга существуют две основные категории факторов оценки степени удовлетворённости от выполненной работы: факторы, удерживающие на работе, и факторы, мотивирующие к работе.

Таблица 4. Результаты опроса по методике Ф. Герцберга

№	Обобщенный результат	
	Гигиенические факторы	Мотивационные факторы
1	76	64
2	34	106
3	46	94
4	68	72
5	42	98
6	78	62
7	55	85
8	88	52
9	38	102
10	68	72
11	93	47
12	33	107
13	44	96
14	93	47
15	47	93
16	85	55
17	37	103
18	83	57
19	49	91
20	47	93

На основе таблиц данных был проведен корреляционный анализ в группе молодых специалистов, работающих в Государственном Эрмитаже. Результаты позволяют говорить о существовании сравнительно устойчивых корреляционных взаимосвязей (со значением коэффициента r

>0,28). Были обнаружены: отрицательная взаимосвязь ($p=-0,54$) между «хозяйским» и «патриотическим» типами (методика В. И. Герчикова); умеренная отрицательная взаимосвязь ($p=-0,40$) между типом «человек-человек» (методика Е.А. Климова) и типом «профессиональный» (методика В. И. Герчикова); отрицательная слабая взаимосвязь ($p=-0,36$) между результатами исследования по методике А. А. Реана и «хозяйским» типом (методика В.И. Герчикова).

Подводя итог пилотажного исследования, можно сделать вывод о том, что результаты корреляционных связей помогают понять значимость профессиональной мотивации для работников организаций культуры, а также значение профессионализма, включенного в рабочие отношения коллектива.

Выводы

1. Проанализированы теоретические подходы к проблеме мотивации, представленной сложной системой, имеющей в своей основе как биологические, так и социальные элементы.

2. Создан комплекс методик для изучения и анализа мотивации молодых сотрудников в организации культуры с учетом специфики их профессиональной деятельности.

3. Мотивация работников культурной организации представляет собой сложное поле разнообразного взаимодействия различных мотивов, которые у каждого сотрудника имеют индивидуальную конфигурацию.

Список литературы

1. *Герчиков В.И.* Мотивация персонала: метод. пособие / В.И. Герчиков, Н. Н. Опарина. Москва, 2005. 95 с. (Прил. к журн. «Справочник по управлению персоналом»).
2. *Горбач Н.С.* Мотивация в психологии: история и современное состояние проблемы / Н.С. Горбач. // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 42-44. URL: <https://moluch.ru/archive/345/77509/> (дата обращения: 04.04.2023).
3. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы СПб.: Питер, 2011. 512 с.
4. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. / А.Н. Леонтьев. М.: МГУ, 1971. 40 с.
5. *Мескон М.Х., Альберт М., Хедоурн Ф.* Основы менеджмента. М.: Дело, 1992.
6. Нематериальная мотивация сотрудников учреждения культуры / 2017 год / URL:<https://www.cultmanager.ru/article/7429-qqq-17-m4-14-04-2017->

nematerialnaya-motivatsiya?ysclid=lp176dcu94847897766 (дата обращения: 04.04.2023).

7. Родионова Е.А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для вузов / Е. А. Родионова, В. И. Доминьяк, Г. Жушман, М. А. Экземпляров; под редакцией Е. А. Родионовой. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 279 с. URL: <https://urait.ru/bcode/511644> (дата обращения: 09.04.2023).
8. <https://www.forbes.ru/biznes/452359-cislo-molodyh-rabotnikov-v-rossii-za-god-upalo-rosti-na-polmilliona> (дата обращения: 16.03.2023).
9. Овсянко Д.В. Основы менеджмента. СПб.: ОЦЭиМ, 2003. 140 с.
10. Шекова Е.Л. К вопросу о мотивации персонала в сфере культуры // Мотивация и оплата труда. 2010. №2. С.116–121. URL: <https://grebennikon.ru/article-zl6d.html> (дата обращения: 09.04.2023).

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MOTIVATION OF YOUNG SPECIALISTS IN CULTURAL INSTITUTIONS

Antoshkina Yu. M., Leonenko N. V.
Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky,
St. Petersburg, Russian Federation

This article uses three methods for assessing professional motivation using the example of the work activity of young specialists. Theoretical representations of the problem of motivation in the works of V.I. are considered. Gerchikov, F. Herzberg and E. A. Klimov, A.A. Rean, which must be taken into account in cultural institutions.

Key words: cultural institutions, professional motivation, young specialists, methodology, motivation, factors.

ДИАГНОСТИКА ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ХОККЕИСТОВ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И НА ОБЫЧНОМ МОНИТОРЕ

Беспалов Б.И.
Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)

В статье изложены некоторые результаты диагностики перцептивных процессов хоккеистов и студентов с помощью многофакторных хронометрических экспериментов разработанных в среде UNITY и проведенных в условиях виртуальной реальности и на обычном мониторе. Проведено сравнение регрессионных моделей для групповых данных студентов и хоккеистов, полученных на мониторе ноутбука и в условиях VR. Описаны результаты вычисления различных характеристик регрессионных моделей - коэффициента детерминации, наличия автокорреляции и гетероскедастичности остатков, нормальность их распределения и др.

Ключевые слова: диагностический хронометрический эксперимент в среде UNITY

Введение

В настоящее время для разработки спортивных и других тренажеров часто используется среда UNITY, предназначенная, прежде всего, для

создания компьютерных игр в виртуальной реальности и на обычном мониторе. Эта среда предоставляет также большие возможности для моделирования сложных спортивных актов, однако ее психодиагностический потенциал прояснен пока в недостаточной степени. Особый интерес представляет обсуждаемый в данной статье вопрос о технических и программных ограничениях и возможностях разработки и проведения в этой среде многофакторных хронометрических экспериментов, направленных на диагностику профессионально важных качеств различных компонентов спортивных актов, прежде всего их субъектов и включенных в акты различных психологических процессов.

Задачи исследования

В данном исследовании, проводимом группой психологов и математиков МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством доц. С.В. Леонова, решались следующие задачи.

1. Оценить возможности разработки и проведения в среде UNITY многофакторных хронометрических экспериментов, направленных на диагностику перцептивных процессов хоккеистов, которые включены в акты их двигательного реагирования на моменты появления шайбы на площадке, в акты реагирования на начало или на направление её движения. (Среда UNITY предназначена, прежде всего, для разработки компьютерных игр в виртуальной реальности и на обычном мониторе).

2. Сравнить результаты созданных в среде UNITY одностипных хронометрических тестов, проводимых с помощью шлема виртуальной реальности и на обычном мониторе.

3. Оценить профессиональную специфичность тестов при сравнении их результатов в группе студентов и хоккеистов.

4. Изучить возможности прогнозирования показателей профессионального мастерства хоккеистов путем использования в качестве "предикторов" индивидуальных профилей (наборов) коэффициентов уравнений регрессии по разным тестам. (Список задач можно корректировать и расширять).

Методика эксперимента

Для решения сформулированных задач в среде ЮНИТИ был разработан диагностический хронометрический эксперимент, состоящий из 4-серий.

Оборудование: базовый компьютер, шлем VR, датчики положения шлема в пространстве, ноутбук с 17,3 дюймовым монитором, стандартная клавиатура, на которой были оставлены 4-е клавиши с буквами В, А, О, Л. Остальные клавиши были удалены для того, чтобы испытуемый мог на ощупь быстро находить нужные для ответа клавиши, находясь в шлеме VR.

Испытуемые. В эксперименте участвовали две группы испытуемых: 14 студентов-психологов старших курсов и 14 молодых хоккеистов из одной московской команды.

Процедуры и планы 4-х экспериментальных серий. В них на 2-х уровнях по ортогональному и сбалансированному плану варьировались две или три независимых переменных. Ортогональность плана означает, что все парные корреляции между включенными в него независимыми переменными равны нулю. В сбалансированном плане на всех комбинациях уровней независимых переменных регистрируется одинаковое число значений зависимой переменной, в качестве которой выступало время (ВР) решения тестовых задач в каждой пробе любой серии. Время проведения всего эксперимента с одним испытуемым составляло около 20 минут.

В серии 1 измерялось время реакции испытуемых на появление шайбы на льду хоккейной площадки, которую они видели со стороны ворот на экране монитора или через очки VR. Шайбы предъявлялись по одной на линии, проходящей через центр ворот, а также в тех точках воспринимаемой площадки, которые соответствовали 18-и (+1) и 9-и (-1) физическим метрам от ворот реальной площадки. Цифры в скобках (+1 и -1) представляют собой кодированные значения переменной расстояние (сокр. РАССТ), которые входят в экспериментальные планы.

Другой независимой переменной в серии 1, а также в других трех сериях, была СРЕДА предъявления шайб, которая могла быть виртуальной (+1) или изображенной на экране ноутбука (-1). Эта переменная варьировалась иначе,

чем расстояние, поскольку вначале испытуемые обрабатывали все 4-е серии на экране ноутбука в порядке их нумерации, а затем им надевали шлем и серии в том же порядке повторялись в VR среде. Перед каждой серией в обеих средах испытуемому давалась соответствующая инструкция, и он выполнял несколько тренировочных проб.

Задача испытуемого в серии 1 состояла в том, чтобы после показа шайб как можно быстрее нажать указательным пальцем на клавишу «Л» клавиатуры, с помощью которой регистрировалось латентное время (ВР) двигательного ответа. Отсчет этого времени начинался от момента подачи программой команды на предъявление шайбы и заканчивался в момент регистрации нажатия испытуемым на клавишу ответа. Если ответ давался в течение первых 100 миллисекунд (0,1 сек) после показа шайбы, то он считался ошибочным (аналог «фальстарта») и сопровождался звуковым сигналом.

В серии 1 шайба предъявлялась до момента нажатия испытуемым клавиши ответа, после которого шайбы исчезали, и начинался отсчет 2-х или 3-х секундного интервала до начала следующей пробы (предъявления следующей шайбы). Интервал между пробами выбирался случайным образом.

Экспериментальный план серии 1 включает две переменные: СРЕДА и РАССТ, которые варьировались на двух кодированных уровнях +1 и -1. На каждой комбинации этих уровней (+1, +1), (+1, -1), (-1, +1), (-1, -1) в квазислучайном порядке регистрировалось 10 правильных ответов. Всего в серии 1 было 40 проб. Их квазислучайный порядок состоит в том, что одна и та же комбинация уровней переменных не появлялась в серии более 2-х раз подряд.

В серии 2 шайбы предъявлялись на одном из двух случайно выбираемых расстояний (18 м (+1) и 9 м (-1) как и в первой серии) и оставались неподвижными в течение 1 сек или 1,5 сек. После этого шайба начинала движение в сторону ворот по линии, проходящей через центр ворот.

Задача испытуемого в серии 2 состояла в том, чтобы как можно быстрее нажимать на клавишу клавиатуры *в ответ на начало движения шайбы*, которая предъявлялась на тех же расстояниях, что и в серии 1. Ответ давался нажатием на ту же клавишу, что и в первой серии. Латентное время ответа регистрировалось от момента подачи команды на движение шайбы до момента регистрации программой нажатия на клавишу клавиатуры. Если ответ давался в течении первых 100 мс (0,1 сек) после начала движения шайбы, то он считался ошибочным («фальстартом») и сопровождался звуковым сигналом.

Серия 2 совпадает с серией 1 по экспериментальному плану, общему количеству проб и некоторым другим характеристикам, *кроме задачи испытуемого*. По этой причине регистрируемые в серии 2 времена ответа имеют другую психологическую интерпретацию (характеризуют другие перцептивные процессы) чем ВР в серии 1.

В серии 3 на двух уровнях независимо варьировались 3 переменные – СРЕДА, РАССТ и направление движения шайбы (НАПР) в правую (+1) или левую (-1) сторону ворот. Задача испытуемого состояла в том, чтобы как можно быстрее определять направление движения шайбы и давать ответ нажатием указательными пальцами разных рук правой (О) или левой (В) клавиши клавиатуры. Поскольку на каждой из 8 комбинации уровней варьируемых переменных было по 10 проб с правильными ответами, то общее число проб в этой серии возросло до 80. Шайбы начинали двигаться в одном из двух случайно выбираемых направлений сразу после их предъявления. Воспринимаемые скорости движения шайб с расстояния 9 и 18 м предварительно уравнивались путем эмпирического подбора времени их движения до линии ворот.

В серии 4 все шайбы предъявлялись с одного расстояния 18 м и могли двигаться в правую (+1) или левую (-1) стороны ворот, в которых выделялись по две зоны 2 (+1) и 3 (-1), см. рис. 2. Тем самым к переменной «направление» (НАПР) добавлялась переменная «зона» (ЗОН), которая тоже

варьировалась на двух уровнях: 2 (+1) более близкая к центру нижняя зона ворот и 3 (-1) – дальняя от центра зона.

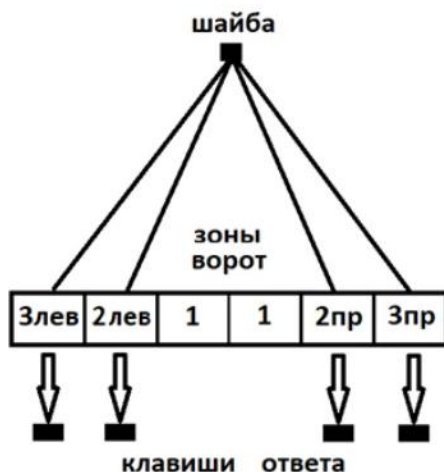

Рис. 1. Зоны попадания шайбы в ворота в 4-й серии эксперимента

Задача испытуемого заключалась в том, чтобы как можно быстрее определить, в какую из 4-х зон ворот летит шайба и нажать пальцами правой или левой руки соответствующие клавиши. Зонам под номером 2 соответствовали указательные пальцы рук, а зонам 3 – средние пальцы. В серии 4-ой варьировались три переменные (СРЕД, НАПР и ЗОН) и в ней было 80 проб – по 40 проб на каждую зону ворот в среде МОН и VR.

Некоторые результаты и их обсуждение

Таблица 5. Константы и значимые коэффициенты регрессии

Уравнения регрессии для групповых данных	
СТУДЕНТЫ	ХОККЕИСТЫ
Серия 1	
VRмодел = 0,325 + 0,015* СРЕДА + 0,007 РАССТ	VRмодел = 0,305 + 0,010* СРЕДА + 0,017* РАССТ
Серия 2	
VRмодел = 0,300 + 0,002 СРЕДА + 0,019* РАССТ	VRмодел = 0,305 + 0,009* СРЕДА + 0,006 РАССТ
Серия 3	
VRмодел = 0,356 - 0,004 СРЕДА + 0,028* РАССТ - 0,001 НАПРАВ	VRмодел = 0,358 + 0,000 СРЕДА + 0,027* РАССТ - 0,001 НАПРАВ
Серия 4	
VRмодел = 0,538 - 0,029* СРЕДА + 0,003 НАПР - 0,002 ЗОНА	VRмодел = 0,503 - 0,020* СРЕДА + 0,001 НАПР + 0,004 ЗОНА

Анализ и интерпретация констант и значимых коэффициентов регрессии из табл. 5

Константы в уравнениях регрессии равны среднему времени решения тестовой задачи в соответствующих сериях и группах. В серии 1 у группы студентов среднее время простой двигательной реакции на предъявление шайб (0,325 с) значительно больше на 20 мс, чем в группе хоккеистов (0,305 с) при $P = 0.014$ по t критерию для независимых выборок. Аналогичный результат получен в серии 4, где средние ВР в группе студентов (0,538) на 35 мс больше, чем в группе хоккеистов (0,503 мс).

Это означает, что в простой серии 1 и в наиболее сложной серии 4 хоккеисты работают быстрее студентов. При этом в серии 4 делается много ошибок, тогда как в серии 1 ошибки были единичными. Так, в группе студентов в 4-й серии ошибок было 20,6 %, в среднем 16,5 ошибок на человека. В группе хоккеистов в той же серии ошибок было 32,2 %, в среднем 25,8 на человека. Различия между общим числом ошибок в группе студентов и хоккеистов значимы при $P < 0,05$ по t критерию для независимых выборок. При этом различия между числом ошибок на мониторе и в условиях VR в обеих группах не значимы ($P = 0,21$) по t критерию для зависимых выборок.

Описанные результаты свидетельствуют о том, что серии 1 и 4 в большей степени профессионально специфичны, поскольку по их результатам студенты и хоккеисты различаются сильнее, чем по результатам в сериях 2 и 3. Это нужно учитывать при разработке индивидуальных профилей тестовых показателей, по которым планируется прогнозировать показатели профессиональной успешности хоккеистов.

По разностям между константами уравнений регрессии, т.е. по среднему времени решения задач в разных сериях, студенты и хоккеисты также значительно различаются. Например, момент появления шайб на площадке студенты в серии 1 определяют в среднем на 50 мс медленнее, чем момент начала движения уже предъявленных шайб в серии 2. У

хоккеистов средняя разность времен между этими процессами нулевая, что сильно отличает их перцептивные процессы от процессов у студентов.

По величине коэффициентов регрессии также можно оценивать перцептивные процессы испытуемых в соответствии с принятой в плане кодировкой уровней переменных. Например, равный 0,015 с коэффициент регрессии при переменной «среда» у студентов в серии 1 свидетельствует о том, что в виртуальной среде (кодируется знаком +1), времена реакции на появление шайбы на площадке на 0,030 с (или на 30 мс) больше, чем при восприятии *момента появления* шайб в среде монитора, которая кодируется знаком (-1). (Коэффициенты регрессии равны *половине разности* между средними ВР на положительном и отрицательном уровнях варьируемых переменных).

Коэффициенты регрессии при переменной «среда» в серии 4 в обеих группах стали отрицательными, т.е. изменили знак на противоположный, по сравнению с серией 1. Так, определение *зоны* прилета шайбы в ворота с 18 м происходит на 40-58 мс быстрее в условиях VR, чем на мониторе. Это означает, что процессы восприятия момента появления шайбы на площадке и определения зоны ее прилета значительно различаются.

Момент появления шайбы на расстоянии 18 м хоккеисты оценивают в среднем на 34 мс медленнее, чем на расстоянии 9 м (соответствующий коэффициент регрессии равен 0,017 с). Это может объясняться тем, *воспринимаемый на мониторе и в условиях VR размер* шайбы на расстоянии 18 м примерно в 3-4 раза меньше ее видимого размера на 9 м. При восприятии шайб на обычной площадке такие различия значительно меньше, поскольку в этих условиях сохраняется константность восприятия размера шайб.

Анализ качества регрессионных моделей

Для каждого уравнения регрессии из Табл. 5 с помощью программы STATISTICA.6 проводилась проверка выполнения в наших экспериментах постулатов регрессионного анализа и степени адекватности регрессионных моделей полученным в эксперименте данным. Эта проверка включала:

1. Оценку значимости коэффициентов регрессии с помощью t критерия. Значимые при $P < 0,05$ коэффициенты регрессии отмечены звездочкой и выделены жирным шрифтом.

2. Проверка общего качества моделей проводилась с помощью F критерия, уровень значимости которого меньше 5% для всех уравнений.

3. Для каждой модели вычислялся коэффициент детерминации R^2 , под которым понимается доля дисперсии зависимой переменной, «объясняемая» включенными в модель независимыми переменными. Значения этих коэффициентов лежат в пределах от 0,2 до 0,42, что частично обусловлено тем, что в наших моделях учтены не все основные переменные, которые могут влиять на дисперсию зависимой переменной (ВР).

4. Проводилась также проверка *остатков* моделей (разностей между фактических и модельным ВР в пробах каждой серии) на наличие в них *автокорреляции, гетероскедастичности*, а также соответствия остатков *нормальному* распределению. Наличие в остатках первых двух признаков и при значительном отклонении их распределения от нормального нарушаются постулаты регрессионного анализа и становятся не применимыми формулы, по которым оцениваются параметры моделей (значимость коэффициентов и пр.).

Вместе с *мультиколлинеарностью* независимых переменных (которая в наших ортогональных планах отсутствует) это приводит к неустойчивости регрессионных моделей и к не высокой ретестовой надежности (воспроизводимости) их коэффициентов при повторении экспериментов. Для наших психодиагностических целей такие характеристики моделей крайне нежелательны, что делает необходимым их обязательную проверку.

Автокорреляция (корреляция ряда данных с самим собой) означает, что при сдвиге в нашем случае столбца остатков ВР на одну (или на n) ячеек вверх или вниз между старым и новым рядом обнаруживается значимая корреляция первого (или n -го) порядка, что характерно для временных рядов (упорядоченных во времени данных). Наличие автокорреляции в

наших данных проверялось с помощью статистики Дарбина-Уотсона. Во всех экспериментальных сериях расчетное значение этой статистики близко к числу 2 и попадает в интервал от $DL = 1,61$ до $DL = 1,74$ (для трех независимых переменных и 112 остатков ВР на 5% уровне значимости). Это свидетельствует об отсутствии автокорреляции в полученных данных.

Гетероскедастичность остатков (не однородность их дисперсий) означает, что на некоторых комбинациях уровней варьируемых переменных дисперсии остатков различаются, что не соответствует постулату регрессионного анализа о *гомоскедастичности* (однородности, или равенстве этих дисперсий).

Для оценки указанных характеристик использовалась стандартная процедура. Остатки в каждой серии возводились в квадрат и эти данные образовывали новую *зависимую* переменную, аналогичную переменной ВР в каждой серии. Такие ряды квадратов остатков в каждой серии подвергались регрессионному анализу с теми же независимыми переменными, что и в случае экспериментальных ВР. Если все коэффициенты соответствующего уравнения регрессии не значимы, т.е. независимые переменные каждой серии не влияют на квадраты остатков в этой же серии, то это означает, что дисперсии остатков (пропорциональные суммам остатков на разных уровнях переменных) не различаются, т.е. остатки гомоскедастичны. В нашем случае небольшие отклонения моделей от гомоскедастичности наблюдались по переменной «расстояние», которая в некоторых сериях влияла на дисперсии остатков.

Проверка остатков на нормальность распределения проводилась по критерию Колмогорова-Смирнова. Для группы хоккеистов фактическая величина критерия Колмогорова-Смирнова $D_{\text{факт}} = 0,196$. Для 120 остатков критическое значение этого критерия на однопроцентном уровне значимости равно $D_{\text{крит}} = 0,232$. Поскольку $D_{\text{факт}} < D_{\text{крит}}$ то принимается нулевая гипотеза о совпадении фактического распределения с нормальным.

Следует отметить, что перечисленным выше требованиям к регрессионным моделям удовлетворяют не только групповые,

но и *индивидуальные данные*, полученные на одном человеке в разных сериях. Это было проверено на результатах двух случайно выбранных испытуемых. Одна из основных причин этого состоит в том, что все серии эксперимента проводились по полным двухуровневым планам, в которых независимые переменные не коррелировали друг с другом (ортогональность плана) и на каждой комбинации уровней регистрировалось достаточно большое и одинаковое число (10) правильных ответов (сбалансированность плана).

Это позволяет предположить, что коэффициенты *индивидуальных* регрессионных моделей будут иметь высокую ретестовую надежность (воспроизводимость), необходимую для построения из значимых коэффициентов регрессии индивидуальных диагностических профилей хоккеистов, по которым можно описывать особенности их перцептивных процессов, а также прогнозировать внешние показатели их профессиональной успешности.

Предварительный анализ индивидуальных данных студентов в первой и второй сериях эксперимента показал, что константы и коэффициенты их уравнений регрессии обладают достаточной ретестовой надежностью, которая оценивалась с помощью коэффициентов корреляции результатов «параллельных» форм хронометрических тестов. В качестве таких параллельных форм использовались одинаковые задания, которые предъявлялись на мониторе и с помощью шлема VR.

Получены следующие коэффициенты корреляции в группе студентов сериях 1 и 2: для индивидуальных констант $r = 0,72$ ($P < 0,01$), для переменной «серия» $r = 0,57$ ($P < 0,05$) и для переменной «расстояние» $r = 0,36$ (при $P < 0,204$). Указанные переменные имеют психологическую интерпретацию и могут быть включены в индивидуальные диагностические профили студентов.

Основная идея разрабатываемого диагностического метода состоит в том, чтобы аналогичные индивидуальные профили констант и значимых коэффициентов регрессии хоккеистов использовать в качестве набора

переменных, по которым с помощью регрессионного и корреляционного анализов можно прогнозировать показатели их профессиональной успешности.

Заключение

В заключение данной статьи следует отметить, что в настоящее время не решен вопрос о том, с какой точностью в среде UNITY определяется время между подачей команды о показе некоторого объекта на экране и моментом нажатия на клавишу клавиатуры в ответ на этот объект. Этот вопрос возникает также в связи с тем, что в регистрируемых временах реакции по непонятным пока причинам иногда встречаются числа, совпадающие с точностью до 7-го знака.

В обычных когнитивных тахистоскопах (Presentation, StimMake и др.) такого не происходит. В этих программах, работающих под управлением ОС Windows, время между подачей команды на показ стимула на экране и моментом нажатием на клавишу ответа, сильно зависит от оборудования (монитора, мыши и клавиатуры). Однако оно относительно стабильно и находится в приемлемых для когнитивных исследований пределах, как показано в статье [1]. Вопрос о точности определения этого времени в среде UNITY планируется решать путем ее прямого измерения с помощью простого оборудования и методики, описанной в указанной статье.

Список литературы

1. Турковский А. А., Беспалов Б. И., Вартанов А. В., Кисельников А. А. Оценка аппаратной погрешности в хронометрическом психологическом эксперименте с использованием современного оборудования / // *Психология. Журнал Высшей Школы экономики*. 2014. Т. 11, № 4. С. 146–157. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/7950687/>

DIAGNOSTICS OF PERCEPTUAL PROCESSES OF HOCKEY PLAYERS IN A VIRTUAL REALITY ENVIRONMENT AND ON A REGULAR MONITOR

Bespalov B.I.
Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

The article presents some results of diagnostics of perceptual processes of hockey players and students using multifactorial chronometric experiments developed in the UNITY environment and conducted in virtual reality and on a conventional monitor.

Regression models for group data of students and hockey players obtained on a laptop monitor and in VR conditions were compared. The results of calculating various characteristics of regression models - the coefficient of determination, the presence of autocorrelation and heteroscedasticity of residues, the normality of their distribution, etc. are described.

Keywords: diagnostic chronometric experiment in UNITY environment

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Дадыко Н.Н.

Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ)
(г. Смоленск, Российская Федерация)

В статье изучается и рассматривается вопрос формирования когнитивной сферы в юношеском возрасте. Как один из ключевых вопросов акцент ставится на средства организации работы проектно-исследовательской деятельности. В качестве продукта и результата проектов для испытуемых будут служить их дипломные и курсовые работы. Тема и структура работы совместно определена студентом и его научным руководителем в области их научных и специальных знаний и интересов. В работе также описаны проведённые диагностики для изучения степени заинтересованности, мотивации и уровня мышления испытуемых.

Ключевые слова: юношеский возраст, мышление, исследовательские навыки, проектная деятельность, когнитивная сфера.

Введение

Очень часто подростки сталкиваются с новым этапом в своей жизни, который предполагает и подталкивает их к формированию и усиленному стремлению философских мыслей. Это может быть обусловлено не только формированием формально-логических операций, но и их индивидуальных эмоциональных и личностных черт. Это развитие продолжается и наиболее структурируется, обретая чёткую форму именно в юношеском возрасте, когда ведущий вид деятельности сменяется на профессиональную направленность. Необходимо отметить, что, как правило, исходя из нашей физиологии – абстрактное мышление в большей степени характерно именно для юношей, тем временем как девушки ориентируются на конкретные образы и мысли. Таким образом, принято считать, что девочки лучше справляются с конкретными, нежели с абстрактными задачами.

Многие люди в этом возрасте склонны переоценивать свои способности, знания и умственные возможности [4, С. 174].

В юношеском возрасте наиболее стойко возрастает внимание, способность длительное время сохранять его интенсивность и переключаться с одного предмета на другой, особенно в сфере профессиональных интересов, поэтому данный возраст может по большей части считаться сензитивным для развития и формирования когнитивных навыков. Однако, как мы и упомянули, внимание становится наиболее избирательным и зависит от профессиональной направленности. Развиваются творческие способности. Таким образом, молодые люди в этом возрасте не только усваивают информацию, но и создают что-то новое, индивидуальное и креативное, предлагая нестандартные и креативные способы для решения, казалось бы, однотипных и порой совершенно не абстрактных задач [7, С. 80].

По определению отечественного психолога Е. А. Климова, личный стиль умственной деятельности – это «система свойственных индивиду психологических средств, на которые человек сознательно или добровольно опирается для достижения оптимального соотношения между своей индивидуальностью (типологически обусловленной) и внешними условиями, являющимися объектом его деятельности»;

Н. Коган считал, что «в процессе познания индивидуальные стили умственной деятельности рассматриваются как стили мышления, то есть как устойчивая совокупность индивидуальных различий в восприятии, памяти и способах мышления, за которыми стоят различные способы получения, хранения, переработки и использования информации. Потенциал интеллектуального прогресса в этом возрасте обеспечивается развитием таких учебных навыков, как работа с текстами и литературой и выполнение формальных логических операций» [6, С. 34].

Обучение в формате проектов – это одна из наиболее подходящих техник для применения накопленных знаний. В основе метода проектов лежит идея направить учебно-познавательную деятельность обучающихся на результат, полученный при решении проблем, имеющих практическое или теоретическое значение.

При защите проектов студенты расширяют свой кругозор, повышают уровень владения языком, приобретают опыт практического применения и учатся воспринимать речь на иностранном языке на слух, слушая и понимая друг друга, включая и зарубежных коллег, занимающихся подобным типом профессиональной деятельности. Студенты работают со справочниками, словарями и компьютерами, что создает возможности для непосредственного знакомства с аутентичным языком, которое невозможно получить в аудитории, обучаясь только по учебникам. Работа над проектом – это творческий процесс. В нем учащиеся ищут решения проблем, самостоятельно или под руководством преподавателя. Это требует не только лингвистических знаний, но и большого объема знаний по предмету, творческого подхода, коммуникативных и интеллектуальных навыков [3, С. 157].

Литературный обзор

Метод проектов явление не новое в педагогике и психологии. Он применялся и в отечественной дидактике (особенно в 20-30-е годы), и в зарубежной. В последнее время этому методу уделяется пристальное внимание во многих странах мира. Первоначально его называли методом проблем и разработан он был американским философом и педагогом Дж. Дьюи, который утверждал, что «строить обучение на активной основе, через целесообразную деятельность ученика, основанном на его личных интересах».

В основе метода проектов лежит развитие когнитивных (познавательных) и творческих умений учащихся, а также умений самостоятельно конструировать свои знания [5, С. 519].

В европейских языках слово «проект» заимствовано из латыни: означает «выступающий», «бросающийся в глаза».

В настоящее время метод проектов приобрел популярность в связи с:

- растущей необходимостью формирования новой системы образования и воспитания юношей и девушек;

- ее переориентации на социализацию личности через участие в общественно значимой деятельности;

- развитием способности к самостоятельному решению разнообразных жизненных трудностей и проблем» [2, С. 44].

Сегодня общество уделяет все больше внимания уникальности тех или иных людей. Это связано с тем, что психология давно изучает различия в проявлениях познания, деятельности, мышления и общения конкретных людей. Основы «индивидуальной психологии» определил А. Адлер, говоря о том, что «изучения особенностей человеческой личности, а интеллект играет важную роль в формировании личности». В отечественной психологии наиболее значимые работы по изучению мышления были созданы Л. С. Выготским, Д. Б. Богоявленской, А. В. Брушлинским, А. Г. Асмоловым, С. Л. Рубинштейном, О. К. Тихомировым и многими другими исследователями. В этих исследованиях была изучена необычайно обширная область психологии мышления, показаны механизмы анализа и интеграции, природа продуктивной познавательной деятельности. Однако эти находки объясняли лишь общие психологические закономерности, присущие всем людям. Особенности отдельных людей оставались неизученными. Несмотря на это, в современной отечественной психологии термины «познание» и «узнавание» не являются синонимами. Выготский утверждал, что «понятие «познание» применяется к процессу отражения действительности в сознании человека в виде когнитивных образов (ощущений, восприятий, воспоминаний, мыслей). Этим термином можно обозначить полное отражение когнитивной сферы индивида» [10, С. 148].

Мыслительная деятельность юношей более активна и самостоятельна, чем у подростков. Они критически относятся к своим наставникам, а их восприятие интереса к профильному предмету основывается на том, что он требует глубокого осмысления, а не только заучивания и зубрения. В этом случае проявляется склонность юношей к обобщениям, к выявлению основных идей и законов, объединяющих конкретные факты. Мужчины

часто склонны переоценивать уровень своих знаний и умственных способностей, а широта их познавательных интересов иногда приводит к «отвлеченности». В этом возрасте значительно возрастают индивидуальные различия в уровне и направленности умственных интересов, общих способностей и специальных профессиональных навыков.

В результате своих исследований Ж. Пиаже пришел к выводу, что «юноши обычно избирательно применяют свои умственные способности и концентрируют их проявление в тех областях деятельности, которые кажутся им наиболее важными и интересными. При этом они обычно обходятся своими прежними способностями. Поэтому, чтобы раскрыть истинный умственный потенциал человека в этом возрасте, необходимо сначала определить основные сферы интересов, в которых он сможет максимально реализовать свои способности. Тогда и только на основе этого материала можно будет сделать объективные выводы об умственном развитии» [1, С. 123].

Материалы и методы

В своём исследовании мы попытались реализовать и раскрыть потенциал формирования когнитивной сферы путём влияния на неё методами проектной деятельности. Основная гипотеза состоит в том, что мышление и мотивация могут успешно форсироваться за счёт реализации принятого проекта, поскольку выбранная тема исследования чаще всего исходит из внутренней мотивации индивида.

В исследовании приняли участие 50 юношей и девушек, обучающихся на базе Смоленского государственного университета психолого-педагогического факультета направления «Психология в образовании». В качестве диагностики мышления и мотивации испытуемым были предложены следующие методики (см. таблица 6) [8, С. 42].

Если анализировать полученные результаты, то испытуемые показали результат на уровне среднего по тестам интеллекта Айзенка-Горбова и прогрессивным матрицам Равена, тем временем как по методике группового

интеллектуального теста результаты оказались в большей мере ниже среднего, где лишь 30 испытуемых показали средний результат, близкий к норме (см. рисунки 2 и 3).

Таблица 30. Диагностика сформированности когнитивной сферы в юношеском возрасте

№	Название методики	Количество испытуемых
1.	Прогрессивные матрицы Равена	50
2.	Тесты интеллекта Айзенка-Горбова	50
3.	Методика ГИТ (групповой интеллектуальный тест) Дж. Вана	50

Исходя из диаграммы рисунка 1 можно наблюдать весьма высокий уровень правильных ответов среди всех испытуемых, превышающий 50% от общего числа студентов, тем временем как низкий результат набрали около 10% обучающихся. Очень высокий результат набрали всего 4% студентов среди всех испытуемых.

Общий % правильных ответов по всем заданиям

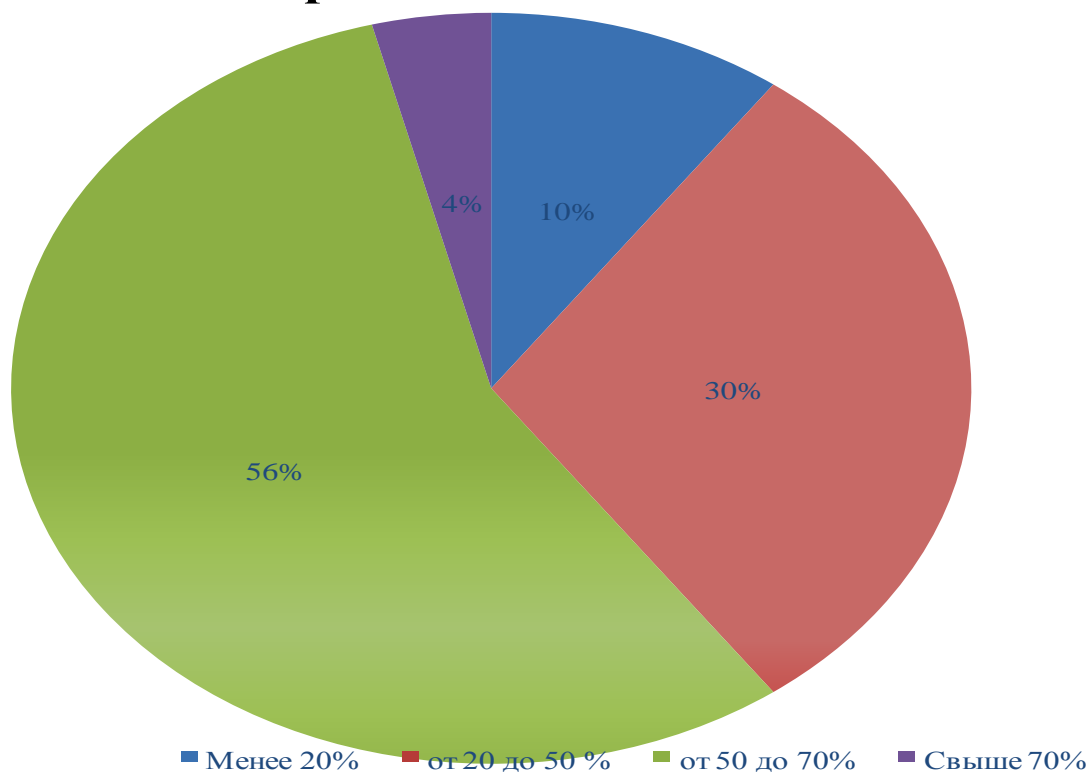

Рис. 2. Диаграмма с результатами диагностики по прогрессивным матрицам Равена

Уровень развития интеллектуальных способностей

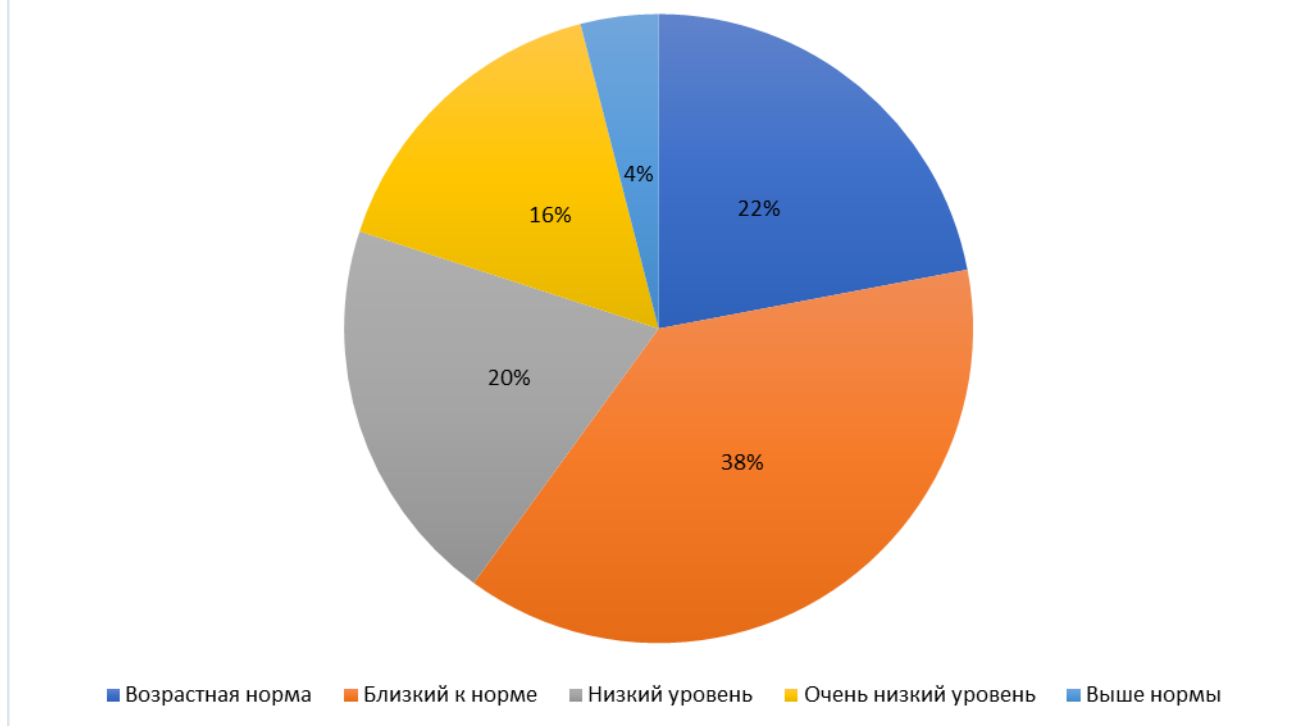

Рис. 3. Диаграмма с результатами диагностики по методике ГИТ

На диаграмме №2 можно увидеть иную картину, поскольку в рамках нормы и примерной возрастной нормы оказались 22% и 38% обучающихся соответственно, при том, что в низком и очень низком уровне расположились 20% и 165 испытуемых соответственно.

В качестве проекта для каждого испытуемого являются их дипломные и курсовые исследования, которые они должны защитить по итогам учебного года или всего обучения. Выбранные исследования должны благополучно сказаться на дальнейшей мотивации к обучению и уровню мышления юношей и девушек [9, С. 129].

Заключение

Итак, проектное обучение создаёт условия для творческой самореализации учащихся в познавательной и преобразовательной деятельности, повышает мотивацию к обучению, способствует формированию когнитивной сферы, самостоятельности, ответственности, умений планировать, принимать решения, оценивать результаты и структурировать требуемые знания, умения и навыки. Учащиеся

приобретают опыт разрешения реальных проблем в будущей деятельности и рабочей среде. В результате повторной диагностики мы очень рассчитываем получить рост в области когнитивной сферы, посредством формирования этих качеств при помощи проектного метода с использованием курсовых и дипломных работ обучающихся по выбранной ими тематике исследования.

Список литературы

1. *Блонский П.П.* Педология: Книга для преподават. и студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Сластенина. М., 1999, С.123.
2. *Боева Л.Л.* Проектное развитие / Библиополе. - 2010 - № 3 – С. 33-87.
3. *Брушлинский А.В.* Субъект. Мышление, учение, воображение / МПСИ, МОДЭК, 2003, С. 155-166.
4. *Выготский Л.С.* Проблема возраста/ Л.С.Выготский / Собр.соч.: В 6 т.- М.,1884. Т.4, С. 174.
5. *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – С. 519.
6. *Гальперин П. Я.* Воспитание систематического мышления в процессе решения малых творческих задач [Текст] / П. Я. Гальперин, В. Л. Данилова // Вопросы психологии. – 1980. – № 1. – С. 31-36.
7. *Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании учебных действий [Текст] / П.Я. Гальперин // Исследование мышления в советской психологии. – М.: Наука, 1966. – С. 12–102. Боева Л.Л. Проектное развитие / Библиополе. - 2010 - № 3 – С. 33-87.
8. *Дадыко Н.Н.* Проектная деятельность как средство развития познавательного интереса детей младшего школьного возраста. Смоленск, 2022, С. 37-44.
9. *Дадыко Н.Н.* Психология формирования мышления и мотивации средствами проектной деятельности в юношеском возрасте. Смоленск, 2023, С. 129-131.
10. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 148.

PROJECT ACTIVITY AS A MEANS OF DEVELOPING THE COGNITIVE SPHERE IN BOYS AND GIRLS

Dadyko N.N.
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The article examines and examines the issue of the formation of the cognitive sphere in adolescence. As one of the key issues, the emphasis is placed on the means of organizing the work of design and research activities. Their theses and term papers will serve as the product and result of the projects for the subjects. The topic and structure of the work are jointly determined by the student and his supervisor in the field of their scientific and special knowledge and interests. The work also describes the diagnostics performed to study the degree of interest, motivation and level of thinking of the subjects.

Keywords: adolescence, thinking, research skills, project activity, cognitive sphere.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ЕСТЕСТВЕННО-ПСИХИЧЕСКОГО МЕТОДА АУТООРДИНАЦИОННОЙ ПСИХОТЕРАПИИ ПОСРЕДСТВОМ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ПРОТОКОЛОВ 15 СЕССИЙ С ОРДИНАНТОМ (КЛИЕНТОМ)

Кольчугина З.А.

ООО «Международный институт психологии и психотерапии аутоординационного направления»
(г. Москва, Российская Федерация)

Донцов Д.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(г. Москва, Российская Федерация)

С ординантом (клиентом) осуществлена аутоординационная психотерапия естественно-психическим методом и проведена его экспериментальная проверка путём качественного анализа материалов сводных протоколов 15 психотерапевтических аутоординационных сессий.

Ключевые слова: естественно-психический метод, аутоординационная психотерапия, ординант (клиент), психотерапевтическая сессия, качественный анализ.

15 аутоординационных психотерапевтических сессий с ординантом (клиентом) были проведены следующим образом путём применения естественно-психического метода аутоординационной психотерапии. Шесть сессий были проведены подряд, ежедневно, далее девять сессий были проведены через день. Всё это вместе составило собою так называемую психотерапевтическую реанимацию ординанта (клиента), произведённую в русле аутоординационного направления психотерапии [1, С. 104-124; 2, С. 65-71; 3, С. 163-169; 4, С. 66-74; 5, С. 308-321; 6, С. 58-64; 7, С. 178-186; 8; 9; 10; 11; 12; 13, С. 88-101; 14; 15, С. 154-162; 16].

Ниже приведён пример эмпирического использования естественно-психического метода аутоординационной психотерапии, проведённой с ординантом (клиентом), – мужчиной 28 лет, музыкант, концертмейстер. Протоколы 15 аутоординационных психотерапевтических сессий были сведены в 3 сводные таблицы (составлены 3 сводных протокола): 1-я таблица по сессиям 1-5; 2-я по сессиям 6-10; 3-я по сессиям 11-15. Затем был осуществлён качественный анализ данной информации, что подробно показано далее.

Изначальный запрос данного ординанта (клиента), имеющийся у него до начала психотерапии аутоординационного направления, производимой естественно-психическим методом В.А. Янышевой, был направлен на улучшение его финансового состояния.

В качестве информационного уточнения к представленным дальше таблицам 7-9 укажем следующее. В пункте 5 приведённых таблиц мы описываем процесс и особенности проработки самой психикой ординанта психотравматического материала в ходе каждой психотерапевтической сессии аутоординационного направления психотерапии (АНП). При этом учитывается специфика прохождения психикой ординанта пути переработки психотравматического материала в сессии от сегодняшней ситуации к первопричине очага скрытого напряжения (ОСН). Отметим, что в аутоординационном направлении психологии и психотерапии, в контексте применения естественно-психического метода аутоординационной психотерапии, выделены пять способов проработки психикой ординанта психотравматического содержания очага скрытого напряжения (ОСН). Это: 1) «последовательно» – от сегодняшней ситуации к предыдущей (причинно-следственная логика от настоящего в прошлое) и так далее поступательно, через все промежуточные предшествующие ситуации до первопричины ОСН; 2) «кругооборот» – вариант «последовательно» циклично повторяется несколько раз; 3) «скачкообразно» – от сегодняшней ситуации сразу до первопричины ОСН, затем снова к сегодняшней ситуации и потом снова к первопричине ОСН, и таким образом далее в сессии; 4) «смешанно» – имеется и последовательность, и кругооборот, и скачкообразность, то есть прорабатываются все следствия последовательно, после чего происходит возврат к сегодняшней ситуации, а затем опять вспоминается первопричина ОСН. Данный «смешанный» способ может содержать в себе три указанных здесь варианта («последовательность», «кругооборот», «скачкообразно»), а может иметь и два из них в любых вариациях; 5) «смешанно-переплетённо» – сразу идёт отнесение к первопричине ОСН, а потом постепенно происходит

возврат к сегодняшней ситуации. Или же сначала имеется отнесение к каким-либо следствиям ОСН. Таким образом, могут прорабатываться все промежуточные психотравматические ситуации (при этом иногда идёт возврат к первопричине ОСН), а затем прорабатывается сегодняшняя ситуация. Всё это может происходить несколько раз по всей цепочке прорабатываемых психотравм, являющихся следствиями данного ОСН. Отличием от просто «смешанного» варианта является то, что вариации «последовательность», «кругооборот», «скачкообразно» осуществляются психикой не постепенно, не по очереди, а сразу все вместе, слитно. [1, С. 104-124; 2, С. 65-71; 3, С. 163-169; 4, С. 66-74; 5, С. 308-321; 6, С. 58-64; 7, С. 178-186; 8; 9; 10; 11; 12; 13, С. 88-101; 14; 15, С. 154-162; 16].

Таблица 7. Сводная таблица (сводный протокол), суммирующая проведённые 1-5 сессии аутоординационного направления психотерапии (АНП)

1. Состояние ординанта и психотерапевтический процесс АНП на период начала каждой из первых пяти сессий	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы):</i> 1) неприятно осознавать, что люди себя плохо ведут, воздушный шарик с водой, суши-палкой прокалывают и обратно вытаскивают (в сердце пальцем ткнули и вытащили). Можно было всё по-другому сделать. Когда же всё это пройдёт? 2) не ремонтируют автоприцеп; вдруг «кинули»? 3) пока есть чем оплачивать съёмную квартиру, хочет, чтобы всегда были финансовые запасы. Остаются наличные, вот и хорошо, что осталось. Лишних денег не бывает. Всё приговждается. Деньги должны работать. Ужасно осознавать, что детей заставляют через силу заниматься музыкой в школе, где он работает. Видит тупик, безысходность, а дальше что? Плывёшь-плывёшь, открытый океан, нет берега, страх утонуть, не за что зацепиться. Идёт понимание: что-то надо сделать. Можно сделать музыкальный коллектив: два года музыкант отыграл, потом участники дальше идут. Надо концертные туры делать. 4) образ из бессознательного. Картинка: Машина белого цвета Toyota Land Cruiser Prada, большая машина 7 мест. Всё внутри красиво, внедорожник, высокая подвеска. Кошмар, что творится во дворах. Помещается вся семья: жена, дочка, кот породы Мэйкун 8 кг. Видит, как едет с удовольствием на этой машине на работу. Улыбается. Представляет себя деловым человеком. 5) часто просыпается в туалет.

	<i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 1) тяжесть массивная давит спину как баян, хочется подпрыгнуть, но тяжело. Выводит из себя то, что не может он донести до людей, как правильно нужно делать. 2) умиротворение, тишь да гладь, спокойствие без толчков. Тревога, взволнованность, чувство вины за то, что уступил виновнику ДТП. 3) беспокойно, страх, что надо освободить квартиру, хлопоты переезда, стресс для ребёнка. Приятность, складность, хорошо всё, свобода, настроение хорошее, хочется улыбаться, жить хочется. 4) дискомфорта нет. Ему хорошо, он радуется от мысли, что будет ездить на своей машине, внутренний покой, приятно; 5) раздражённость, сменяющаяся на спокойствие. <i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 1) в груди скребёт со стороны сердца. Поясница (тупая боль отдаёт в паху, при движении боль исчезает). Боль в паху, когда сидит или лежит, только при движении её не чувствует. 2) поясница ноет, кровь по телу разгоняется, прилив в брюшной полости (приятно); 3) приятное состояние; 4) приятное и хорошее состояние; 5) частые позывы к мочеиспусканию, сменившиеся комфортным в этом плане состоянием.
2. Упражнение «Визуализация себя в зеркале»: на 1-й сессии и на 5-й сессии аутоординационной психотерапии, качественный анализ	1) сессия: видит себя только до груди. Он в костюме, рубашке с галстуком. Волосы короткие как сейчас, слишком молодой, лет 10 назад. Худее чем сейчас. Сзади монотонный фон бирюзового цвета. Лицо весело-серьёзное, уравновешенное. Ощущение, что неживой, как картинка будто нарисованная, как портрет. 5) сессия: стоит левым боком, напряжённая поза, в руках молот. Лицо детское, школьного возраста (5-7 класс), короткие волосы, лицо не менялось, только щёки увеличились. Взгляд обычный, спокойный. Клетчатая рубашка, которая очень нравилась (мягкая). Колени чуть согнуты, будто дрова колет. Сказал про себя «его». Нос такой же, как в 5 классе, не улыбается, не хмурится, уши с мягкими мочками. Ощущение: давай! Давай! Себя подстёгивает. Полностью себя не видит: только до бёдер, ниже колен не видит. В зеркале отражается как бы не на одном уровне: тело ниже зеркала (зеркало не прямоугольное, а овальное).
3. Темы, поднятые психикой ординанта в	1) финансовые блокировки, несправедливость. Он доверился людям, а его «кинули». Накрывает в груди. Не слышат его.

данной сессии АНП, качественный анализ по сессиям: 1, 2, 3, 4, 5	Усталость, истощённость. Хотел бросить музыку. Всё надоело, накопело. Отвращение. 2) чувство вины, стыда; 3) расстройства, раздражения; 4) страх обесценивания; 5) обиды, боли.
4. Сценарная программа ординанта, проработанная в ходе сессии АНП, – качественный анализ по сессиям 1, 2, 3, 4, 5	1. Блоки из детства. 2. Чувствовал вину перед значимыми близкими и преподавателями, друзьями, что не сдерживал свои обещания, что подводил. 3. Всегда расстраивался и раздражался, если что-то не получал от других или у него что-то не получалось. 4. Обесценивание: сначала родителями, затем в школе, училище, ВУЗе, на работе. 5. Частые травмы и как следствие боли, скрытые обиды с детского возраста.
5. Краткое описание каждой из 5 аутоординационных психотерапевтических сессий – качественный анализ по сессиям 1, 2, 3, 4, 5. Особенности и специфика проработки ОСН психикой ординанта в каждой из данных 5 аутоординационных сессий	1. Смешанно-переплетённо. Вспоминает свою недавнюю отрицательную ситуацию с автомобильным прицепом, затем негативную ситуацию с китайцем в музыкальном ВУЗе, дальше случай в детстве с мамой и со своим другом, затем случай с отцом и с канализацией, дальше снова школа: 6-7 класс, затем училище, ВУЗ, снова 6-7 класс, снова ВУЗ, детский сад, ситуация с отцом в 4 года (первопричина ОСН). 2. Смешанно-переплетённо. Вспоминает свою недавнюю негативную ситуацию с автомобильным прицепом, затем ситуацию с отцовским ножом, затем случай в детстве с его письмом девочке (первопричина этого ОСН), снова ситуация с автоприцепом, затем опять училище, снова ВУЗ, и после этого ещё раз случай с автоприцепом. 3. Смешанно-переплетённо. Сегодняшняя ситуация с финансовыми вопросами, далее ситуация в 6 лет, когда «не дали порулить», затем воспоминания об учёбе в училище, ВУЗе, затем снова о жизни в интернате и учёбе в школе. Вспоминает возраст 4-5 лет, снова воспоминания об учёбе в училище, снова ВУЗ, затем снова вспомнил возраст 4-5 лет, когда мама ругала и запрещала прыгать на диване (первопричина этого ОСН). 4. Смешанно-переплетённо. Вспоминает свою учёбу в ВУЗе, затем работу в музыкальной фирме, потом случай в детстве, затем общежитие от училища, дальше случаи с медицинскими операциями в детстве (первопричина ОСН). 5. Смешанно. Вспоминает работу в музыкальной фирме, затем свои травмы в детстве, далее случай с сенокосом, затем учёбу в школе и училище (первопричины ОСН).

6. Изменения состояния ординанта и аутоординационный психотерапевтический процесс в ходе основной части каждой из пяти сессий: качественный анализ по сессиям 1, 2, 3, 4, 5	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы):</i> 1) будто всё делается для того, чтобы оставался на одном уровне, не развивался. Слезы текут, будто всё отрубили, ничего не было. Чёрная дыра в пространстве как пылесос всасывает по диагонали воздух, пыль. Хочет заглянуть внутрь, сопротивляется, хочет туда нырнуть и посмотреть. Картинка ушла. Заря, за облаками солнце встаёт рано утром летом, но его не видно, будто только начинается рассвет. Стало лучше, хочется жить. 2) хороший урок. Не получилось настоять на своём в случае с автомобильным ДТП, придётся всё равно огорчить родителей. 3) несколько выходов: нужно что-нибудь соорудить, чтобы плыть. Картинки из бессознательного. Зачем надо учить? Кому надо, тот пусть и делает. Очень надо! Надо! Надо! Надо читать! Надо заниматься! Заставить себя. Зачем так переживает? Они такие же люди. Это они хамы, а он достойный человек. 4) образ из бессознательного. Очень много воспоминаний и картинок из бессознательного относительно его состояния, направленных на его изменения, на его позитивизацию и духовный рост. 5) желание: шеф – большой человек духовно, очень умный, добрый, очень красиво умеет говорить. Хочет тоже так научиться говорить. <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 1) слёзы текут, как будто всё отрубили, ничего не было. Спокойствие, будто «баян» заметно перестал давить на спину. На душе стало легче. 2) хлопотно. Ирония на ситуацию с ножом отца. Взволнованность, хотя уже нет ситуации. 3) «спокойствие, радость, умиротворение, наслаждение от волн морских». Неохотность, раздражение. 4) хочет выплёскивать эмоции, удовольствие получает. После картинок из бессознательного спокойно, расслабленность, непринуждённость, не переживает, не нервничает, душевное спокойствие. 5) возмущение, раздражённость. Затем умиротворение. <i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 1) в пояснице ещё немного есть боль. В паху отпустило. 2) сердце сжимается (как после ДТП): слово, данное родителям, не сдержал. 3) дискомфорт в груди. Сопротивление между брюшной и грудной областями. Внутри звук: «а-а-а-а-а».

	4) боли в ноге. Потом «отпускает». 5) боль в ноге и паху. Затем явно стало легче.
7. Результаты работы краткие (выводы аутоординационно о психотерапевта), имеющиеся по окончании каждой из пяти аутоординационных сессий	1. Ординант увидел, как много раз повторял «ничего себе», проработал обман, мошенничество: деньги родителей потрачены на автоприцеп. Он доверился ребятам, его «кинули». Почему в детстве мама не разрешила помочь однокласснику? Перестало накрывать в груди. Не слышали его: отца два раза предупреждал делать правильно. Усталость, истощённость. Хотел бросить музыку. Оставил предыдущую работу из-за несправедливости. Теперь видит, что руководитель сожалеет о его уходе. Хочет развиваться лично, карьерный рост, квартиру, здоровую семью, машину. 2. Ординант проработал чувство стыда из детства, чувство вины. Заметил, что сам, как и Антон, не сдерживал свои обещания. Чтобы дети не страдали – нужно воспитывать родителей себя, не стыдить детей, уметь вести диалог спокойно, без ругани и криков. 3. Ординант проработал ситуации с дядей, с сестрой, другом, с фотографированием. 4. Ординант увидел свои слабые стороны, ещё мало информации, опыта, много было запретов в детстве. 5. Ординант увидел причину болей и травм (мама оставила без внимания, доверила ребёнка маленькой девочке, которая уронила его в 1 год), свои обиды.
8. Состояние ординанта и психотерапевтический процесс АНП на период окончания каждой из пяти сессий: качественный анализ по сессиям 1, 2, 3, 4, 5	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы)</i> 1) ничего нет; 2) рад, что так получилось. 3. появилась уверенность, что он лучший. Приятно и хорошо. 4) чтобы легче жить, надо от всего освободиться. Всё настолько просто, а он усложняет, всё сам придумывает. Проще изменить себя – сейчас лучше понимает смысл слов как понятий. Можно уехать из колхоза, но «колхоз не уедет из него сам». Чем больше отдаёшь, тем больше получаешь. 5) не бесит, что надо ночью вставать в туалет, и встаёт реже. <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения)</i> 1) хорошо, настроение улучшилось; 2) прекрасное состояние; 3) исчезает страх, раздражение; 4) радость, что идёт вперёд, гордость, что молодец, хочется похвалить себя; 5) спокойствие, уравновешенность.

	<i>В теле (разнообразные телесные ощущения)</i> 1) в груди и пояснице состояние улучшилось; 2) поясница лучше; 3) в груди комфорт; 4) поясница перестала болеть, легко нагибаться, грудь перестало сжимать, боль в ногах утихла; 5) дискомфорт в теле прошёл.
9. Отзывы ординанта о проведённых с ним естественно-психическим методом 1-5 сессиях АНП	Первый сеанс прошёл очень плодотворно! Я не мог и подумать даже, что порой незначительные прошедшие ситуации в жизни, на которые ты не обращаешь внимание, являются твоими проблемами в твоей нынешней жизни. Мы выявили такие моменты, о которых я думал "было и было", а оказывается эти ситуации и "писали" сценарий моей жизненной линии, и вдруг всё сразу стало так понятно, как будто тучи разогнали и стало просто чистое небо с солнцем. Мне бы очень хотелось дальше продолжить работать над собой. Это даёт определённый стимул становиться "выше", потому что все проблемы решаемы. Вторая сессия завершилась сегодня. Было забавно наблюдать за тем, как одна ситуация порождает другую схожую ситуацию, и так по цепочке доходить до источников. Как же всё-таки мы в жизни не замечаем такие моменты, которые влияют на нашу жизнь, а может и замечаем, но не придаем этому значение. Сегодня я увидел, как картины менялись сами, когда отпускаешь источник сценария, они сами собой разрешаются. Мне радостно от того, что мы копаемся у меня в голове, выявляя эти нехорошие события и устраняя их. Жду следующую сессию! Интересно прошла наша третья сессия. После сессии, наблюдая себя со стороны, появляются ответы на некоторые вопросы, которые ты задаёшь себе сам уже много лет. Оказывается, всё на поверхности. Говорить и говорить осознанно, те или иные вещи, это всё-таки очень сильно: выходят разные важные состояния как бы это банально ни звучало. Чтобы что-то получилось, нужно двигаться вперёд, мечтать, представлять, ощущать. Всё в этой жизни зависит от нас самих. Ты сам источник, от тебя зависит радость и горе, богатство и бедность. Мы сами стелим перед собой "ковёр", и сами решаем, как там нам идти! Вроде бы так это просто... Как однажды мой коллега сказал, ну как коллега, наставник по концертмейстерским делам: "Запомни! Чем проще, тем сложнее". Я тогда не понимал этих слов. Но сегодня для меня это было открытием. Чтобы было проще, нужно от сложности избавляться, то есть от мусора. Я рад очень тому, что с каждой сессией меняется твоё внутренне состояние, оно

	придаёт определённую уверенность в тебе самом. Спасибо! Четвёртая сессия. Сегодня мы очень плодотворно поработали. Сегодня мы нашли детские страхи, их проработали и отпустили. Во время сессии было много картинок в голове, но сегодня в первый раз были они ещё и как будто из мультипликации. Сейчас в голову пришла фраза "Мир не изменится, если не изменишь себя". Не мы с мира начинаем, а мир начинается с нас, мы сами создаём мир, стоит только двигаться вперёд, развиваться, мыслить, мечтать, радоваться, помогать, как всё станет вокруг вас переворачиваться. Мне глубоко приятно осознавать, что с каждой сессией я начинаю меняться, и меняться в лучшую сторону. Спасибо. Пятая сессия дала мне вывести страхи, которые давали о себе знать. Обиды, которые, как оказалось, что они всё-таки есть, а я даже на это не обращал внимания. Нужно всё-таки обращаться за помощью, но, к сожалению, мало кто способен сделать это, обратиться к специалисту-психотерапевту. Меня что-то подтолкнуло к этому, и вот я здесь. Раньше я думал, зачем я должен меняться, а теперь понимаю, что если не поменяюсь, то будет всё как прежде: та же работа, та же заработная плата, такое же отношение у тебя и к тебе, те же взгляды и т.д. Я уверенно двигаюсь вперёд!!! И это здорово!!!

Таблица 8. Сводная таблица (сводный протокол), суммирующая проведённые 6-10 сессии аутоординационного направления психотерапии

1. Состояние ординанта и психотерапевтический процесс АНП на период начала каждой из этих пяти сессий: качественный анализ по сессиям 6, 7, 8, 9, 10	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы):</i> 6) растянет спину – боль уйдёт, намеренно, чтобы мышцы были в тонусе. Сейчас чуть-чуть и пройдёт. 7) смотрел фильм «Побег из Шоушенка». Понравился главный герой: умный, образованный. 8) оценивает реально шансы. Нет даже 100 тысяч рублей, а квартира стоит 17 миллионов рублей, и надо кормить и обеспечивать семью. Чтобы с зарплаты мог купить квартиру, если продолжать работу, ничего не поменяется. Только слышит: денег нет или, – вырастешь – сам купишь. 9) мусорный бак в деревне. Зачем мусорные баки? Узнал что-то новое, красивое, естественное. 10) прочитал первую главу «Война и мир». <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 6) раздражённость; 7) волнительно, стыдно при воспоминаниях прошлого; 8) чувство беспомощности; 9) приятные чувства, лёгкость на душе, гармония,

	одухотворение внутри; 10) что-то сжимает и не отпускает. <i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 6) в пояснице чуть-чуть отдаёт: при наклоне вперёд чувствует напряжение; 7) пока нет болей; 8) нет дискомфорта; 9) раньше в груди сжималось; 10) в паху ноет, сжимает боль слабо.
2. Упражнение «Визуализация себя в зеркале»: на 10-й сессии аутоординационной психотерапии, качественный анализ	Только тень и вопросительный знак. Ощущение: смотрит на фотографию 3x4. Полностью чёрным закрашено. Берёт фотокарточку на руки. Зеркало висит на стене слева. А он стоит рядом сбоку. Видит себя со стороны нынешнего возраста. Весь деловой в офисной комнате. В спортивных штанах и любимой клетчатой рубашке. Зеркало овальное, вытянутое. Торс свой видит полностью вместе с ногами. Ассоциация с Ди Каприо из «Волк с Уолл-стрит». Он взрослый, но одежда с 3-го класса. Видит себя через зеркало, как он сидит на столе.
3. Темы, поднятые психикой ординанта в данной сессии АНП, качественный анализ по сессиям: 6, 7, 8, 9, 10	6) несправедливости и безнаказанности; 7) замещения, стыда; 8) безденежья, неудовлетворённости, жадности; 9) унижения, насмешек; 10) беспомощности, бессилия.
4. Сценарная программа ординанта, проработанная в ходе сессии АНП, качественный анализ по сессиям: 6, 7, 8, 9, 10	6. С самого детства замечал несправедливое отношение значимых людей, увидел свои поступки с другой стороны. 7. Не получал то, чего хотел в жизни. Что нравилось – было вне досягаемости. 8. Со всех сторон с детства слышит всегда одно и то же: денег нет. 9. Всегда старались заметить какие-то его оплошности, ошибки. 10. Взрослые, в том числе родители, учили аморальным штучкам.
5. Краткое описание каждой из данных 5 аутоординационных сессий качественный анализ по сессиям: 6, 7, 8, 9, 10. Особенности и специфика проработки ОСН психикой ординанта	6. Смешанно-переплетённо. Вспоминает как вывихнул ключицу в 18 лет, разборки во время учёбы в училище, затем в школе, затем ОСН, затем сестра в нынешнее время с мужем, друзья в семейной жизни, затем родственники в детстве, затем как бросил курить, затем алкоголь во взрослой жизни. 7. Смешанно-переплетённо. Ситуация сегодня, затем в ВУЗе, затем в колледже, затем 13 лет назад встреча с первой девушкой и её мужем/его другом, затем с девушкой в общежитии, затем ОСН с мамой, затем отец не брал его на охоту, затем сестра не брала с собой на дискотеку.

в каждой из данных 5 аутоординационных сессий.	8. Скачкообразно. Ситуация в детстве, затем ещё раннее детство, затем в колледже, затем в наши дни, затем друзья во время учёбы в ВУЗе, затем снова маленький (ОСН), затем учёба в школе-интернате, затем он маленький (ОСН), снова ситуация сегодня с автоприцепом, снова он маленький (ОСН). 9. Смешанно. Ситуация сегодня, затем во время учёбы в ВУЗе, затем в училище, затем в школе, затем 1-й класс, затем детский садик (ОСН). 10. Смешанно. Ситуация сегодня, затем в детстве, затем в прошлом году, затем в 13 лет, затем во время учёбы в ВУЗе, затем чуть он совсем юный у бабушки, затем он в маленьком возрасте (ОСН).
6. Изменения состояния ординанта и аутоординационный психотерапевтический процесс в ходе основной части каждой из данных пяти сессий: качественный анализ по сессиям 6, 7, 8, 9, 10	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы)</i> 6) мысли: обратил внимание, что сказал: ничего себе; картинка: баян не спускает с плеч, плечи чуть согнутые; 7) что-то не так, не то будто. Картинки из бессознательного: вышло много черноты. 8) мысли: когда квартиру купит – будет радость, готов всех обнять от счастья. Если родится мальчик, будут жить в одной комнате с дочкой. Он не огорчится, если родится девочка. Нет разделения. У других деньги есть! У них нет денег. Ничего не исправить. Не может достать деньги и отдать. Мысли: почему жадничает? Не хотел давать денег. Никогда такими суммами деньги не тратил. А как только позволил себе, получил премию. Всё зависит от него, надо идти вперёд. Нагнетают страхи и вводят в зависимость. 9) на работе всегда второй, в семье второй ребёнок, у жены второй муж, в школе всегда вторым прибежал. Всё делает хорошо, но не лучше. В школе был заместителем старосты. В футболе уступил капитанство. 10) хочет себе помочь. <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 6) нейтрально; 7) нейтрально-положительно; 8) достиг результата – рад и всё, всплеска нет. Беспомощность, досада от безденежья. 9) неловко; 10) жалость к себе, взволнованность. <i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 6) поясница побаливает; 7) ещё покамест чувствительно в пояснице и в паху; 8) в паху чуть-чуть есть тупая маленькая боль; 9) болей нет; 10) звон в ушах.

7. Результаты работы (выводы аутоординационного психотерапевта), имеющийся по окончании каждой из пяти этих аутоординационных сессий	6. Ординант проработал тему несправедливости и безнаказанности. 7. Ординант проработал тему замещения, стыда. 8. Ординант проработал тему безденежья параллельно с темой неудовлетворённости и жадности (всё пересекалось: одно вытекало из другого). 9. Ординант проработал тему унижения, насмешек, из-за чего чувствовал неловкость и стыдливость, мешающие ему в личностном развитии, из-за чего появились лень, обидчивость. 10. Ординант проработал тему бессилия и беспомощности. Было много картинок-образов из бессознательного вперемежку со случаями из детства, где его часто унижали, обижали, когда он попадал в трудные ситуации.
8. Состояние ординанта и психотерапевтический процесс АНП на период окончания каждой из пяти данных сессий: качественный анализ по сессиям 6, 7, 8, 9, 10	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы):</i> 6) могло быть хуже, если бы прошёл «проверку» в хулиганской компании. Правильно поступил, иначе были бы хуже последствия. 7) смог преодолеть себя в том, что признал за собой нелицеприятные поступки. 8) как нет денег? Есть! Хорошо, что не жалел накопленных денег родителям на благо семьи, деньги потрачены не впустую. 9) все проблемы с детства. Нужно найти этот очаг, разобрать и отпустить. 10) негативные мысли ушли. <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 6) нет сожаления, что так получилось; 7) доволен, что избавился от своих грешков, появляется уверенность в себе; 8) комфортно, есть деньги. Гордость, что не жалел денег родителям. 9) легче становится; 10) облегчение от скрытых ранее и проработанных уже негативных ситуаций. <i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 6) комфортно; 7) в паху боль стала намного меньше, не как раньше. Раньше сидеть и лежать было невозможно, теперь иногда даже забывает о боли. Вчера заметил: о! вообще не болит. 8) комфортно; 9) нет дискомфорта; 10) в паху значительно легче.

9. Отзывы
ординанта о
проведённых с ним
естественно-
психическим
методом 6110
сессиях АНП

Шестая сессия прошла сегодня. Хочу отметить, что в каждой сессии что-то выстреливает такое, что иначе на определённые вещи начинаешь смотреть. Как вот и сегодня это случилось. Сегодня разговаривали о несправедливости, но как оказалось, что инициатором то был я сам этой несправедливости. Выводы я сделал сегодня такие: нужно научиться себя контролировать, и смотреть на вещи более объективнее. Спасибо.

Седьмая сессия. Одна из сложных для меня сессий, так как прорабатывались мои "грешки". Хотя ещё что-то осталось, но впереди ещё будут сессии, и мы их обязательно добьём. Сегодня я перешёл через какой-то барьер, пока сам ещё не до конца понял, осознал, но ощущения такие наблюдаются. Так же я сегодня увидел зеркальное отношение, повторяющиеся сценарии. Работа над собой – это тяжёлый труд, и я верю, что все у меня получится!

Восьмая сессия. Прорабатывалась финансовая сторона, в детстве родители установили блокировку что "нет денег". Мы благополучно эту установку устранили. Мне премия пришла в 50 тысяч рублей с той работы, с которой ни одной копейки сверх не платили. Так же в процессе была выявлена очередная сценарная программа. Ушла боль в пояснице. Впереди, конечно, ещё много работы, но я стремительно двигаюсь вперёд. После каждой сессии в меня вселяется необъяснимая уверенность, это вызывает ещё больше восхищения надо собой.

Девятая сессия успешно пройдена. Сегодня прорабатывалась тема стыдливости, насилия, и лени. Приятно осознавать лёгкость после каждой аутоординационной психотерапии. Внутреннее спокойствие становится всё больше. Я заметил, что перестал сутулиться, и начал ходить с прямой осанкой. Сегодня я такие выводы сделал, когда возникла неловкая ситуация, не нужно давать эмоциям верх, а нужно оценить и найти выход из положения, путем корректного замечания или ответа (в зависимости от ситуации).

Десятая сессия. На сегодняшний день мы прорабатывали тему беспомощности, которая была с раннего детства. Но как оказалось, что во всех ситуациях, когда я оставался один на один с проблемой, я всегда справлялся сам. Осталось ещё много работы. Раньше я думал, что в аутоординационной психотерапии двух часов очень даже достаточно, но как оказалось, что и пяти часов иногда мало. Интересно до сих пор наблюдать сколько мусора у нас в голове. Но мы избавляемся от этого мусора и расправляем всё шире свои крылья.

Таблица 9. Сводная таблица (сводный протокол), суммирующая проведённые 11-15 сессии аутоординационного направления психотерапии

1. Состояние ординанта и психотерапевтический процесс АНП на период начала каждой из пяти сессий: качественный анализ по сессиям 11, 12, 13, 14, 15	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы):</i> 11) вместо рук лапы. Режет укроп вместе с лапами. Картинки из бессознательного. Инопланетные существа забирают ресурсы человека! 12) будто в паху две палки от суши; 13) всё как обычно; 14) жена жалуется на неприятный запах изо рта; 15) в деревне ямы большие на дорогах, ездить невозможно. Хочет материться. 15) сдерживает мат. <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 11) комплексы; 12) возмущение; 13) злость; 14) чувство бессилия; 15) раздражение. <i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 11) в паху ноет; 12) в паху ноет, боль сместилась в другое место; 13) в паху ноет; 14) ощущение удушья; 15) боль в паху.
2. Упражнение «Визуализация себя в зеркале»: на 15-й сессии аутоординационной психотерапии, качественный анализ	Видит себя в смокинге, красивый, статный. На нём серое пальто, белая рубашка, лицо свежее без морщин, не юнец и не старый. Плечи ровные, красуется. Смотрит на себя со стороны, вызывает восхищение, что приятный, опрятный человек, не пьёт, не курит, дурными вещами не занимается. Солидный деловой человек. Ему можно доверять. Уже нет желания материться.
3. Темы, поднятые психикой ординанта в данной аутоординационной сессии, качественный анализ по сессиям: 11, 12, 13, 14, 15	11) сексуальной закомплексованности; 12) непредсказуемости; 13) возмущения, злости; 14) удушья; 15) сексуальной неудовлетворённости, эгоизма, никого не любил.
4. Сценарная программа ординанта, проработанная в	11. С самого детства чувствовал отвергнутость, старался привлечь к себе внимание, но только в роли шута. 12. Мама беременная падала. С 1 годика получал травмы и был болезненным мальчиком, ощущал боль и

ходе сессии АНП, качественный анализ по сессиям: 11, 12, 13, 14, 15	разочарование. Не понимал, откуда, зачем, когда? 13. Много возмущений накопилось с детства. Злился на вещи, которые ему не нравились. 14. Всю жизнь преследовало удушье, раздражение из-за этого. 15. Торопили, заставляли, мешали, предъявляли претензии.
5. Краткое описание каждой из данных 5 аутоординационных сессий, качественный анализ по сессиям: 11, 12, 13, 14, 15 Особенности и специфика проработки ОСН психикой ординанта в каждой из этих 5 аутоординационных сессий.	11) сессия: смешанно. Ситуация сегодня, затем в детстве, затем в сегодня, затем снова в детстве, затем во время учёбы, затем в маленьком возрасте (ОСН). 12) сессия: смешанно-переплетённо. Ситуация сегодня, затем в детстве, затем в училище, затем снова в детстве, затем в школьные годы, затем в маленьком возрасте (ОСН), затем снова в школьные годы. 13) сессия: смешанно-переплетённо. Ситуация сегодня, затем в училище, затем время пандемии, затем сегодняшние дни, затем в школе, затем подростковое время, затем в маленьком возрасте (ОСН), затем снова в школьные годы. 14) сессия: смешанно-переплетённо. Ситуация сегодня, затем в школе-интернате, затем раннее детство, затем ОСН: мамина беременность, затем в недавнее время, затем раннее школьное время, затем в подростковом возрасте дома с отцом, затем школьное время в школе-интернате. 15) сессия: смешанно-переплетённо. Ситуация сегодня, затем дома, в училище, затем в недавнее время, затем школьное время, затем в училище, затем в школьное время первые сексуальные переживания (ОСН)
6. Изменения состояния ординанта и аутоординационный психотерапевтический процесс в ходе основной части каждой из данных пяти сессий: качественный анализ по сессиям 11, 12, 13, 14, 15	<i>В психике (негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения, мотивы):</i> 11) почему отдаёт в пах? 12) неопределённость; 13) неопределённость несколько меньше, но ещё есть; 14) тесно; 15) ложная крутизна от мата, картинка: складывает свои детские игрушки. <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 11) стыд, ущербность сексуального характера, страх знакомиться с симпатичными людьми; 12) обида, отчаяние, несправедливость; 13) возмущение, жалость, жесткость своих поступков; 14) выход из спокойного состояния, раздражение, «бесячьё» состояние, беспомощный, беззащитный, бездейственный, будто пленён; 15) неприятно, что матерится, ощущение: прощается с детством.

	<i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 11) боль в паху; 12) идёт волна наподобие звуковой волны от груди к брюшной полости; 13) идёт звуковая волна от груди к брюшной полости, но меньше уже; 14) тяжело; 15) боль непонятная, тупая.
7. Результаты работы (выводы аутоординационного психотерапевта), имеющийся по окончании каждой из этих пяти аутоординационных сессий	11. Ординант проработал тему сексуальной закомплексованности. Много набралось переплетений с детства-отрочества, – как женский пол его отвергал, не понимал, ему казалось, что он не нравится симпатичным и красивым девушкам, возник комплекс неполноценности, ущербности. Долгое время было замещение. 12. Ординант проработал тему непредсказуемости, не понимал, что происходило. 13. Ординант проработал тему возмущения, злости. Увидел, как испытывал испуг, слабость, разочарование. 14. Ординант проработал тему удушья, раздражённости. Дошёл до первопричины ОСН: внутриутробное обвитие пуповиной и падение мамы перед его рождением. 15. Ординант проработал тему эгоизма, никого не любил, только позволял себя любить. Жестоко поступал с девушками, сейчас жалеет, что первую девушку упустил.
8. Состояние ординанта и психотерапевтический процесс АНП на период окончания каждой из этих пяти сессий: качественный анализ по сессиям 11, 12, 13, 14, 15	<i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения)</i> 11) так не должно быть. Когда не кажешься, а естественно можно быть честным перед собой. 12) сколько мусора выходит; 13) сколько возмущений вышло; 14) негативные мысли ушли; 15) отрицательных идей нет. <i>На душе (эмоции, чувства, переживания, аффективные состояния, эмоциональные ощущения):</i> 11) отпустило; 12) освобождение; 13) неприятные чувства прошли; 14) приятно, спокойно; 15) хорошо, умиротворённо. <i>В теле (разнообразные телесные ощущения):</i> 11) в паху полегче; 12) в паху боль существенно меньше; 13) боли нет, облегчённость;

	14) совсем нет беспокоящих ощущений в паху; 15) в теле нет неприятных ощущений.
9. Отзывы ординанта о проведённых с ним естественно-психическим методом 11-15 сессиях АНП	Одиннадцатая сессия завершилась сегодня. Сегодня случился для меня переломный момент. Сегодня работали над пикантными темами... Как говорится, всё от тебя зависит. Нужно просто открыться, говорить не стесняясь, прямо, открыто несмотря на то, что это ужасно или непристойно. В начале аутоординационной психотерапии мне было очень стеснительно говорить на такие темы. Но сегодня пришел к выводу, что, если не решиться и не говорить проблема никуда не исчезнет. Большая работа сегодня у нас проделана. И это только подстёгивает на старание работать ещё больше над собой. Двенадцатая сессия была одной из самых длинных сессий. Сегодня проработали тему стеснения, испуга и несправедливости. Плодотворно была проведена сегодня работа. Я уже раскрепостился и поэтому уже легче всё проговаривать до мелочей, по сравнению с первыми сессиями. Мне было в начале аутоординационной психотерапии стеснительно некоторых моментов, но потом я понял, оттого что умалчиваю, самому себе ничем не помогаю для дальнейшего развития. Конечно, когда долго длится сессия, под конец уже начинаешь отвлекаться, голод даёт о себе знать, может ещё и устаёшь. Было заметно что я стал "буксовать". Выводы от сегодняшней сессии такие: нужно уметь немного заглядывать наперёд и придерживаться определённого плана. Ставить цель и двигаться к ней. Тринадцатая сессия. На сегодняшний день мы проработали испуг, возмущение, ощущения немогущности, слабости. Сегодня я научился цеплять картинку, которые я часто упускал, ссылаясь на то, что это не важно, так как она просто промелькнула на доли секунды. Благодаря этому сегодня много моментов было выведено на "чистую воду". Сегодня я доволен своей работой. В начале аутоординационной психотерапии много было сомнений. Но после нескольких сессий сомнения начинают уходить. Главное нужно открываться, проговаривать полностью то, что идёт, ничего не утаивая, не скрывая. Тогда можно увидеть быстрый хороший результат. Четырнадцатая сессия. Одна из мощных в аутоординационной психотерапии. Потому что было много тем, которые прорабатывались. Работали над темами такими как лень, неприятные запахи, раздражения, удушения, нехватка кислорода. Выводы сделал я сегодня сделал такие: нужно всегда стараться просвещаться, развиваться, воспитывать себя, делать то, что тебя будет делать лучше и сильнее. Я уже неоднократно повторяюсь,

что всё зависит от нас самих. Мы сами творим свое будущее. Работая над собой, мы прочищаем дорогу для своей дальнейшей судьбы. Впереди завершающая сессия. У меня есть значительные изменения: я перестал по ночам просыпаться в туалет, ушла боль в пояснице, почти вся боль ушла в паху (будем дорабатывать). Я горжусь собой, пройдя такой путь. Это необходимо пройти каждому для улучшения своей жизни.

Пятнадцатая сессия. Аутоординационная психотерапия подошла к концу. Работа продолжалась над страхом, насилием, стыдливостью, сексом. Выводы сделал такие, что нужно продолжать работать над собой, нужно инвестировать в себя для будущего развития. На этой сессии у меня не получилось до конца доработать некоторые темы, так как упустил всё время картины. Поэтому мне придётся доработать и будет дополнительная сессия.

Итог 15 сессий: В начале аутоординационной психотерапии были большие сомнения во всем в этом, хотя я прочитал книгу В.А. Янышевой «Чистый мозг», и вроде бы не должно оставаться место для сомнения. Началась сессия, для начала было вроде бы просто, но потом появлялись такие моменты, что хотелось какие-то моменты оставить специально незамеченными, скрыть, думая тем самым не казаться грешным. Как оказалось, что это всё наоборот, сам себе создавал преграды, и не давал разрешаться проблемам. В процессе психотерапии я понимал, что, если не помогу сам себе, мне никто не поможет, тем самым открывая всё более откровенные темы, которые я пытался скрыть. У меня были такие проблемы, как ночные походы в туалет, в процессе аутоординационной психотерапии я перестал просыпаться по ночам, для меня это такая радость была. Так же заметил, что осанка выпрямилась. Прибавилось чувство уверенности в себе ещё больше. Начали появляться в голове идеи воодушевлённые. Это всё наводит на такую мысль; все проблемы исходят из нашей головы, если их разрешить, то будет в жизни всё гармонично. Когда озвучили мне, что будет 15 сессий, мне показалось это много. По ходу психотерапии оказалось совсем даже мало. Прохождение аутоординационной психотерапии для меня важный момент в жизни, так как я избавился от всякого «мусора» в своей голове.

Основные выводы

Важно заметить, что на шестой сессии АНП ординант заметил, что стал высыпаться. В туалет ночью просыпается без раздражения, сон спокойный и глубокий стал у него.

На седьмой сессии АНП ординант ещё спокойнее стал. Что раньше раздражало, уже не раздражает. Глупые вопросы уже не задевают. Его уже понимают собеседники, и он понимает их. После седьмой сессии АНП ординант получил премию 50.000 рублей на работе, где не выдавали премию 17 лет! Удивился, приятно! Также кульминацией было, что уже на седьмой сессии вышло много черноты (образы-картинки). Смог выговорить свои грешки, по его словам и т.д.

После восьмой сессии АНП у ординанта ушла боль в пояснице: он может нагибаться и выдерживать нагрузку без боли и т.п.

Таким образом, мы видим, что на протяжении всех пятнадцати сессий АНП, на период их окончания, данный ординант испытывал довольно большой спектр разных, от сессии к сессии, негативных эмоций, сила и острота которых последовательно шли на спад. Поэтому, эффективность аутоординационного подхода заключается, в частности, в том, что в психике ординанта в начале каждой из 15 сессий АНП практически не повторяются идентичные негативные мысли, представления, ситуации, символы, визуализации, образы, отношения; что говорит само за себя о том, что все эти отрицательные психологические аспекты в каждой из предыдущих аутоординационных сессий результативно прорабатываются и отпускаются!

Итак, эффективность естественно-психического метода АНП состоит в целом, в том, что очень многие психические состояния субъекта, ранящие саму эту личность, прорабатываются практически за одну аутоординационную сессию, и лишь некоторые из них, в особенности, связанные с тяжёлыми последствиями оперативных медицинских вмешательств (боли в паху в случае данного ординанта) прорабатываются на протяжении нескольких сессий АНП, и также перерабатываются максимально успешно!! [1, С. 104-124; 2, С. 65-71; 3, С. 163-169; 4, С. 66-74; 5, С. 308-321; 6, С. 58-64; 7, С. 178-186; 8; 9; 10; 11; 12; 13, С. 88-101; 14; 15, С. 154-162; 16].

Заключение

Таким образом, психология и психотерапия аутоординационного (с лат. *autoordinatione* – самоупорядочивание) направления представляет собой

особый, новый психологический и психотерапевтический подход, который характеризуется естественной работой самой психики человека по упорядочиванию прошлого и собственному психическому очищению от очагов скрытого напряжения (ОСН), сформировавшихся в прошлом, благодаря чему по цепной психологической реакции упорядочивается и гармонизируется настоящее и в гармонии выстраивается будущее психической и психосоциальной жизнедеятельности данной конкретной личности.

Естественно-психический метод (ЕПМ) в психотерапии аутоординационного направления (ПАН) – это естественная работа психики по отпусканью очагов скрытого напряжения (ОСН), которые являются психическими первопричинами многократного психотравматического переживания негативных ситуаций из прошлого. Эти ОСН психически представлены в виде (форме) негативно заряженных образов (картинок), мыслей, ощущений, чувств, состояний, повторяющихся отрицательных сценариев поведения и т.д.

Процесс проработки и отпускания ОСН происходит естественным, синтонным, аутентичным, самым психологически экологичным для любого человека как индивидуальности психотерапевтическим методом (ЕПМ) и приводит к психическому самоочищению и психологическому самоупорядочиванию психику каждого человека!

ОСН проблемно проявляются у каждой конкретной личности через негативные события и ситуации в жизни и деятельности.

Зная общепсихологические закономерности работы психики (то как откладываются и то как психотерапевируются ОСН), аутоординационный психолог-психотерапевт в процессе применения ЕПМ видит и то, каким именно образом психика данного человека сама определяет и показывает путь отработки каждого ОСН.

Процесс и особенности проработки самой психикой человека (ординанта, как именуется получатель психологической помощи в аутоординационном подходе) психотравматического материала в ходе

каждой психотерапевтической сессии аутоординационного направления психотерапии (АНП) происходит, тем не менее, по вполне определённым закономерностям.

При этом, в ходе проведения АНП аутоординационным психологом-психотерапевтом чётко учитывается типовая специфика прохождения самой психикой человека (ординанта) пути переработки психотравматического материала в психотерапевтической сессии от сегодняшней ситуации к первопричине очага скрытого напряжения (ОСН), что было детально описано ранее, выше.

Миссия аутоординационных психологов-психотерапевтов – стать проводниками изменений жизни людей в лучшую сторону с помощью психологии и психотерапии аутоординационного направления, а также вернуть счастье и радость жизни каждому, кто к этому стремится путём применения естественно-психического метода аутоординационного направления психотерапии (АНП).

Глобальная цель аутоординационной психотерапии – естественным, самоосуществляемым психикой человека образом освободить психику людей от очагов скрытого напряжения (ОСН), выгрузив из неё негативный информационный мусор (сдав психотравматическую макулатуру, убрав психотравматический металлолом), накопленный за весь предшествующий период жизни, благодаря чему затем у людей и происходят самые позитивные изменения в личной и семейной жизни, социально-профессиональной деятельности, карьерном росте, развитии бизнеса, различных сферах государственного и муниципального управления, в политике, в обществе в целом.

Цели аутоординационной психотерапии: профилактика психологических, соматических и психических расстройств; восстановление психологического, соматического и психического здоровья; развитие личности; гармонизация межличностных отношений; снижение глобального страха и напряжения в обществе.

Задачи аутоординационного направления в психотерапии: очищение психики – отпусkanie негативного психоэмоционального материала

представленного в виде очагов скрытого напряжения (негативные ситуации: мысли, картинки, ощущения, чувства); исцеление души – отпускание боли, тяжести, пустоты с души; оздоровление тела – избавление от напряжения в теле, от психосоматических болезней; укрепление духа – развитие духовного мира человека; адаптация и реадaptация в социуме – развитие и закрепление эффективного и продуктивного поведения зрелой и гармоничной личности.

При этом разрешаются проблемы человека по всем жизненно важным направлениям, в том числе в контексте психологической безопасности и/или неуспешности личности, восстанавливается положительное психическое состояние; повышаются тонус, настроение, работоспособность людей.

Важно следовать за естественной, аутентичной работой самой психики человека. В этом действительно поможет аутоординационный психолог-психотерапевт, знающий её закономерности, понимающий то, как она работает с той или иной информацией. Психика сама ведёт человека к избавлению от негативного информационного мусора (психотравматического материала), который с годами накапливается в ней (вплоть до психических отклонений) и откладывается болью и пустотой в душе, физическими напряжениями, болезнями в теле и нарушениями отношений в социуме.

Этот негативный информационный мусор (психотравматический металлолом), до поры до времени (до его проработки естественно-психическим методом) имеющийся в форме очагов скрытого напряжения (ОСН) и является первопричиной возникновения психосоматических болезней, социальных конфликтов и различных других проблем в жизни и деятельности человека и общества.

Естественно-психическим методом аутоординационной психотерапии:

• мы не учим человека: как выстраивать границы, как выходить из конфликтов и гармонизировать отношения, – мы это делаем в аутоординационной сессии, убирая причину дисгармонии в отношениях, при этом конфликты внутрилично разрешаются и перестают межлично повторяться;

• *мы не лечим болезни, а убираем из психики, посредством подсознания человека, психологические причины возникновения нездоровья (психологического, психического, психосоматического и собственно соматического);*

• *мы психически прорабатываем, перерабатываем, отработываем и отпускаем негативные мысли, ощущения и чувства, при этом восстанавливается положительное психоэмоциональное состояние, возвращается сила, энергия, улучшается настроение, появляется интерес к жизни, уходят эмоциональное выгорание, хроническая усталость и пр. [1, С. 104-124; 2, С. 65-71; 3, С. 163-169; 4, С. 66-74; 5, С. 308-321; 6, С. 58-64; 7, С. 178-186; 8; 9; 10; 11; 12; 13, С. 88-101; 14; 15, С. 154-162; 16].*

Список литературы

1. *Донцов Д.А.* Информационная модель взаимосвязи сознательного и бессознательного в психическом с позиции трактовки эго-состояний в аутоординационном подходе / Д.А. Донцов // Экспериментальная психология в социальных практиках: сборник научных статей по материалам конференции / Под ред. В.А. Барабанщикова, В.В. Селиванова. – Москва: Издательство МГППУ, 2022. – 294 с., С. 104–124.
2. *Кольчугина З.А.* Аутоординационное направление в психологии и психотерапии эмоций и чувств личности в отношениях со значимыми близкими другими / З.А. Кольчугина // Консультативная психология и неклиническая психотерапия. Материалы V Всероссийской научно-практической онлайн конференции с международным участием. Москва, 25–26 декабря 2021 г. / Под ред. В.Ю. Меновщикова. – М.: Институт консультативной психологии и консалтинга (ФПК-Институт), 2021. – 212 с. – С. 65–71.
3. *Кольчугина З.А.* Состояние ординанта и процесс психотерапии аутоординационного направления на период окончания 11-15 сессий / З.А. Кольчугина // Научно-практический альманах «Консультативная психологии в России». – 2023. Том 1 / Под ред. В.Ю. Меновщикова. – М.: Институт консультативной психологии и консалтинга (ФПК-Институт), 2023. – 312 с. – С. 163–169.
4. *Янышева В.А.* Аутоординационный метод психотерапии: содержание метода и краткий обзор одной сессии / В.А. Янышева // Человеческий капитал. 2021, № 6 (150). – С. 66–74.
5. *Янышева В.А.* Аутоординационное направление в психологии и психотерапии / В.А. Янышева // Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании. Материалы Второй и Третьей Международной научно-практической конференции. – Москва: МГИМО, Русайнс, 2023. – С. 308–321.
6. *Янышева В.А.* Естественно-психический метод в психологии и психотерапии аутоординационного направления / В.А. Янышева // Консультативная психология и неклиническая психотерапия. Материалы V Всероссийской научно-практической онлайн конференции с международным участием, Москва, 25–26 декабря 2021 г. / Под ред. В.Ю. Меновщикова. – М.: Институт консультативной психологии и консалтинга (ФПК-Институт), 2021. – 212 с. – С. 58–64.

7. Янышева В.А. Естественно-психический метод – максимально эффективный инструмент психотерапии XXI века / В.А. Янышева // Человеческий капитал. № 4 (160), 2022. – С. 178–186.
8. Янышева В.А. Мозг. Перегрузка. Тренажер 7 × 7. Как стать автором своей жизни и реализовать потенциал / В.А. Янышева. – М.: 1000 бестселлеров, 2020. – 368 с.
9. Янышева В.А. Пошаговая инструкция по психотерапии аутоординационного направления. Всё самое важное и нужное / В.А. Янышева. – М.: 1000 бестселлеров, 2021. – 164 с.
10. Янышева В.А. Практикум психолога-психотерапевта аутоординационного направления / В.А. Янышева. – М.: 1000 бестселлеров, 2021. – 224 с.
11. Янышева В.А. Справочник психолога-психотерапевта. Опыт и практика / В.А. Янышева. – М.: 1000 Бестселлеров, 2020. – 464 с.
12. Янышева В.А. Чистый мозг. Что будет если выгнать всех «тараканов» и влюбиться в мечты? / В.А. Янышева. – М.: Омега-Л, 2020. – 464 с.
13. Янышева В.А., Донцов Д.А. Аутоординационное направление психотерапии / В.А. Янышева, Д.А. Донцов // Психологическое консультирование онлайн. № 2, 2022. – С. 88–101.
14. Янышева В.А., Донцов Д.А. Аутоординационная психология и аутоординационная психотерапия психики человека естественно-психическим методом: монография / В.А. Янышева, Д.А. Донцов. Под науч. и общ. ред. М.В. Донцовой. – Москва: РУСАЙНС, 2022. – 197 с.
15. Янышева В.А., Донцов Д.А., Кольчугина З.А. Естественно-психический метод аутоординационного направления психологии и психотерапии и консультирование посредством Интернет / В.А. Янышева, Д.А. Донцов, З.А. Кольчугина // Человеческий капитал. – 2023. – № 7 (175). – С. 154–162.
16. Янышева В.А., Донцов Д.А., Кольчугина З.А., Янышев И.К. Психотерапевтическое развитие личности естественно-психическим методом аутоординационного подхода (на примере формирования положительных эмоций и смыслов, оптимизма, стрессоустойчивости, совладающего поведения, самооффективности, социальных ценностей): монография / В.А. Янышева; Д.А. Донцов; З.А. Кольчугина, И.К. Янышев. Под науч. и общ. ред. М.В. Донцовой. – Москва: ФЛИНТА, 2023. – 147 с.

EXPERIMENTAL APPLICATION OF THE QUALITATIVE METHOD CONTENT-
ANALYSIS ON PROTOCOLS OF 15 SESSIONS AUTO-ORDINATION
PSYCHOTHERAPY WITH AN ORDINANT (CLIENT) USING NATURAL-
PSYCHIC METHOD

Kolchugina Z. A.
«International Institute of Psychology and Psychotherapy of Autoordination Direction»
Moscow, Russia

Dontsov D.A.
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Autoordination psychotherapy was carried out using the natural-psychic method and the application of the method of qualitative content analysis was presented on the materials of summary protocols of 15 sessions conducted as follows: 6 sessions were

held in a row, daily. Next, 9 sessions were held every other day. All this together constituted the so-called psychotherapeutic resuscitation of the ordinant (client), carried out through the using of the natural-psychic method of autoordination psychotherapy.

Keywords: protocol, content-analysis, natural-psychic method, autoordination psychotherapy, ordinant (client).

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В ОТНОШЕНИИ ПАНДЕМИИ COVID-19 В 2021 И 2022 ГОДАХ

Митина О.В., Бачкала А.
факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)

Работа опирается на два опроса 2021 и 2022 года. В результате факторизации списка распространенных убеждений о пандемии COVID-19 выделены социальные установки, не изменившиеся в течение двух лет пандемии. Также выявлены изменения в социальных установках, обусловленные социальной динамикой в процессе пандемии.

Ключевые слова: Социальные установки, убеждения, пандемия COVID-19, динамика отношения к пандемии, отношение к вакцинации, приоритет общественных ценностей, отношение к религии, социальный оптимизм.

Введение

Данное исследование направлено на определение социальных установок по отношению к пандемии COVID-19. Существует богатая история изучения социальных установок или аттитюдов, вследствие чего есть большое количество определений [1]. В общем случае можно сказать, что установки – это убеждения или чувства, способные влиять на поведение [9]. В них выделяется 3 компонента когнитивный, аффективный и поведенческий [1]. Процедура измерения социальных установок через опросник убеждений была формализована Л. Тёрстоуном [20]. Условимся, что вслед за ним мы определяем установки (attitude) как совокупность чувств и мнений человека, предубеждений, идей и страхов по любой конкретной теме, а убеждение (opinion) как словесное выражение установки.

Согласно исследованиям установок, ставшими уже классическими, установки влияют на поведение человека. Было показано, что некоторые установки людей в отношении COVID-19 также влияют на их поступки [11].

Говоря об основных темах пандемийного дискурса, выделим наиболее важные. Во-первых, отношение к вакцинации позволило зафиксировать широкий спектр убеждений, связанных с различными социальными установками.

Опрос ВИЦОМ 26 ноября 2021 г. показал, что только 55% россиян положительно относятся к массовой вакцинации граждан от коронавируса, 32% относятся к ней отрицательно, а 9% – безразлично [13]. Отказ от вакцинации – следствие различного рода недоверия [4]. Среди основных убеждений, связанных с отказом от вакцинации: неверие в эффективность, полезность или безопасности вакцинирования; недоверие к компаниям производителям, власти, врачам, а также религиозные убеждения [2; 5].

Во-вторых, противостояние пандемии бросило вызов человеческой способности к кооперации, каждый вносил свой индивидуальный положительный или отрицательный вклад в общественную безопасность [7]. Страны с выраженным коллективизмом в культуре успешнее справлялись с пандемией, по сравнению со странами, в которых преобладало индивидуалистически ориентированное население, которому в большей степени свойственно видеть жизненные ситуации как игру с нулевой суммой, то есть верить в то, что чужая выгода влечет за собой собственные потери, и наоборот [18].

При этом в моменты, когда угроза пандемии оказалась самой высокой, люди в большей степени склонны ориентироваться именно на коллективистские ценности [10].

Разработка опросника убеждений

Чтобы составить наиболее полный первичный список, а также избавить его от нашего субъективного влияния, перечень убеждений был составлен на основе контент-анализа научных и публицистических статей. Наиболее часто встречающиеся убеждения были отобраны для опросника. В результате получилось 44 пункта, они приведены в приложении 1. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с утверждениями из списка по шкале от 1 до 5.

Процедура исследования, результаты и их анализ

Анкетирование проходило в 2 этапа на платформе опросов Google Forms [14]. Респондентами были граждане России.

Первый этап исследования проходил в ноябре – декабре 2021 года. Было опрошено 85 респондентов, среди которых 60 женщин и 25 мужчин (70% и 30% соответственно), средний возраст 15–70 года ($M = 24,3$, $\sigma = 11,6$).

Второй этап – в июле–августе 2022. Было опрошено 105 респондентов, среди которых 76 женщин и 29 мужчин (72% и 28% соответственно), возрастной диапазон 15–66 лет ($M=29,1$, $\sigma = 13,0$).

Выборки в обоих случаях собирались по принципу снежного кома, участники исследования привлекали респондентов из числа своих знакомых.

Расчёты проводились в программах Microsoft Excel 2010, IBM SPSS Statistics 22

Анализ данных выполнялся с помощью факторизации массива данных, убеждения выступали в качестве группируемых переменных.

Факторы были выделены методом главных компонент с применением косоугольного вращения облимин и отобраны критерием «каменистой осыпи» Кеттела. На выборке 2021 г.: КМО = 0,668, $p < 0,001$; на выборке 2022 г.: КМО = 0,781, $p < 0,001$.

Результаты исследования 2021 года

В результате обработки было выделено 5 факторов, объясняющих 21,9%, 11,2%, 6,3%, 5%, 4,5% общей дисперсии соответственно (суммарный процент дисперсии 48,9%).

Ниже представлены пункты с их факторными нагрузками по первому фактору

Пункты с положительными факторными нагрузками

35. Существующие на сегодняшний день вакцины – это политический пиар властей тех или иных государств. Чтобы создать действительно эффективную вакцину требуется не менее трех лет, а может и больше. 0,877

34. Вакцинация в борьбе с коронавирусом бессильна и бесполезна из-за частых мутаций вируса, недостаточной изученности этой болезни.	0,862
16. Рекомендации по соблюдению мер санитарной защиты не уменьшают угрозу заражения, а только приводят к нагнетанию страха в обществе и депрессии людей.	0,800
17. Каждый человек в состоянии самостоятельно принять ответственное решение по защите от коронавируса себя и своих близких, и власть не должна в это вмешиваться (следить, налагать штрафы, устанавливать ограничения и т.д.)	0,734
44. Негативные последствия для здоровья человека от вакцинации могут быть опаснее, чем сам коронавирус.	0,728
21. Коронавирус и пандемия – это результат скрытой войны между правительствами разных стран.	0,714
20. Пандемия – это оружие, которое по неосторожности его создателей, вышло из-под контроля.	0,680
14. Ограничение личного, непосредственного общения с родственниками, живущими отдельно, будет иметь много негативных последствий, и еще неизвестно что опаснее, коронавирус или разрушение родственных связей.	0,667
19. Социальные ограничения, налагаемые властями, диктуются не коронавирусом, а желанием вышестоящих органов страны контролировать общество.	0,648
Пункты с отрицательными факторными нагрузками	
32. Вакцинация необходима всем и при первой возможности ее пройти, нужно это сделать.	– 0,761
43. Работодатели имеют право отстранить от работы невакцинированного работника, если это оправданно санитарно-эпидемиологическими соображениями.	– 0,606

Семантика пунктов, составивших оба полюса первого фактора, позволяет назвать его: $\Phi 1(+)$ *Антипрививочный скепсис* \leftrightarrow $\Phi 1(-)$ *Обязательность вакцинации.*

Ключевые пункты, входящие в этот фактор, отражают глубокое недоверие к вакцинации, им сопутствуют установки недоверия к власти, убежденность в низкой опасности заболевания и детерминистическое видение пандемии. На противоположном полюсе находятся убеждения, связанные с необходимостью принудительной вакцинации.

Все остальные факторы униполярные.

Пункты, получившие максимальные факторные нагрузки по второму фактору:

39. В ситуации дефицита медицинских средств, оборудования, медицинского персонала врачебную помощь в первую очередь нужно оказывать людям, которые сделали прививку и тем самым приняли на себя социальную ответственность за нераспространение коронавирусной инфекции

30. Дети часто выступают бессимптомными переносчиками вируса, даже не подозревая об этом, и, поэтому, их необходимо изолировать от других членов семьи, чтобы уберечь пожилых родственников от заражения. 0,701
31. Дети должны сидеть дома и не ходить ни в школу, ни в детский сад до тех пор, пока пандемия не пройдет. 0,656
40. В ситуации дефицита медицинских средств, оборудования, медицинского персонала врачебную помощь в первую очередь нужно оказывать молодым людям, так в этом случае оказание помощи наиболее эффективно и вероятность спасти молодой организм гораздо выше 0,586

Семантика пунктов, составивших положительный полюс второго фактора, позволяет назвать его: $\Phi 2(+)$ *Приоритет общественного блага*

Рассматривая пункты, имеющие высокие факторные нагрузки по фактору 2, можно заметить, что они отражают принцип ценности того, что соответствует общественному интересу, даже если это принесет ущерб отдельным членам общества. Своеобразный социальный прагматизм.

Пункты, получившие максимальные факторные нагрузки по третьему фактору:

11. Необходимо заранее подготовиться к возможному заражению коронавирусом (купить необходимые лекарства, ознакомиться с доступной информацией связанной с лечением болезни и т.д.) 0,622
7. Необходимо соблюдать ограничения, предписанные властью/администрацией/государством (сокращение мобильности, необходимость носить маску, уменьшение общения) 0,615
41. В ситуации дефицита медицинских средств, оборудования, медицинского персонала врачебную помощь в первую очередь нужно оказывать пожилым людям, так как шансов, что их организм сам справиться с болезнью гораздо меньше, чем у молодых людей. 0,577

Семантика пунктов, составивших положительный полюс третьего фактора, позволяет назвать его: $\Phi 3(+)$ *Обеспечение безопасности*

Данные убеждения – по большей части перечень разнообразных мер защиты, направленных на противодействие заражению. В ситуации риска и угрозы приоритетом являются охранительные меры, даже если они психологически или экономически не очень оправданы. Люди должны отказаться от своих желаний и запастись средствами индивидуальной защиты, государство должно помогать пожилым, даже если это экономически неэффективно. Т.е. это фактор приоритета безопасности в ущерб всему остальному.

Пункты, получившие максимальные факторные нагрузки по четвертому фактору:

3. Изменения, введенные из-за пандемии в организации обучения в школах и ВУЗах в данный момент - положительные. 0,764
1. Изменения, введенные из-за пандемии в социальной инфраструктуре в данный момент (социальная дистанция, соблюдение мер санитарной безопасности, qr-коды и т.д.) - положительные. 0,657
2. Изменения, введенные из-за пандемии в торговле и доставке в данный момент, - положительные. 0,617

Семантика пунктов, составивших положительный полюс второго фактора, позволяет назвать его: $\Phi 4(+)$ *Положительное отношение к самоизоляции.*

Можно предположить, что высокие баллы по этому фактору связаны с ожиданием, что новая ситуация приведет к каким-то технологическим позитивным изменениям.

Пункты получившие наибольшие факторные нагрузки по пятому фактору

23. Пандемия – это временное явление и в обозримом будущем все вернутся к обычной жизни. 0,727
13. В период пандемии взаимодействие и поддержание контактов возможно только с самыми близкими (членами семьи, которые проживают вместе со мной). 0,621
4. Карантин, введенный из-за пандемии – это хорошая возможность узнать лучше близких людей и провести с ними больше времени 0,568

Мы назвали фактор: $\Phi 5(+)$ *Социальный оптимизм.*

Утверждение о надежде на скорое завершение пандемии, вошло с наибольшей нагрузкой в этот фактор, за ним следуют пункты о позитивном восприятии карантинных мер, мы проинтерпретировали это как оптимизм и надежду на скорое окончание. В отличие от предыдущего фактора, отражающего надежду на то, что в результате в общество придут позитивные технологические изменения, фактор 5 акцентирует внимание на социальных изменениях, улучшению отношений между близкими людьми.

Корреляции между факторами в большинстве своем невысокие. Один коэффициент корреляции $r = -0,246$ между $\Phi 1$ и $\Phi 4$: люди, скептически настроенные по отношению к вакцинации, также негативно относятся и к другим социальным мерам предосторожности, в частности самоизоляции. Корреляции фактора 5 с факторами 1-3 по абсолютной величине больше 0,1. Люди, обладающие социальным оптимизмом, скорее поддерживают

вакцинацию ($r = -0,101$), приоритет общественного блага ($r = 0,145$), положительно относятся к предпринимаемым мерам защиты безопасности ($r = 0,129$).

Результаты исследования 2022 года

Полученные 5 факторов объясняют 24,6%, 8,8%, 5,5%, 4,6%, 4,1% общей дисперсии соответственно (суммарный процент дисперсии 47,7%).

Приведем пункты, составившие оба полюса первого фактора

Пункты с положительными факторными нагрузками

34. Вакцинация в борьбе с коронавирусом бессильна и бесполезна из-за частых мутаций вируса, недостаточной изученности этой болезни.	0,706
44. Негативные последствия для здоровья человека от вакцинации могут быть опаснее, чем сам коронавирус.	0,702
35. Существующие на сегодняшний день вакцины – это политический пиар властей тех или иных государств. Чтобы создать действительно эффективную вакцину требуется не менее трех лет, а может и больше.	0,544
20. Пандемия – это оружие, которое по неосторожности его создателей, вышло из-под контроля.	0,518

Пункты с отрицательными факторными нагрузками

32. Вакцинация необходима всем и при первой возможности ее пройти, нужно это сделать.	-0,597
33. Вакцинация – эффективная мера, но не всем подходит в силу некоторых обстоятельств и возможных побочных эффектов: например, ограничений по состоянию здоровья.	-0,458

Семантика пунктов, составивших оба полюса первого фактора на втором этапе исследования, позволяет назвать его: $\Phi 1(+)$ *Антипрививочный скепсис* ↔ $\Phi 1(-)$ *Обязательность вакцинации*.

Первый фактор, так же, как и при опросе 2021 года отражает негативное отношение к вакцинации, по своему содержанию он схож, но теперь не содержит утверждений о низкой опасности заболевания. К 2022 году появился пункт, говорящий о необходимости индивидуального рассмотрения случаев вакцинирования, не всем она подходит. Т.е. мы видим здесь определенное смягчение категоричности. Максимальные факторные нагрузки снизились. В 2022 году установка стала мягче, хотя ее важность не снизилась, а вклад первого фактора даже повысился. Можно говорить о его большей глубинности.

Пункты, составившие оба полюса второго фактора, следующие:

Пункты с положительными факторными нагрузками

37. Истинная молитва или покаяние помогает избежать заражения коронавирусом. 0,764

36. Ковид – это божья кара, поэтому те, кому положено богом (грешники) все равно заболеют, а праведных людей эта болезнь не тронет. 0,686

8. Маловероятно, что коронавирус может меня заразить 0,513

Пункт с отрицательной факторной нагрузкой

38. Природа коронавирусной инфекции такова, что ни бог, ни молитва, ни праведная жизнь не помогут ее избежать. –0,692

Семантика пунктов, составивших оба полюса первого фактора, позволяет назвать его: $\Phi 2(+)$ *Религиозные убеждения* ↔ $\Phi 2(-)$ *Атеистические взгляды*

С наибольшей нагрузкой по обоим полюсам входят убеждения, связанные с верой. Любопытно заметить праведный, кармический характер религиозного полюса “...(грешники) все равно заболеют, а праведных людей эта болезнь не тронет”. Этот полюс также сопровождает убеждение в низкой вероятности обнаружить заболевание у себя. По всей видимости, положительно отвечали на эти пункты люди верующие, считающие себя праведными.

Третий фактор – униполярный. Пункты, получившие максимальные факторные нагрузки по этому фактору:

18. Только жизнь в одиночку позволит избежать заражения коронавирусом. 0,614

31. Дети должны сидеть дома и не ходить ни в школу, ни в детский сад до тех пор, пока пандемия не пройдет. 0,599

30. Дети часто выступают бессимптомными переносчиками вируса, даже не подозревая об этом, и, поэтому, их необходимо изолировать от других членов семьи, чтобы уберечь пожилых родственников от заражения. 0,546

42. Необходимо перевести на домашний режим невакцинированных людей, ограничив тем самым их вероятность заразиться ковидом. 0,515

Мы интерпретировали его как $\Phi 3(+)$ *Необходимость изоляции*.

Это фактор установки на необходимость запереться, изолироваться от социальных контактов и соблюдать требования санитарной безопасности, однако здесь нет убеждений в позитивности произошедших изменений, в отличие от результатов прошлого года.

Четвертый фактор также имеет пункты с высокими факторными нагрузками только на одном (положительном) полюсе.

23. Пандемия – это временное явление и в обозримом будущем все вернутся к обычной жизни	0,635
24. Люди не должны прекращать социальное общение, но делать это нужно, соблюдая меры эпидемиологической безопасности	0,625
2. Изменения, введенные из-за пандемии в торговле и доставке в данный момент, – положительные.	0,617
22. Люди должны терпеливо относиться к существующему положению дел (необходимости соблюдения социальной дистанции, ношению масок, соблюдению других мер безопасности).	0,599
1. Изменения, введенные из-за пандемии в социальной инфраструктуре в данный момент (социальная дистанция, соблюдение мер санитарной безопасности, qr-коды и т.д.) – положительные.	0,569
4. Карантин, введенный из-за пандемии – это хорошая возможность узнать лучше близких людей и провести с ними больше времени	0,511

Фактор был назван Ф4(+) *Оптимизм и надежда*.

По сравнению с аналогичным фактором предыдущего года, на положительном полюсе появились убеждения, отражающие мягкое отношение к встрече с другими людьми. Такое изменение скорее всего – следствие уменьшения количества принудительных мер противодействия пандемии.

Пятый фактор – биполярный. На положительном полюсе оказался пункт:

13. В период пандемии взаимодействие и поддержание контактов возможно только с самыми близкими (членами семьи, которые проживают вместе со мной).	0,502
Пункты с отрицательными факторными нагрузками:	
14. Ограничение личного, непосредственного общения с родственниками, живущими отдельно, будет иметь много негативных последствий, и еще неизвестно что опаснее, коронавирус или разрушение родственных связей.	-0,714
28. Дети возможно и являются переносчиками коронавирусной инфекции, но если лишить старших членов семьи непосредственного общения с ними, то психологический вред для всей семьи от этих ограничений будет существенно больше.	-0,622
16. Рекомендации по соблюдению мер санитарной защиты не уменьшают угрозу заражения, а только приводят к нагнетанию страха в обществе и депрессии людей.	-0,614
25. В случае заражения больного необходимо окружить вниманием и заботой, в некоторых случаях даже пренебрегая санитарными нормами,	-0,585

- так как больной психологически уязвим, и именно в этом момент для поднятия духа нуждается в поддержке близких людей.
26. Коронавирус – это тот же грипп, который в большинстве случаев успешно лечится дома и не стоит обязательно стремиться получить дополнительную медицинскую помощь в больнице. –0,548
19. Социальные ограничения, налагаемые властями, диктуются не коронавирусом, а желанием вышестоящих органов страны контролировать общество. –0,547
17. Каждый человек в состоянии самостоятельно принять ответственное решение по защите от коронавируса себя и своих близких, и власть не должна в это вмешиваться (следить, налагать штрафы, устанавливать ограничения и т.д.) –0,472
7. Необходимость соблюдать ограничения, предписанные властью/администрацией/государством (сокращение мобильности, необходимость носить маску, уменьшение общения) приводит к дискомфорту в жизни –0,468
35. Существующие на сегодняшний день вакцины – это политический пиар властей тех или иных государств. Чтобы создать действительно эффективную вакцину требуется не менее трех лет, а может и больше. –0,356
8. Маловероятно, что коронавирус может меня заразить –0,321

Мы назвали этот фактор: $\Phi 5(+)$ *Положительное* ↔ $\Phi 5(-)$

Отрицательное отношение к социальным ограничениям

Снятие карантинных мер позволило людям проводить больше личных встреч. Это перечень стремлений к взаимосвязи с другими. На противоположном полюсе утверждения о необходимости самоизоляции, при этом фактор слабо связан (0,097) с третьим фактором *Необходимость самоизоляции*. Вероятно, в данном случае те же пункты означают нежелание изменять привычный образ жизни и возвращаться в социум. Для многих людей окончание самоизоляции оказалось стрессовой ситуацией [12].

Попарные корреляции между факторами выросли. Так пятый фактор коррелирует с фактором 1 ($r = 0,289$): те, кто положительно относятся к социальным ограничениям, являются сторонниками вакцинирования, оптимистично смотрят в будущее ($r = 0,294$) и как правило им в большей степени свойственна атеистическая позиция ($r = -0,149$). Сторонники вакцинирования также с оптимизмом смотрят в будущее ($r = 0,181$) и поддерживают изоляцию ($r = 0,102$).

Сравнительный анализ результатов 2021 и 2022 года

Таблица 10. Сопоставление факторов, полученных на разных выборках

Выборка 2021	% общ. дисп.	Выборка 2022	% общ. дисп.
Ф11(+) Антипрививочный скепсис ↔ Ф11(-) Обязательность вакцинации	21,9%	Ф21(+) Антипрививочный скепсис ↔ Ф21(-) Обязательность вакцинации	24,6%
Ф12(+) Приоритет общественного блага	11,2%	Ф22(+) Религиозные убеждения ↔ Ф22(-) Атеистические взгляды	8,8%
Ф13 (+) Обеспечение безопасности	6,3%	Ф23(+) Необходимость изоляции	5,5%
Ф14(+) Положительное отношение к самоизоляции	5%	Ф24(+) Оптимизм и надежда	4,6%
Ф15 (-) Социальный оптимизм	4,5%	Ф25(+) Положительное ↔ Ф25(-) Отрицательное отношение к социальным ограничениям	4,1%

По результатам факторизации первичных пунктов в обоих исследованиях главной установкой оказалось отношение к вакцинации.

В 2021 году фактор, связанный с приоритетом общественных интересов над личными, был на втором месте. На следующий год острота вопроса спала и сходный фактор Ф23(+) *Необходимость изоляции* оказался на третьем месте, имея существенно меньший вклад в общую дисперсию.

В 2022 году сошла на нет тематика соблюдения карантинных правил. В 2021 году эта установка была представлена Ф13(+) *Обеспечение безопасности*. Пункты, составившие этот фактор содержали утверждения, касающиеся конкретных мер, защиты от заражения COVID-19 и на следующий год их соблюдение перестало быть актуальным.

Существенный вес в 2022 году приобрел фактор религиозных убеждений. Роль церкви и религии в пандемию была очень значима с одной стороны, а с другой требовала изменений во взаимодействии с верующими с другой [6; 8].

Семантически схожими являются пятый фактор 2021 г. *Социальный оптимизм* и четвертый 2022 г. *Оптимизм и надежда*, в них ключевым

утверждением было ожидание скорого окончания пандемии, ему сопутствовали убеждения в необходимости быть терпимым к изменениям и поиск положительных сторон происходящего.

Заключение

Таким образом, мы обозначили основные установки в отношении пандемии COVID-19. Самой распространенной эмоциональной реакцией на пандемию был страх[3]. Одновременно с этим известно, что изменение привычных паттернов действий возможно только тогда, когда люди ощущают свою способность справиться с трудностями, в то время как чрезмерный уровень переживаний, скорее вызывает защитные реакции [17].

Конечно, нельзя сказать, что полученные нами факторы могут предсказывать поведение, но они отражают представленность в массовом сознании данных установок. Установки соответствуют конструктам, которые детерминируют отдельные убеждения. Были зафиксированы изменения категориальной структуры, которые соответствуют изменениям нарратива пандемии.

По результатам факторизации данных полученных в двух этапах главной оказалась установка по отношению к вакцинации. Действительно, по заявлению врачей и специалистов всех уровней в большинстве стран мира так или иначе имеюших отношение к преодолению опасности пандемии вакцинация (после изобретения и доказательного внедрения их в массовое здравоохранение) стала наиболее действенным средством спасения здоровья и жизни подавляющей части жителей планеты. Но как показывают исследования в каждом обществе всегда находится немало людей, выступающих против вакцинации, не верящих в ее эффективность и отсутствие угрозы. Таким образом, антонимия, задаваемая первым фактором, является универсальной и просто была актуализирована во время пандемии и оставалась таковой до ее официального окончания в конце 2022 – начале 2023 гг. в большинстве стран мира.

То, что установка на приоритет общественных ценностей над индивидуальными в 2021 году была на втором по значимости месте,

а с явным ослаблением угрозы заражения отошла на второй план, согласуется с результатами указанных выше исследований о спасительной роли коллективистских ценностей в преодолении опасности, ощущаемой всеми членами общества.

Существенный вес в 2022 году приобрел фактор религиозных убеждений. Очевидно, это связано с возросшей потребностью людей найти защиту от угроз жизни и здоровью в религии.

Выделенные в обоих случаях «оптимистические» факторы, дают основание полагать, что они выполняли защитную функцию и востребованы всегда.

В последние годы выражается обеспокоенность низкой воспроизводимостью результатов в психологических исследованиях [19]. Ставится под сомнение универсальность психологических детерминант.

Изменчивые условия пандемии COVID-19 показали, что ценность исследования не обязательно может заключаться в возможности репликации. Это может иметь последствия для вопросов воспроизводимости [16]. Не менее важным является определение того, каким именно образом текущий контекст влияет на результаты. Действительно, большое количество степеней свободы психологических показателей заставляют задуматься, что является ключевым в том или ином случае.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М, 2003.
2. Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Систематический обзор эмпирических исследований факторов отказа от вакцинации. Гигиена и санитария. 2018; 97(7): 664-670. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2018-97-7-664-670>.
3. Ардашев Р.Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2020. – №. 11. – С. 82-88.
4. Богомякова Е.С. Отношение россиян к вакцинации от COVID-19: проблемы и противоречия. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. – Т 29(спецвыпуск). – С. 736-742. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-736-742>.
5. Вошева Н.А., Камынина Н.Н., Короткова Е.О., Вошев Д.В. Сравнительный анализ отношения населения к вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19 в зарубежных странах и в России. Проблемы социальной гигиены,

- здравоохранения и истории медицины. 2021;29(2):220—226. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-220-226>
6. *Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А.* Религии в условиях пандемии COVID-19: опыт России //Общество: философия, история, культура. – 2020. – №. 6 (74). – С. 36-40.
 7. *Григорьева Н.С.* Граждане и общество в условиях пандемии COVID-19: общественные интересы versus личная свобода / Н.С. Григорьева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – №. 84. – С. 147-164.
 8. *Лункин Р.Н.* Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса //Научно-аналитический вестник института Европы РАН. – 2020. – №. 2. – С. 104-109. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020104109>
 9. *Майерс Д.* Социальная психология/Девид Майерс //СПб.: Питер-Пресс.–1997.
 10. *Митина О.В., Первичко Е.И., Чиждова А.Р., Конюховская Ю.Е.* Структура ценностей во время пандемии covid-19. //Психология. Журнал Высшей Школы экономики 20, 4 (2023), 773–795.
 11. *Падун М.А., Белова С.С., Нестик Т.А.* Установки приверженности масочному режиму российских респондентов в период пандемии COVID-19 //Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. – №. 4. – С. 770-791. DOI: [10.17323/1813-8918-2021-4-770-791](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-770-791)
 12. *Федосенко Е.В.* Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавируса COVID-19 //Психологические проблемы смысла жизни и акме. – 2020. – №.25. – С. 34-47.
 13. Вакцинация от коронавируса: отношение россиян ВЦИОМ [Электронный ресурс] / <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinaciya-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan> (дата обращения 01.12.2023).
 14. Google формы [Электронный ресурс] / <https://www.google.com/forms/about/> (дата обращения 01.12.2023).
 16. *Jetten J, Bentley S.V., Crimston C.R., Selvanathan H.P., Haslam S.A.* COVID-19 and social psychological research: A silver lining //Asian Journal of Social Psychology. – 2021. – Vol. 24. – №. 1. – P. 34. DOI: [10.1111/ajsp.12465](https://doi.org/10.1111/ajsp.12465)
 17. *Lim J. M. et al.* Population anxiety and positive behaviour change during the COVID-19 epidemic: Cross-sectional surveys in Singapore, China and Italy //Influenza and other respiratory viruses. – 2021. – Vol. 15. – №. 1. – P. 45-55. DOI: <https://doi.org/10.1111/irv.12785>
 18. *Maaravi Y. et al.* “The tragedy of the commons”: How individualism and collectivism affected the spread of the COVID-19 pandemic //Frontiers in public health. – 2021. – №. 9. – P. 37.
 19. Open Science Collaboration. Estimating the reproducibility of psychological science //Science. – 2015. – Vol. 349. – №. 6251. DOI:[10.1126/science.aac4716](https://doi.org/10.1126/science.aac4716)
 20. *Thurstone L.L.* Attitudes can be measured //American journal of Sociology. – 1928. – Т. 33. – №. 4. – С. 529-554.

Приложение 1

Список убеждений опросника отношения к пандемии COVID-19

1. Изменения, введенные из-за пандемии в социальной инфраструктуре в данный момент (социальная дистанция, соблюдение мер санитарной безопасности, qr-коды и т.д.) – положительные.

2. Изменения, введенные из-за пандемии в торговле и доставке в данный момент, – положительные.

3. Изменения, введенные из-за пандемии в организации обучения в школах и ВУЗах в данный момент – положительные.

4. Карантин, введенный из-за пандемии – это хорошая возможность узнать лучше близких людей и провести с ними больше времени

5. Пандемия – это новый опыт для всего человечества, который даст толчок к развитию медицины, новых технологий в коммуникации и др.

6. Непосредственное общение с людьми во время пандемии может угрожать здоровью и жизни.

7. Необходимость соблюдать ограничения, предписанные властью/администрацией/государством (сокращение мобильности, необходимость носить маску, уменьшение общения) приводит к дискомфорту в жизни.

8. Маловероятно, что коронавирус может меня заразить.

9. Необходимо соблюдать все требования общественной санитарной безопасности (носить маску и перчатки, дезинфицировать товары из магазина, дезинфицировать ручки дверей в доме и т.д.) и требовать это от других людей (если не слушаются, то можно и в агрессивной форме).

10. Никакие меры санитарной защиты не помогут, все так или иначе переболеют. Кто слаб, тот умрет.

11. Необходимо заранее подготовиться к возможному заражению коронавирусом (купить необходимые лекарства, ознакомиться с доступной информацией связанной с лечением болезни и т.д.).

12. В случае если близкий человек в семье заболел, необходимо полностью изолировать его (ее) от других членов семьи, чтобы избежать их заражения (напр., еду, лекарства, необходимые вещи оставлять около двери комнаты, не заходя в нее).

13. В период пандемии взаимодействие и поддержание контактов возможно только с самыми близкими (членами семьи, которые проживают вместе со мной).

14. Ограничение личного, непосредственного общения с родственниками, живущими отдельно, будет иметь много негативных последствий, и еще неизвестно что опаснее, коронавирус или разрушение родственных связей.

15. Пандемия – это новые социальные условия, в которых можно найти новые области самореализации (новую профессию, дополнительную работу).

16. Рекомендации по соблюдению мер санитарной защиты не уменьшают угрозу заражения, а только приводят к нагнетанию страха в обществе и депрессии людей.

17. Каждый человек в состоянии самостоятельно принять ответственное решение по защите от коронавируса себя и своих близких, и власть не должна в это вмешиваться (следить, налагать штрафы, устанавливать ограничения и т.д.).

18. Только жизнь в одиночку позволит избежать заражения коронавирусом.

19. Социальные ограничения, налагаемые властями, диктуются не коронавирусом, а желанием вышестоящих органов страны контролировать общество.

20. Пандемия – это оружие, которое по неосторожности его создателей, вышло из-под контроля.

21. Коронавирус и пандемия – это результат скрытой войны между правительствами разных стран.

22. Люди должны терпеливо относиться к существующему положению дел (необходимости соблюдения социальной дистанции, ношению масок, соблюдению других мер безопасности).

23. Пандемия – это временное явление и в обозримом будущем все вернутся к обычной жизни.

24. Люди не должны прекращать социальное общение, но делать это нужно, соблюдая меры эпидемиологической безопасности.

25. В случае заражения больного необходимо окружить вниманием и заботой, в некоторых случаях даже пренебрегая санитарными нормами, так как больной психологически уязвим и именно в этот момент для поднятия духа нуждается в поддержке близких людей.

26. Коронавирус – это тот же грипп, который в большинстве случаев успешно лечится дома и не стоит обязательно стремиться получить дополнительную медицинскую помощь в больнице.

27. В современных условиях медицинское учреждение – место, в котором шансы заразиться коронавирусом чрезвычайно высоки, и лучше туда не попадать.

28. Дети возможно и являются переносчиками коронавирусной инфекции, но если лишить старших членов семьи непосредственного общения с ними, то психологический вред для всей семьи от этих ограничений будет существенно больше.

29. Раз дети сами не болеют коронавирусом гораздо меньше взрослых и легче эту болезнь переносят, то и не представляют большой опасности для других людей (в том числе и старшего поколения).

30. Дети часто выступают бессимптомными переносчиками вируса, даже не подозревая об этом, и, поэтому, их необходимо изолировать от других членов семьи, чтобы уберечь пожилых родственников от заражения.

31. Дети должны сидеть дома и не ходить ни в школу, ни в детский сад до тех пор, пока пандемия не пройдет.

32. Вакцинация необходима всем и при первой возможности ее пройти, нужно это сделать.

33. Вакцинация – эффективная мера, но не всем подходит в силу некоторых обстоятельств и возможных побочных эффектов: например, ограничений по состоянию здоровья.

34. Вакцинация в борьбе с коронавирусом бессильна и бесполезна из-за частых мутаций вируса, недостаточной изученности этой болезни.

35. Существующие на сегодняшний день вакцины – это политический пиар властей тех или иных государств. Чтобы создать действительно эффективную вакцину требуется не менее трех лет, а может и больше.

36. Ковид – это божья кара, поэтому те, кому положено богом (грешники) все равно заболеют, а праведных людей эта болезнь не тронет.

37. Истинная молитва или покаяние помогает избежать заражения коронавирусом.

38. Природа коронавирусной инфекции такова, что ни бог, ни молитва, ни праведная жизнь не поможет ее избежать.

39. В ситуации дефицита медицинских средств, оборудования, медицинского персонала врачебную помощь в первую очередь нужно оказывать людям, которые сделали прививку и тем самым приняли на себя социальную ответственность за нераспространение коронавирусной инфекции.

40. В ситуации дефицита медицинских средств, оборудования, медицинского персонала врачебную помощь в первую очередь нужно оказывать молодым людям, так в этом случае оказание помощи наиболее эффективно и вероятность спасти молодой организм гораздо выше.

41. В ситуации дефицита медицинских средств, оборудования, медицинского персонала врачебную помощь в первую очередь нужно оказывать пожилым людям, так как шансов, что их организм сам справиться с болезнью гораздо меньше, чем у молодых людей.

42. Необходимо перевести на домашний режим невакцинированных людей, ограничив тем самым их вероятность заразиться ковидом.

43. Работодатели имеют право отстранить от работы невакцинированного работника если это оправданно санитарно-эпидемиологическими соображениями.

44. Негативные последствия для здоровья человека от вакцинации могут быть опаснее, чем сам коронавирус.

STUDY OF SOCIAL ATTITUDES TOWARDS THE COVID-19 PANDEMIC USAGE IN 2021 AND 2022

Mitina O.V., Bachkala A.
Faculty of Psychology
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

The work is based on two surveys from 2021 and 2022. As a result of factorizing the list of common beliefs about the COVID-19 pandemic, unchanged social attitudes over the two years of the pandemic have been identified. Changes in social attitudes due to social dynamics during the pandemic have also been identified.

Keywords: Social attitudes, beliefs, COVID-19 pandemic, dynamics of attitude towards the pandemic, attitude towards vaccination, priority of social values, attitude towards religion, social optimism.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАВИСТИ

Митина О.В.
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)

Мунгиева Ф.
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкент,
(г. Ташкен, Узбекистан)

В статье представлены результаты исследования, проведенного среди 80 респондентов в возрасте от 18 до 29 лет с использованием методики множественной идентификации с целью оценить представления о завистливом поведении. С помощью факторного анализа было выявлено 4 основных фактора, объясняющих 56% общей дисперсии. Два из этих факторов относятся к деструктивной зависти, а два к конструктивной. Анализ оценок ролевых позиций по этим факторам позволяет выявить отношение респондентов к соответствующим видам поведения, а также определяет стереотипные представления людей в отношении представителей разных профессий и социальных групп.

Ключевые слова: виды зависти, диагностика зависти, социальные репрезентации, психосемантическая методика множественной идентификации, факторный анализ.

Достаточно часто мы можем услышать, как люди атрибутируют зависть другому человеку, однако почти не упоминают ее при объяснении собственных установок и реакций и вовсе отрицают ее наличие. Несмотря на такую распространенность, по сравнению с другими эмоциональными переживаниями, конструкт в психологии стал изучаться относительно недавно [2].

Зависть проявляется у каждого в индивидуальной форме и люди склонны испытывать её по-разному. Слишком сильная зависть в отсутствии любви может нарушить нормально функционирующие отношения и будет способствовать эмоциональным трудностям [10].

Теоретическая и методологическая проработанность исследований проблематики зависти остается недостаточной. Как следствие трудности в обнаружении и исследовании особенностей проявления зависти на поведенческом, эмоциональном и когнитивном уровнях [5].

Наиболее общее определение феномена зависти дает Г. Шек [9]: социально-психологический конструкт, который охватывает ряд разнообразных форм социального поведения и чувств, появляющихся по отношению к тем, кто обладает чем-либо, что хотел бы иметь завидующий. Т.В. Бескова понимает под завистью враждебное деструктивное отношение одного человека к другому, обусловленное превосходством последнего в наиболее важных сферах. Это отношение сопровождается негативными эмоциями, которые имеют два вектора направления (на себя и на другого), снижением самооценки и стремлением нивелировать данное превосходство [3].

В зависимости от разных оснований классификации исследователи выделяют следующие виды зависти:

1. «Черная» или деструктивная зависть определяется как крайняя отрицательная форма, представляющая собой негативную эмоцию, стимулирующую совершать со злым умыслом действия по устранению чужого успеха и благополучия. Проявляется деструктивная зависть в виде наличия мрачных мыслей, интриг, агрессии. Этот вид зависти иначе может

быть назван *завистью-ненавистью*, и он ведет к деструкции, дестабилизации и дезадаптации [6].

2. «Белая» или конструктивная зависть психологически и социально одобряемая форма. Люди, испытывающие этот тип зависти, сосредотачивают свое внимание на предмете зависти и их можно охарактеризовать как честолюбивых и рациональных [1]. Стоит отметить, что белая зависть по-прежнему остается негативной эмоцией, которую испытывать неприятно, но она мотивирует к прогрессу [11].

3. «Серая» зависть или зависть-уныние. В этом случае субъект зависти часто испытывает чувство ненужности, неуверенности, обиды и отсутствие сил изменить свое положение. Субъект может умалчивать, игнорировать достижения конкурента, как несуществующие, или же умышленно возвышать достоинства объекта зависти. Зависть-уныние определяется такими свойствами личности, как тревожность, эмоциональная неустойчивость и депрессивность [4].

В любом случае чувство зависти обладает негативными компонентами и в большинстве случаев является социально неодобряемым и часто вытесняется в сознании субъекта. Это затрудняет психологические исследования конструкта и связанной с ним феноменологии.

В такой ситуации на помощь приходит психосемантика, обладающая преимуществами глубинных проективных методов с одной стороны и объективных количественных методов с другой [8].

Нами был проведен цикл психосемантических исследований (см. также Митина, Мунгиева 2023) [7].

В данном исследовании использовался психосемантический метод множественной идентификации. Разработана методика, в которой 13 ролевых позиций оценивались по 48 пунктам, взятым из двух опросников, диагностирующих склонность к завистливому поведению и проявлению завистливых чувств:

1) методика исследования завистливости личности Т.В. Бесковой, состоящей из шкал: зависть-неприязнь, зависть-уныние [3];

2) опросник конструктивной и деструктивной зависти (BeMaS) J. Crusius, J. Lange (русский перевод Т. Волкодав, 2017) [12], состоящей из двух шкал: конструктивная и деструктивная зависти.

Список ролевых позиций включал роли: «я сам(а)», роль, имеющая положительную коннотацию «мой идеал», различные профессиональные образы, связанные в общественном сознании с конкуренцией, завистью как положительно, так и отрицательно: «спортсмен», «модель», «работник сферы услуг», «бизнесмен», «учитель», «врач», «артист», «чиновник», «художник», «религиозный человек». Поскольку большинство наших респондентов были студентами, то для того, чтобы получить поправку на социальную желательность была добавлена роль «студент». Сопоставление образа себя, идеала и студента позволит контролировать фактор социальной желательности.

Респондентом предлагалось оценить по пятибалльной шкале на сколько то или иное поведение, чувства свойственны образу представителя той или иной профессии, социальной группы, а также самому респонденту и его идеалу.

В исследовании приняли участие 80 респондентов: 24 мужчины и 56 женщин в возрасте от 18 до 29 лет.

В результате факторного анализа методом главных компонент с косоугольным вращением оптимальным оказалось выявление 4 факторов, объясняющих 56% общей дисперсии.

Первый фактор объясняет 41,6% общей дисперсии, включает следующие пункты (с указанием факторных нагрузок).

36. Не хотел, чтобы друг создал семью с человеком, который был бы похож на его собственный идеал	0,873
44. Чувство зависти мешает ему хорошо относиться к другому человеку	0,798
31. Порой его радуют неприятности друзей, хотя и сложно в этом признаться	0,770
47. Желает найти какие-то недостатки или ошибки у других	0,736
46. Может использовать к объекту зависти язвительные выражения или шутки, граничащие с оскорблением	0,723
38. Делает вид, что не замечает достижений соперника	0,721
18. Считает незаслуженным успех многих людей	0,704

16. Испытывает желание каким-либо образом навредить тому, кто превосходит его в чем-то значимом	0,689
23. Бывает, что необоснованно критикует того, кто в чем-то его превосходит	0,689
28. Может испытывать недобрые чувства по отношению к людям, которые живут лучше, чем он.	0,672
37. Считает, что судьба часто к нему несправедлива	0,663
40. Чувствует некоторую обделенность, когда понимает, что друг умнее, богаче и красивее.	0,622
30. Полагает, что ему все приходится достигать самому, тогда как многим все валится с неба	0,592
35. Испытывает грусть от того, что семейная жизнь тех, с кем он общается, гораздо гармоничнее чем у него.	0,589
20. Его раздражают люди, которым все легко дается	0,576
32. Испытывает досаду из-за того, что многие люди его превосходят	0,551
17. Думает, что он ни на что не способен и его жизнь не удалась.	0,527
19. Не имеет воли и упорства для достижения жизненных целей	0,504
1. Испытывает желание распространять слухи о том, кто более успешен	0,503
14. Считает, что ему везет в жизни меньше, чем многим другим	0,503
10. Испытывает раздражение от успехов и достижений друзей	0,490
27. Порой его мучает вопрос: «Почему все достается другим, а не мне?»	0,485
39. Испытывает некоторую ревность к успехам своих друзей и коллег	0,482
25. Часто чувствует, что превосходство других в какой-то мере обесценивает его собственные достижения	0,45
33. Иногда страдает от мысли, что у другого есть то желанное, которого у него нет	0,448
5. Испытывает раздражение, общаясь с более благополучными знакомыми	0,447
24. Его раздражают люди, выставляющие свои успехи и приобретения напоказ.	0,416
15. При сравнении себя с кем-то более успешным склонен изменять предмет сравнения на более выигрышный («пусть у него денег куры не клюют, зато у меня все в порядке с интеллектом»)	0,406

Семантика пунктов, составивших первый фактор, позволяет назвать его «зависть-неприятность».

Второй фактор объясняет 7,9% общей дисперсии, включает следующие пункты

48. Стремится к тем же вершинам, которые достигли другие люди	0,709
21. Испытывает желание во что бы то ни стало добиться того, чего достигли другие	0,705
34. Хочет быть первым во всем	0,577
45. Если кто-то обладает лучшими качествами, достижениями или материальными благами, то он пытается достичь для себя того же	0,429

Семантика пунктов, составивших второй фактор, позволяет назвать его «зависть-соответствие».

Третий фактор объясняет 3,6% общей дисперсии, включает следующие пункты

11. Считает, что достоин лучшего	0,754
26. Хочет добиться общественного признания, престижа, почета, славы	0,719
43. Зависть к чужим успехам мотивирует его к достижению своих целей	0,589
42. Замечая, что другой человек превосходит его в чем-то, старается стать лучше.	0,546
41. Завидуя другим, сосредотачивается на том, как стать таким же успешным в будущем.	0,539
29. Любит похвастаться своими успехами	0,526

Семантика пунктов, составивших третий фактор, позволяет назвать его «зависть-достижение».

Четвертый фактор объясняет 2,9% общей дисперсии, включает следующие пункты

3. Чувствует обиду от осознания того, что жизнь сложилась менее удачно, чем у его знакомых.	0,699
7. Испытывает отчаяние из-за того, что не в силах изменить жизнь к лучшему	0,635
9. Предпринимает все возможное для достижения желаемой цели, вкладывая все свои силы, но так и не достигая успеха	0,567
22. Переживает уныние от того, что другие могут позволить себе посещать рестораны, путешествовать	0,554
4. Расстраивается от того, что некоторые коллеги более профессиональны и талантливы	0,513

Семантика пунктов, составивших третий фактор, позволяет интерпретировать его как «зависть-уныние».

Все четыре фактора униполярные. Корреляция между ними представлена в таблице 11.

Несмотря на то, что *Соответствие* и *Достижение* можно отнести к видам «белой» зависти, т.е. имеют определенную позитивную коннотацию, все корреляции в таблице 11 положительные. Этот факт говорит о том, что в сознании респондентов латентное чувство зависти положительно детерминирует все его виды. Самая высокая корреляция между *Неприятностью* и *Унынием* показывает однозначное отнесение обеих

этих компонент к зависти деструктивной (однозначно неодобряемой). В то же время *Достижение* коррелирует с *Соответствием* ниже, чем с *Неприязнью*. Возможно, *Достижение* объединяет с *Неприязнью* определенная активность, к которой побуждает каждое из этих чувств

Таблица 11. Корреляции между выделенными факторами

	<i>Неприязнь</i>	<i>Соответствие</i>	<i>Достижение</i>	<i>Уныние</i>
<i>Неприязнь</i>	1	0,224	0,353	0,592
<i>Соответствие</i>	0,224	1	0,250	0,118
<i>Достижение</i>	0,353	0,250	1	0,241
<i>Уныние</i>	0,592	0,118	0,241	1

После интерпретации факторов для оценок ролевых позиций каждым респондентом были вычислены факторные баллы. Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), где независимой переменной является ролевая позиция, а откликом по очереди факторные баллы оценок ролевых позиций по каждому фактору показывают значимое влияние роли на отклик во всех четырех случаях. Т.е. каждый из выделенных факторов значимо дифференцирует оцениваемые ролевые позиции.

На рис. 4-7 представлены доверительные интервалы распределений факторных баллов по факторам 1-4 для всех оцениваемых ролей.

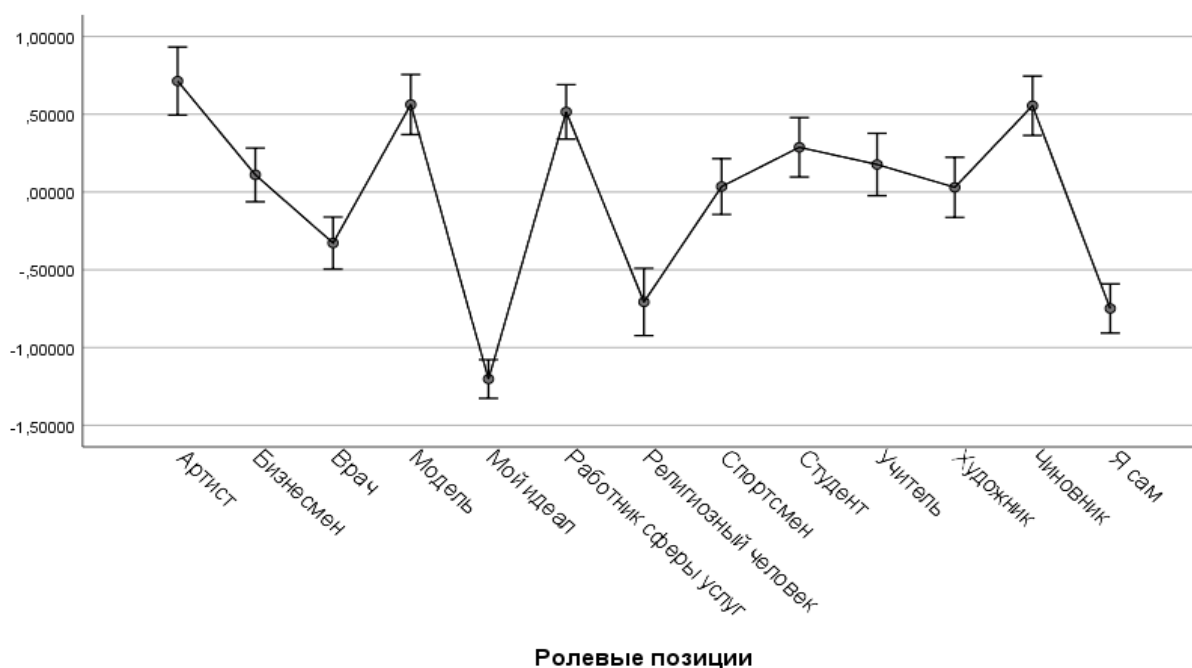

Рис. 4. Доверительные интервалы распределений факторных баллов по фактору *Неприязнь*

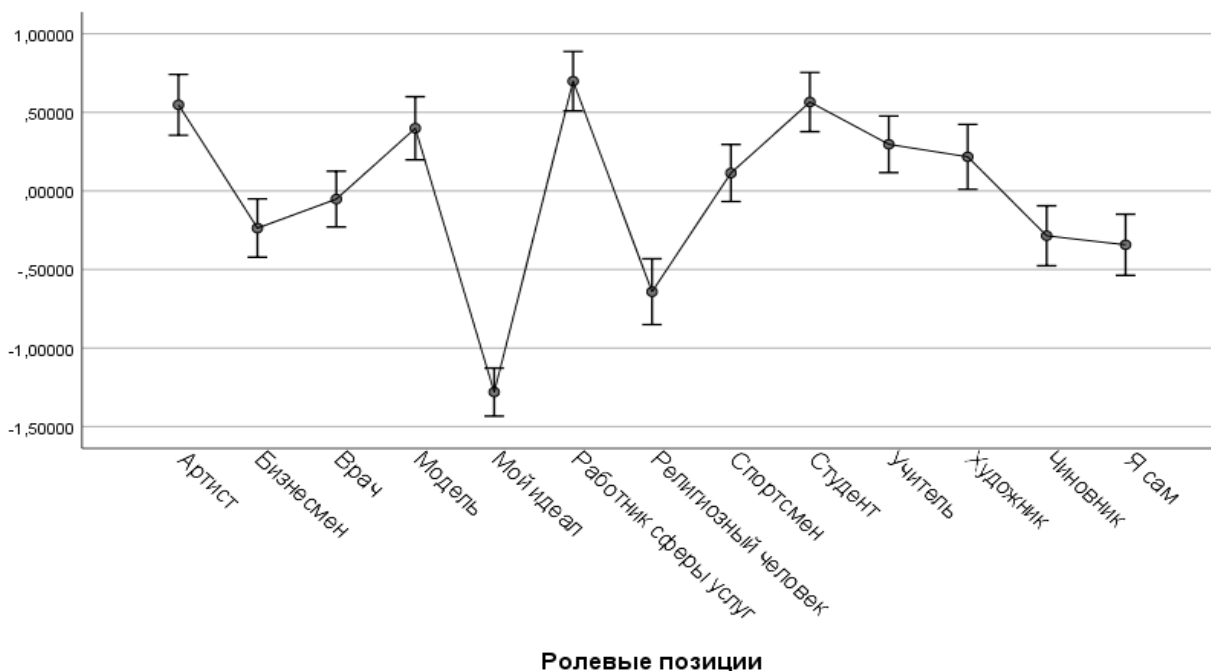

Рис. 5. Доверительные интервалы распределений факторных баллов по фактору *Умение*

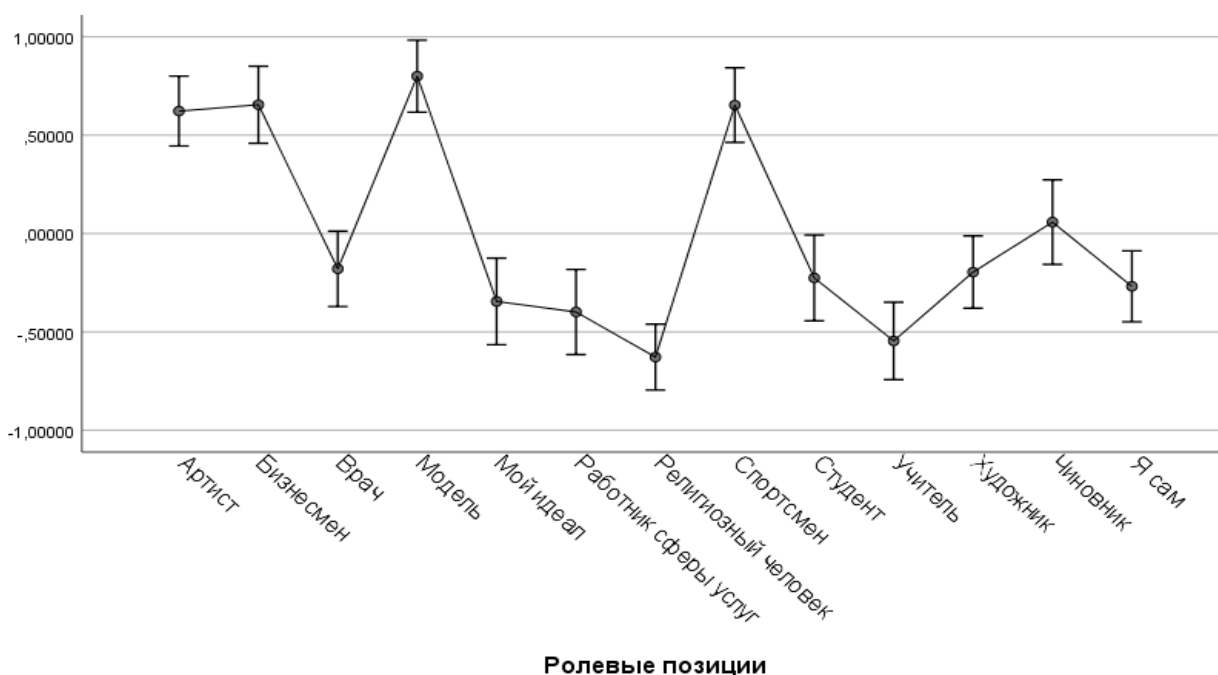

Рис. 6. Доверительные интервалы распределений факторных баллов по фактору *Соответствие*

Во всех четырех случаях есть ролевые позиции получившие максимальные факторные баллы по соответствующему фактору и минимальные. Именно эти различия между позициями определяют значимость гипотез H_1 в каждом из четырех ANOVA. Проекция доверительных интервалов на вертикальную ось для ролей, имеющих значимые различия между собой, не пересекаются.

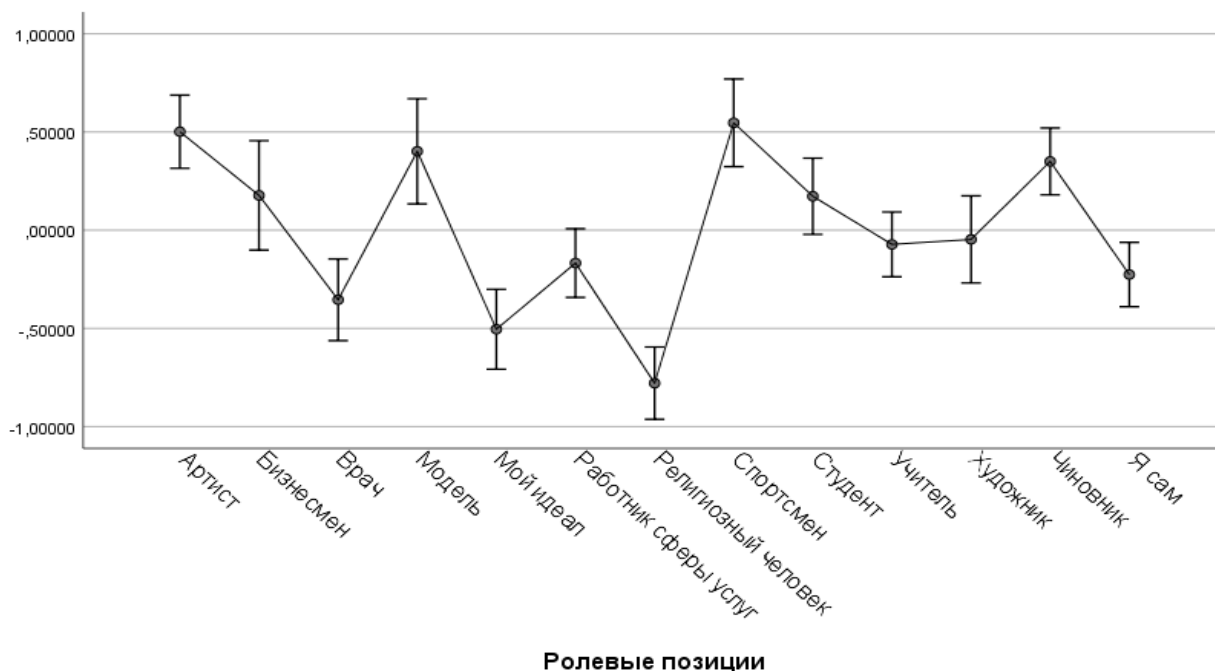

Рис. 7. Доверительные интервалы распределений факторных баллов по фактору *Достижение*

Рисунки 4 и 5 иллюстрируют распределение оценок деструктивных видов зависти. Самый низкий балл получает «Идеал», на втором месте снизу – «Религиозный человек». Для конструктивной зависти (рис. 6, 7) этот порядок меняется. Возможно, это объясняется тем, что в сознании респондентов зависть – грех для верующего человека во всех ее проявлениях практически во всех религиях, в то время как конструктивная зависть в некоторых случаях допустима, и ее мотивирующая сила может пойти человеку на пользу. Расположение рефлексивного образа «Я сам» рядом с идеальным говорит о социальной желательности ответов респондентов. Оценки роли «Студента» можно интерпретировать как проекцию. Плохим студентам свойственно уныние, а хорошим – достижение, чтобы добиться большего по сравнению с остальными.

Максимальные баллы по всем факторам респонденты приписывают «Артисту» и «Модели», в то же время «Спортсмену» в большей степени атрибутируют конструктивную зависти, а «Работнику сферы услуг» деструктивную. Можно сказать, что тут проявился тот факт, что спорт имплицитно рассматривается как социально приемлемая форма социально-неодобряемых черт и чувств. Тут не только «спортивная зависть», но и

«спортивная злость», «спортивное противостояние». Артистический мир и модельный бизнес – тоже мир конкуренции, но эта конкуренция явно неодобряемая. По-видимому, работу в сфере услуг наши респонденты в целом не рассматривают для себя как приемлемую и на сегодняшний день считают уделом неудачников.

«Чиновнику» и «Бизнесмену» приписываются формы зависти, связанные с активностью: *Достижение* и *Неприязнь*.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что респонденты в целом с высокой степенью единодуший оценивают одни и те же ролевые позиции. Дифференцированная оценка ролевых позиций свидетельствует о различных стереотипных представлениях относительно завистливого поведения, приписываемых людям определенных профессий или социальных групп. Эти стереотипы, по-видимому, в значительной степени связаны с отношением респондентов к представителям этих профессий или социальных групп.

В ходе исследования нами было построено семантическое пространство представлений о зависти, категории которого образуют поведенческие конструкты завистливого поведения. Категории в этом пространстве задаются видами конструктивной – *Соответствием* и *Достижением* – и деструктивной – *Неприязнью* и *Унынием* – видами зависти.

Вклад факторов, задающих эти категории, в общую дисперсию существенно различен. Они были выделены нами на основе пула первичных пунктов, что можно интерпретировать как имеющийся перекокс количества пунктов опросника в сторону первого фактора. Можно сделать вывод о необходимости корректировки опросников за счет снижения числа пунктов, относящихся к шкале *Неприязнь* и расширения числа пунктов по другим шкалам.

Список литературы

1. *Бегматова А.К.* Зависть как психологический феномен // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2016. №. 5. С. 76-80.

2. *Бескова Т.В.* Представления о сущности и причинах зависти в массовом сознании //Социология власти. 2010. №. 1. С. 56-65.
3. *Бескова Т.В.* Психологические механизмы формирования зависти и ее детерминанты //Вестник Московского государственного областного университета. 2013. №. 1. С. 30.
4. *Вертягина Е.А.* Индивидуально-психологические особенности личности как детерминанты зависти // Мир науки. Педагогика и психология, 2019 №5, <https://mir-nauki.com/PDF/88PSMN519.pdf>.
5. *Воронова А.Г.* Психологические особенности зависти в молодежной среде: зависть и ответственность //Форум молодых ученых. 2019. №. 5 (33). С. 401-406.
6. *Дмитриева Н. В.* Психология зависти //Сибирский педагогический журнал. 2005. №. 2. С. 133-141.
7. *Митина О.В., Мунгиева Ф.* Психосемантический анализ представлений о зависти (мотивационный компонент) //Сборник материалов Международной научно-практической конференции Ананьевские чтения – 2023. СПб.: 2023.
8. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Изд. 2-ое. СПб.: Питер, 2005.
9. *Шёк Г.* Зависть: теория социального поведения. Ирисэн 2010.
10. *Joseph B.* Envy in everyday life //Psychoanalytic Psychotherapy. 1986. Т. 2. №. 1. С. 13-22.
11. *Van de Ven N.* Envy and its consequences: Why it is useful to distinguish between benign and malicious envy //Social and Personality Psychology Compass. 2016. Т. 10. №. 6. С. 337-349.
12. *Volkodav T.* Russian translation Benign and Malicious Envy Scale (BeMaS). Retrived from: <https://osf.io/rhzus/>

PSYCHOSEMANTIC ANALYSIS OF ENVY REPRESENTATIONS

Mitina O.V.
Faculty of Psychology
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Mungieva F.
Lomonosov Moscow State University Branch in Tashkent
Tashkent, Uzbekistan

The article presents the results of a study conducted among 80 respondents aged 18 to 29 using the multiple identification method to assess representations of envious behavior. Factor analysis revealed 4 main factors explaining 56% of the total variance. Two of these factors are related to destructive envy, and two to constructive envy. Analysis of scores of role positions on these factors allows to identify respondents' attitudes towards corresponding types of behavior, as well as to determine stereotypical representations of people regarding representatives of different professions and social groups.

Keywords: types of envy, envy diagnosis, social representations, psycho-semantic multiple identification technique, factor analysis.

ОБРАЗ ВРАГА В СОЗНАНИИ ВОЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ: ПОНИМАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ И ТЕРРОРИСТОВ

Петрова Е.М.

Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ)
(г. Смоленск, Российская Федерация)

Обосновывается необходимость выявления различий понимания и переживания террористической угрозы, а также восприятия образа террориста военными и гражданскими людьми, анализируются конструкты, наполняющие семантическое поле понимания террористической угрозы сотрудниками УФСИН и гражданскими лицами.

Ключевые слова: террористическая угроза, образ врага, понимание, переживание, военные, гражданские лица

В ходе любого вида взаимодействия стран, государств и их народов формируются определенные устойчивые представления друг о друге, «образ».

Современный мир стремительно меняется: взрывы народного недовольства в Египте, Сирии, Ливии и других странах, «оранжевые» и иные революции, финансовые потрясения в Европе, настоящая ситуация в Украине. В этих условиях образ врага вновь стал одной из значимых составляющих массового сознания россиян, а при попытках его конкретизации многие люди все чаще указывают на мусульман. В наши дни проблема противостояния и якобы несовместимости христианских и мусульманских ценностей переместилась из культурной плоскости в политическую, социально-психологическую и военную, поскольку терроризм становится одним из самых распространенных способов вооруженных противостояний.

Кроме того, без учета психологических и социокультурных факторов взаимодействия с чужими социумами невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории, причем не только «гражданской», но и военной.

Цель данной статьи заключается в выявлении различий понимания и переживания террористической угрозы, а также восприятия образа террориста военными и гражданскими людьми.

Методика

В исследовании приняли участие 310 испытуемых (154 женщины и 156 мужчин) г. Смоленска. Испытуемые – сотрудники УФСИН (сотрудники отдела охраны, конвоирования, сотрудники отдела специального назначения УФСИН по Смоленской области «Феникс», выезжающие в горячие точки для охраны блокпостов, а так же студенты, работники сферы обслуживания, инженеры в возрасте от 17 до 46 лет. Средний возраст участников $M=25,6$ лет, стандартное отклонение $SD=6,45$. Женщины и мужчины в выборке были представлены равномерно (количественные различия статистически не значимы).

Исследование реализовывалось в несколько этапов:

1. Испытуемые анонимно заполняли пять опросников: Шкалу базисных убеждений (ШБУ) (Падун, Тарабрина, 2004), Опросник Спилбергера-Ханина на личностную тревожность (Бурлачук, Морозов, 2004), Методику исследования макиавеллизма личности (Знаков, 2001), Опросник смысложизненных ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000), Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, 2007; Быховец, Тарабрина, 2010).

2. Затем, на втором этапе, участникам экспериментов предлагалось по три раза продолжить незаконченные предложения: 1) Террористический акт – это ..., 2) Люди понимают террористическую угрозу ..., 3) Теракты совершают люди ... Результаты подвергались качественной обработке и контент-анализу.

Итоговые результаты по методике ОПТУ анализировались как показатели *переживания* испытуемыми ТУ. Ответы на вопросы опросников и продолжения незаконченных предложений в совокупности составляют семантическое поле понимания человеком ТУ.

Статистический анализ данных проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова-Смирнова, Манна-Уитни, а также корреляционного и регрессионного анализов.

Результаты исследования

Из 23 шкал используемых методик значимые различия между военными и гражданскими испытуемыми были получены по 14 показателям ($p < 0.05$).

По результатам исследования у гражданских испытуемых ниже, чем у сотрудников системы исполнения наказания общий индекс ОПТУ ($M2 = 47,13$ и $M1 = 49,62$; $p < 0.025$), а так же показатели тревожности ($M2 = 35,36$ и $M1 = 43,59$; $p < 0.001$) и уровня макиавеллизма ($M2 = 68,97$ и $M1 = 72,48$; $p < 0.025$), но выше показатели по шкалам "Контролируемость" ($M2 = 12,56$ и $M1 = 11,45$; $p < 0.025$). Шкалы базисных убеждений; общий индекс СЖО ($M2 = 113,96$ и $M1 = 107,69$; $p < 0,05$). Следовательно, сотрудники системы исполнения наказания сильнее переживают террористическую угрозу, более склонны к манипуляции, подозрительности и враждебности. Однако у них в среднем ниже показатели осмысленности собственной жизни и её управляемости.

Более высокие показатели индекса ОПТУ у сотрудников УФСИНа можно объяснить тем, что хотя представители системы исполнения наказания и сталкиваются с ситуациями потенциальной угрозы теракта косвенно, по роду деятельности, чаще, чем гражданские респонденты, все-таки имеют представления о ТУ, в значительной степени не соответствующее объективной реальности, однако вероятность оказаться в опасной зоне, у них гораздо выше, что и обуславливает более высокие показатели переживания ТУ и уровня тревожности. Западные исследования (Miller, 1987; Rosenbaum, Benyosef, 1995) также подтверждают, что низкий уровень способности контролировать события, а также вовлеченность в них являются сигналами высокого уровня страха и тревоги (цит по: Todd, 2005).

Кроме того, характерный для сотрудников системы исполнения наказания более высокий, по сравнению с другими испытуемыми, уровень макиавеллизма проецируется на окружающий мир и может выступать в качестве одного из способов контролировать уровень тревожности за счет

активности, направленной на снижение потенциальной угрозы и повышение контроля. Так же ситуация усиливается недостаточно сформированным уровнем осмысленности жизни сотрудников УФСИНа и их представлениями в целом о неспособности контролировать события, которые происходят с ними и в окружающем мире.

Согласно Теории управления страхом (Greenberg, 1986; Greenberg, Solomon, 1999) уникальная человеческая способность осознавать свою смертность имеет ряд социально-психологических следствий. В общем виде, в отношении проблемы своей смертности, человек применяет одну из двух защитных стратегий: проксимальную или дистальную. Проксимальная защита предполагает сдерживание мыслей о смерти, отведение проблемы своей смертности в отдаленное (и в этом смысле неактуальное) будущее. Проксимальная защита применяется человеком в случае, когда мысли о своей смерти находятся в фокусе сознания. Таким образом, функцией проксимальной защиты является вытеснение угрожающих мыслей из сознания.

В отличие от проксимальной, дистальная защита действует «в постоянном режиме». Функция дистальной защиты – перманентный контроль возможного «потенциала тревоги», связанной со смертью, даже если мысли о своей смертности находятся вне фокуса сознания. Известно, что имплицитные представления, явного понимания и осознания которых у индивида нет, могут влиять на широкий спектр социальных феноменов, включая установки, стереотипы, предубеждения и самоуважение (Greenwald, Banaji, 1995; Wegner, Smart, 1997). Дистальная стратегия управления страхом как раз относится к разряду таких имплицитных представлений.

Дистальная защита действует за счет поддержания самоуважения и осмысленности (ценности) мировоззрения индивида. Иначе говоря, дистальная защита от мыслей о собственной смертности предполагает идентификацию с более длительными, чем человеческая жизнь и

значительными, по своему содержанию, социальными институтами и идеями. В результате этого перспектива собственной смерти воспринимается индивидом менее драматично.

Более детальный анализ результатов исследования сотрудников исполнительной системы показал, что на понимание и переживание террористической угрозы данной группой респондентов влияет также срок службы и характер профессиональных (должностных) обязанностей. Так для респондентов, срок службы которых в Системе более 5 лет характерен более низкий уровень способности контролировать ситуацию по сравнению с респондентами, отслужившими от 1 до 5 лет ($M = 17,28$ и $M = 18,42$; $p < 0,01$), но более высокий уровень тревожности ($M = 36,45$; $M = 33,85$; $p < 0,01$). Кроме того, сотрудники УФСИН, ежедневно охраняющие заключенных, осужденных по статье «Терроризм» или регулярно выезжающие в горячие точки для охраны блокпостов имеют более низкие показатели переживания террористической угрозы, чем их коллеги, охраняющие другие категории осужденных и не выезжавшие в горячие точки ($M = 45,91$; $M = 47,22$; $p < 0,01$), а также показатель доброжелательности окружающего мира ($M = 32,58$ и $M = 34,37$; $p < 0,05$), но более высокий показатель уровня справедливости, отражающий убеждения индивида, в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости: каждый человек получает то, что заслуживает ($M = 21$; $M = 18,61$; $p < 0,04$).

Анализируя конструкты, наполняющие семантическое поле понимания террористической угрозы сотрудниками УФСИН, можно сказать, что в сознании респондентов, которые регулярно выезжают в рабочие командировки и срок службы которых более 5 лет террористическая угроза – это «преступление», «способ достижения цели», «борьба», «возмездие», «вымещение злобы за угнетение», «способ достижения целей», «угроза общественной безопасности», «война», «мера запугивания мирного населения». Реализуют теракты, по мнению данных респондентов,

«бесчеловечные», «потерявшие надежду», «борцы за идею», «подвергшиеся психологической обработке», которые преследуют религиозные, политические и экономические цели.

Для респондентов, которые не охраняют осужденных террористов и не входят в отряд спецназа, выезжающего на блокпосты, теракт – это «убийство», «горе родственников погибших», «страшная стихия, в которой страдают мирные люди», «то, что многие не понимают или понимают неправильно», «то, что понимают и боятся, но ничего не делают для предотвращения терактов в будущем». Террористы, в большинстве своем, – «психически нездоровые», «подвергшиеся психологической обработке», «нелюди», «которым не хочется жить», «слабые», «чем-то недовольные», «религиозные фанатики», которые действуют из материальных побуждений, либо для «удовлетворения собственных амбиций». Данное содержание понимания ТУ близко к пониманию гражданских респондентов, для которых теракт – «горе», «массовая гибель населения», «разрушение домов», «взрывы самолетов», «смерть», «страх за детей и будущее», «нечто страшное, ужасное, пугающее». Террористы, как правило, «другой веры», «мусульмане», «больные», «не понимающие, что делают», «зомбированные», «психически ненормальные», «необразованные», «жестокие», «с отсутствием моральных принципов» и действуют преимущественно «из-за собственной выгоды», либо, «выполняя чьи-то приказы», «не осознавая, что делают», «думают, что делают добро».

Обсуждение результатов

В сознании большинства опрошенных нами респондентов типичный террорист представляется как (в скобках – частота встречаемости): больной на голову, без разума, лишенный рассудка (58), психически ненормальный, неуравновешенный (125), жестокий (18), не ценящий жизни других людей и свою (24), обиженный (озлобленный) на государство (мир), свою жизнь (18), потерявший надежду, смысл в жизни (26), зомби (8), фанатик (религиозный), управляемый умными людьми (65), нелюдь (22).

Полученные нами данные подтверждаются и зарубежными исследованиями, данная проблема раскрывается в работах Ф. Мохаддама (Moghaddam, 2005). Автор отмечает, что в сознании большинства западных граждан сформированы устойчивые представления о том, что среди террористов отмечается высокий уровень психопатологии или, что террористы появляются из экономически плохих районов или имеют низкий уровень образования. По мнению Ф. Мохаддама (Moghaddam, 2005) данные убеждения ошибочны, большинство террористов обладают высоким уровнем самосознания и реализуют определенные политические взгляды. По словам Хассана (2001), типичный палестинский террорист-самоубийца религиозен, «нормален, вежлив и серьезен». (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006).

В качестве ведущих мотивов совершения террористических актов респонденты нашего исследования выделяют: *политические* – спланированный акт против политики государства и его политического строя (8); *религиозные* убеждения, вера (20); *психологические* – способ запугивания, давления (26), месть (14).

Полученные в ходе проведенного эмпирического исследования результаты позволили нам сформулировать следующие **выводы**:

1. У сотрудников Системы исполнения наказания более высокие показатели переживания угрозы, чем у гражданских испытуемых. Они более склонны к манипуляциям, подозрительности, враждебности, и имеют более низкие показатели осмысленности собственной жизни и её управляемости. Гражданские испытуемые характеризуются более низким уровнем тревожности и более высокой способностью контролировать ситуацию. Понимание террористической угрозы военными направлено на поиск причин и рассмотрение отдельных аспектов терроризма, а у гражданских испытуемых носит скорее эмоционально-оценочный характер и сконцентрировано на последствиях.

2. Понимание и переживание террористической угрозы военными испытуемыми связано со сроком службы и характером профессиональных

(должностных) обязанностей. Сотрудники, срок службы которых в «Системе» свыше 5 лет, имеют более низкие показатели переживания террористической угрозы, более высокий показатель уровня справедливости и низкую способность контролировать ситуацию, понимают террористическую угрозу как способ достижения цели, по сравнению с испытуемыми, отслужившими от 1 до 5 лет и не выезжавшими в горячие точки. Понимание террористической угрозы последними сконцентрировано на эмоционально-иррациональных компонентах. Для них характерны повышенные ожидания относительно повторения терактов в будущем.

3. Понимание психологических свойств личности и мотивов поступков террористов является у испытуемых искаженным, не соответствующим действительности. В основе понимания лежит образ врага – *чужого*, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором.

Список литературы

1. *Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М., 2010.
2. *Знаков В.В.* Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012. №2.
3. *Grimland M., Apter A., Kerkhof A.* The Phenomenon of Suicide Bombing: A Review of Psychological and Nonpsychological Factors // Crisis. 2006. Vol. 27. N 3.
4. *Moghaddam F.M.* The staircase to terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. Vol. 60. N 2.
5. *Post J.M.* When Hatred is Bred in the Bone: Psycho-cultural Foundations of Contemporary Terrorism // Journal of Political Psychology. 2005. Vol. 26. N 4.

THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE MINDS OF MILITARY AND CIVILIANS: UNDERSTANDING THE TERRORIST THREAT AND TERRORISTS

Petrova E.M.
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The necessity of identifying differences in the understanding and experience of the terrorist threat, as well as the perception of the image of a terrorist by military and civilian people, is substantiated, and constructs that fill the semantic field of understanding the terrorist threat by employees of the Federal Penitentiary Service and civilians are analyzed.

Keywords: terrorist threat, enemy image, understanding, experience, military, civilians.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Полякова И.В.

Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ)
(г. Смоленск, Российская Федерация)

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между типами акцентуации характера и интернет-зависимостью подростков. Используются методики «Индивидуально-типологический детский опросник» Л.Н. Собчик, Тест – опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда и Тест интернет-зависимости Кимберли Янг. Выявлены корреляционные взаимосвязи между гипертимным и возбудимым типами акцентуаций и интернет-зависимостью обучающихся.

Ключевые слова: подросток, психологическая безопасность, психологические особенности, акцентуация характера, черта личности, интернет-зависимость.

Введение

Интернет-зависимость считается распространённой проблемой не только в России, но и в ряде других стран [4]. К сожалению, точных данных о количестве людей, страдающих данной проблемой, нет в силу ее распространенности. Понятно, что их много. Много настолько, что игровую зависимость в июне 2018 года Всемирная организация здравоохранения включила ее в МКБ-11.

Под интернет-зависимостью (или интернет-аддикцией) традиционно понимается навязчивое стремление использовать Интернет и избыточное пользование им, заключающееся в том, что пользователь проводит большое количество времени в Сети [5]. Органы, курирующие систему организованного обучения и воспитания, обращают внимание педагогического корпуса на необходимость «...ограничения в образовательных организациях доступа, обучающихся к видам информации, распространяемой посредством сети «Интернет», причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, а также не соответствующей задачам образования» [8, С.1]. Ограничения связаны с необходимостью создания условий психологической безопасности участников учебно-воспитательного процесса.

По данным некоторых исследований, пользователи сети интернет могут иметь склонность к негативизму, напряженность, тревожность,

сложности в интимно-личностном и ином общении, организации и поддержании партнерских отношений в ходе взаимодействия, принятии собственных телесных особенностей, потребностей, также большинство из них имеют хотя бы одну не удовлетворяемую потребность [1; 10].

Актуальность исследования

Формирование зависимости и взаимосвязь с развитием личности в целом связано с совокупностью черт личности, имеет сочетанный характер [9]. Поэтому проблема формирования акцентуаций характера у подростков и их влияние на процессы обучения и воспитания имеет большое значение для переживания ими психологической безопасности и развития их психического здоровья [3; 7]. Установлено, что акцентуации характера подростков могут иметь негативное влияние на жизнедеятельность в целом и особенности адаптации в частности [6].

Взаимосвязь между акцентуациями характера и выраженностью интернет-зависимости может быть различной в зависимости от типа акцентуации и конкретных особенностей ученика [2]. Отмечается, что негативные проявления акцентуаций характера могут оказывать отрицательное влияние на психическое здоровье [11].

Данная проблематика разрабатывалась А. А. Антоненко, Н. В. Богачевой, Н. А. Бородиной, А. Вайнштейном, А. Е. Войскуновским, А. В. Гришиной, К. Г. Гришиной, А. Ю. Егоровым, Н. А. Залыгиной, А. В. Карповым, Т. Г. Киселевой, О. В. Литвиненко, В. Л. Малыгиным и другими учеными. Вместе с тем, результаты, полученные учеными, не являются однозначными в силу, прежде всего, широты данного феномена и требуют дальнейшей работы.

Цель исследования

заключалась в установлении психологических особенности личности подростков, являющихся предикторами интернет-зависимости. В качестве гипотетического было выдвинуто предположение о том, что психологические особенности личности (акцентуации) могут выступать в качестве предикторов формирования интернет-зависимости.

В исследовании приняли участие 22 подростка в возрасте 15-16 лет из которых (7 девочек и 15 мальчиков), обучавшихся в 9 классе МБОУ СШ № 16 в 2022 году.

Методы и методики исследования

В работе были использованы методики «Индивидуально-типологический детский опросник» Л.Н. Собчик, тест – опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда и Тест интернет-зависимости Кимберли Янг (перевод и модификация В.А. Буровой). Выбор первой методики был обусловлен её надежностью, подтвержденной статистической обработкой данных, полученных в результате проведенных исследований по изучению личностных особенностей психически здоровых людей разного пола, возраста и разной профессиональной направленности (свыше 1000 наблюдений), с помощью которой возможно дифференцировать нормальную, уравновешенную личность от акцентуированной и дезадаптивной. Вторая методика относится к числу классических и применяется для выявления типов акцентуированных личностей. Третья методика разработана и апробирована профессором психологии Питсбургского университета Кимберли Янг и также признана в научном сообществе надежной для выявления интренет-зависимости.

Результаты и их обсуждение

В ходе диагностики испытуемых с помощью ИТО было установлено, что акцентуированные черты наблюдаются у большинства испытуемых (17 человек, 77%). «Избыточно» выраженные черты, т.е. черты дезадаптивной личности наблюдаются у 7 испытуемых (32%). У 3 испытуемых (14%) акцентуированные черты не выявлены, у одного испытуемого большинство показателей находятся в низкой степени выраженности: от 0 до 2 баллов.

Таким образом, в результате применения ИТО установлено, что для большей части испытуемых (77%) характерны признаки акцентуации и дезадаптации.

Результаты диагностики типа акцентуации испытуемых по методике Тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда представлены в таблице 12.

Таблица 12. Результаты диагностики типа акцентуации испытуемых по методике Тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда и ИТО

№	Уровень выраженности	Акцентированные типы (% участников)										
		Тест-опросник Шмишека										ИТО
		гипертимный	дистимный	циклотимный	демонстративный	тревожный	возбудимый	педантичный	застравающий	экзальтирован.	эмотивный	
1	Выражен	77	5	50	14	5	55	5	5	68	45	32
2	Средняя степень выраженности	14	18	41	41	10	41	27	72	32	55	77
3	Не выражен	9	77	9	45	85	5	68	23	0	0	1

Как видно из таблицы 12, у 10-ти испытуемых (45%) выявлена акцентуация по гипертимному типу, у 10-ти испытуемых (45%) – уровень выраженности акцентуации по среднему типу, у 2 подростков (10%) гипертимическая акцентуация не выявлена.

Дистимическая акцентуация выявлена у одного испытуемого (5%), у четырех (18%) – средний уровень выраженности и у 17 (77%) – не выявлена.

Циклотимная акцентуация характерна для 11-ти испытуемых (50%), у 9-ти (41%) испытуемых выявлен средний уровень выраженности и у двух (9%) испытуемых эта акцентуация не определена.

Демонстративная акцентуация выявлена у троих испытуемых (14%), у 9-ти (41%) испытуемых выявлен средний уровень выраженности и у десяти (45%) акцентуация отсутствует.

Тревожный тип выявлен у одного испытуемого (5%), у двух испытуемых (10%) выявлен средний уровень выраженности и у 19-ти испытуемых (85%) она не установлена.

Возбудимый (неуправляемый) тип выявлен у 12-ти испытуемых (55%), у 9 (41%) испытуемых выявлен средний уровень выраженности и у одного испытуемого (5%) этот тип не выявлен.

Педантичная акцентуация выявлена у одного испытуемого (5%), шесть подростков (27%) имеют средний уровень выраженности и 15-ть испытуемых (68%) этот тип не имеют.

У одного (5%) испытуемого выявлена акцентуация по застревающему (ригидному) типу, у 16-ти испытуемых (72%) выявлен средний уровень выраженности и у 5-ти испытуемых (23%) эта акцентуация не выявлена.

Экзальтированный тип выявлен у 15-ти (68%), у семи (32%) – испытуемых выявлен средний уровень выраженности.

Эмотивный акцентуированный тип был выявлен у 10-ти испытуемых (45%), у 12-ти (55%) – выявлен средний уровень выраженности.

Полученные результаты позволили установить ранжир частоты встречаемости выраженных акцентуированных типов обучающихся, они были дифференцированы на три группы: наиболее часто встречаемыми оказались: гипертимный (77% испытуемых), экзальтированный (68%) и возбудимый (55%) типы. Вторую, менее выраженную по частоте группу составили: циклотимный (50%) и эмотивный (45%). Наконец, наименее частотными являются: демонстративный (14%), дистимный, тревожный, педантичный и застревающий (по 5% каждый) типы.

Соотнесение полученных результатов диагностики обучающихся с помощью методик ИТО и Тест-опроснику Г. Шмишека, К. Леонгарда позволяют сделать вывод о том, что результаты по количеству выраженности подростков с высоким уровнем выраженности акцентуированных черт личности приблизительно одинаковые: среднее арифметическое по Тест-опроснику и по ИТО – 32,9% и 32% соответственно. Таким образом, более 30% учащихся имеют высокий уровень акцентуированных черт личности. По среднему и низкому/невыраженному уровням совпадения не выявлены: средний уровень – 42,8 и 77% соответственно; низкому уровню: 32,1 и 1 – соответственно.

Результаты диагностики испытуемых по тесту интернет-зависимости Кимберли Янг представлены в таблице 12.

Таблица 12. Результаты диагностики испытуемых по тесту интернет-зависимости

	ФИО	Количество баллов	Интерпретация
1	Б.Д.А	157	Интернет-зависимость.
2	Б.А.М	74	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
3	Г.А.В	72	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
4	Е.А.А.	54	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
5	Е.Н.Р.	76	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
6	З.В.В.	113	Интернет-зависимость.
7	К.А.А.	83	Интернет-зависимость.
8	К.Е.А.	78	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
9	К.А.А.	81	Интернет-зависимость.
10	К.А.Д.	72	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
11	Л.А.А.	128	Интернет-зависимость.
12	М.К.С.	114	Интернет-зависимость.
13	М.Д.Д	91	Интернет-зависимость.
14	Н.В.А.	101	Интернет-зависимость.
15	П.В.С.	120	Интернет-зависимость.
16	П.Н.С.	64	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
17	П.К.А.	83	Интернет-зависимость.
18	П.К.М.	74	Есть некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом.
19	С.Е.А.	80	Интернет-зависимость.
20	Ф.М.П.	111	Интернет-зависимость.
21	Ф.К.Д.	97	Интернет-зависимость.
22	Я.М.Н	81	Интернет-зависимость.

Как видно из таблицы 12, в процессе анализа результатов диагностики обучающихся по Тесту интернет-зависимости было установлено, что в

группе нет обычных пользователей Интернета. У 8-ми учащихся (36%) наблюдаются незначительные проблемы, связанные с увлечением интернет-сетями и у 22 подростков (64%) обнаружена зависимость от интернета.

Взаимосвязь между психологическими особенностями личности и интернет-зависимостью подростков устанавливалась с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Корреляция между типами ИТО и интернет-зависимостью: выявлена прямая средняя связь 0,569 между интроверсией и интернет-зависимостью; с остальными типами акцентуации связь не выявлена (слабая 0-3).

Корреляция между результатами испытуемых по методике Тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда и интернет-зависимостью:

	Гипертимный	Застравао щий	Эмотивный	Педаггич ный	Тревожны й	Циклотим ный	Демонстр ативный	Возбудим ый	Дистимны й	Экзальтир ованный
Интернет-зависимос ть	-0,58858	-0,04103	0,30554	0,270469	0,136023	0,374723	0,079514	0,650654	0,21364	0,089451
Сила связи:				0 – 0,3 – связь отсутствует;			Характер связи:			
				0,3 – 0,5 – связь слабая;			(+) - прямая связь;			
				0,5 – 0,7 – средняя связь;			(-) - обратная связь;			
				0,7 – 0,9 – высокая;						
				0,9 – 1 – очень сильная.						

Рис. 8. Коэффициенты корреляции между типами акцентуаций по Тест-опроснику и шкалой интернет-зависимости

Как видно на рис. 8, в ходе исследования была выявлена прямая (положительная) средняя взаимосвязь между возбудимым типом и интернет-зависимостью (0,65). Имеется обратная (отрицательная) средняя корреляционная зависимость между гипертимным типом акцентуации и интернет-зависимостью (-0,5). Выявлена слабая прямая связь между эмотивным и циклотимным типами и интернет-зависимостью.

Выводы

1. В исследования была установлена статистически значимая связь между гипертимным, возбудимым и интровертированными типами акцентуации и интернет-зависимостью подростков;

2. На формирование кибер-аддикции, в определённой степени влияют следующие личностные особенности: замкнутость, агрессивность,

раздражительность, вспыльчивость, эмоциональная нестабильность, низкий самоконтроль, напряженность, низкая нормативность поведения;

3. Высоко выраженный уровень акцентуированных черт личности характеризует 30% обучающихся-подростков;

4. Наиболее часто встречаемыми акцентуациями характера подростков являются гипертимный, экзальтированный и возбудимый типы;

5. У всех подростков, принимавших участие в исследовании, в той или иной степени была выявлена интернет-зависимость.

Список литературы

1. *Артамонова Е.Г., Бородина А.С., Мелентьева О.С.* Методические рекомендации для несовершеннолетних, родителей (законных представителей) несовершеннолетних, наглядные информационные материалы по безопасному использованию сети «Интернет» в целях предотвращения преступлений, совершаемых с ее использованием, как самими несовершеннолетними, так и в отношении них. Методические рекомендации. М.: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2021. 35 с. URL: https://t1svu.mil.ru/upload/site126/document_file/Metodicheskie_rekomendacii_Minprosvescheniya_Rossii_ot_29.12.2021_bn_Internet_i_deti.pdf (дата обращения: 16.12.2023).
2. *Коваль Т.В.* Личностная сфера подростков, склонных к развитию компьютерной зависимости: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 136 с.
3. *Костарева К.Д.* Особенности взаимосвязи акцентуаций характера и показателей успеваемости и посещаемости старшеклассников // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. 2023. Т. 4. № 3. С. 114-118. https://doi.org/10.54158/27132838_2023_4_3_114 EDN: JULYNE
4. *Котова С.А.* Интернет-зависимость у детей и подростков: риски, диагностика и коррекция. СПб.: ВВМ, 2023. 212 с.
5. *Кочетков Н.В.* Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 27–54. DOI: 10.17759/sps.2020110103
6. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 2020. 304 с.
7. *Моисеева Т. А., Юртаева Ю.О.* Акцентуированные черты // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 161-164. — URL: <https://moluch.ru/archive/242/56019/> (дата обращения: 16.12.2023).
8. Методические рекомендации по ограничению в образовательных организациях доступа обучающихся к видам информации, распространяемой посредством сети «Интернет», причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, а также не соответствующей задачам образования. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. 16.04.2019. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6466/> (дата обращения: 12.12.2023).
9. *Плеханова В.В.* Взаимосвязь акцентуаций и межличностных отношений у студентов // Вестник магистратуры. 2022. № 3-2 (126). С. 73-79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyazaktsentuatsiy-i-mezhlichnostnyh-otnosheniy-u-studentov> EDN: VSTKKG (дата обращения: 11.12.2023).

10. Полякова И.В. Психологические особенности взаимосвязи уровня развития социального интеллекта и психической инфантильности подростков // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2023. №2. С.29-37.
11. Спиркина Т.С. Личностные особенности пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-polzovateley-seti-internet-sklonnyh-k-internet-zavisimosti> (дата обращения: 10.12.2023).

PSYCHOLOGICAL PERSONALITY TRAITS AS PREDICTORS OF INTERNET ADDICTION

Polyakova I.V.
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The article presents the results of a study of the relationship between the types of character accentuation and Internet addiction of adolescents. The methods of the "Individual typological children's questionnaire" by L.N. Sobchik, the Test questionnaire by G. Shmishek, K. Leonhard and the Internet Addiction Test by Kimberly Young were used. The interrelationships between hyperthymic and excitable types of accentuation and Internet addiction of students are revealed.

Keywords: teenager, psychological safety, psychological characteristics, accentuation of character, personality trait, Internet addiction.

СПЕЦИФИКА СТИЛЕЙ ОРИЕНТАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ОБЩЕНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ И МЕДИКОВ

Полякова О.Б.
Центр психологии развития
(г. Москва, Российская Федерация)

Определена специфика стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков, заключающаяся в уровне выше среднего стиля ориентации на людей, средней степени с тенденцией к выше средней степени стиля общения медиков, средней степени владения синергическим коммуникативным стилем, стиля общения практических психологов, стиля ориентации на процесс, показателе ниже среднего стиля ориентации на будущее, перспективу, стиля ориентации на действие. Установлены взаимосвязи между стилями ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков: заметная связь между стилем ориентации на людей и владением синергическим коммуникативным стилем, стилями общения и ориентации на процесс; умеренная связь между владением синергическим коммуникативным стилем и стилями общения и ориентации на процесс; стилем ориентации на людей и стилями ориентации на будущее, перспективу и ориентации на действие; стилем ориентации на процесс и стилем общения; слабая связь между стилем ориентации на будущее, перспективу и владением синергическим коммуникативным стилем, стилями общения и ориентации на процесс; стилем ориентации на действие и владением синергическим коммуникативным стилем, стилями общения, ориентации на будущее, перспективу и ориентации на процесс.

Ключевые слова: общение, стили общения, стили ориентации, профессионально-деятельностное общение, практические психологи, медики.

Введение

Для представителей социномических профессий, в частности практических психологов и медиков, одним из профессионально важных качеств выступает верно выбранный и эффективный стиль общения, под которым понимается достаточно индивидуальная и стабильная форма поведения коммуникации, проявляющаяся в различных (воспитательных, деловых, личных, осуществления принятых решений, психологического воздействия, разрешения деловых и межличностных конфликтов, ролевых, семейных) ситуациях взаимодействия.

Актуальность определения специфики стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков подтверждается исследованиями зарубежных и отечественных медиков и педагогов, психологов и социологов: влияния стилей общения на участников взаимодействия (1); особенностей депрессивности (15), малоадаптивных видов и форм вины (8), межличностного взаимодействия (17), мотивации (20), профиля профессионального кризиса (9), психосоматизации (10), (19) и эмоционального истощения (5); проблематики стилей общения (3); психологических факторов проявления стилей общения (2); самоконтроля в общении (7); специфики асоциального поведения (14), жизнестойкости (11), профессионального выгорания (16), профессионального стресса (4), субъективного благополучия (18) и физиологического стресса (12); структуры профессиональных деформаций (6); физиологических симптомов нервно-психического напряжения (13).

Методика

Цель исследования – определить специфику стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков.

Определение специфики стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков осуществлялось с помощью:

1) опросников: вашего стиля общения (ВСО А), разработчики – сотрудники психологической лаборатории azps.ru, для установления стиля общения (Σ ВСО А), автор модификации интерпретации результатов – О.Б. Полякова (таблица 13); владения синергическим коммуникативным стилем О.Б. Поляковой (ВСКС П) для выявления уровня владения синергическим коммуникативным стилем (Σ ВСКС П); стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении А.В. Морозова (СОПРО М) для диагностики доминирующего стиля ориентации в профессионально-деятельностном общении: стиля ориентации на действие (СОД), стиля ориентации на процесс (СОП), стиля ориентации на людей (СОЛ), стиля ориентации на будущее, перспективу (СОБП), автор модификации интерпретации результатов – О.Б. Полякова (таблица 13);

2) критерия корреляции К. Пирсона и описания связей по шкале Чеддока-Снедекора для определения тесноты (силы) связи корреляции.

Таблица 13 Балльные шкалы уровней стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков

Аббревиатуры опросников и стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении		Уровни стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков				
		низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
ВСО А	Σ ВСО А	20 – 27,44	27,45 – 35,44	35,45 – 44,44	44,45 – 52,44	52,45 – 60
ВСКС П	Σ ВСКС П	0 – 1,44	1,45 – 4,44	4,45 – 6,44	6,45 – 9,44	9,45 – 11
СОПРО М	СОД, СОП, СОЛ, СОБП	0 – 4,44	4,45 – 8,44	8,45 – 12,44	12,45 – 16,44	16,45 – 20

Примечание: ВСО А – ваш стиль общения, разработчики – сотрудники психологической лаборатории azps.ru; Σ ВСО А – общий показатель стиля общения; ВСКС П – владение синергическим коммуникативным стилем О.Б. Поляковой; Σ ВСКС П – общий показатель владения синергическим коммуникативным стилем; СОПРО М – стили ориентации в профессионально-деятельностном общении А.В. Морозова; СОД – стиль ориентации на действие, СОП – стиль ориентации на процесс, СОЛ – стиль ориентации на людей, СОБП – стиль ориентации на будущее, перспективу.

Результаты

В определении специфики стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении приняли участие 118 практических психологов и 118 медиков (средний возраст – 30,1).

Результаты определения специфики стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков показали:

1) *выше среднего уровень стиля ориентации на людей (СОЛ)*, анализа мотивов поступков людей, безконфликтности, вдохновения в благоприятной обстановке, взаимодействия с окружающими, восприимчивости к нуждам окружающих, действенной эмпатии, духа командной работы, заинтересованности в совместной деятельности, конформизма, любви к работе с людьми, обсуждения потребностей окружающих, общительности, организации деятельности окружающих, ориентации на социум, открытого выражения собственных чувств и эмоций, познания других, понимания, предпочтения командной работы, предсказания поведения окружающих, прислушивания к мнению других, рассмотрения чувств и эмоций окружающих, самообучаемости, сопереживания, сотрудничества, способности к оценке климата в группе, стимулирования контактов к продолжению взаимодействия, стремление к пониманию мыслей, поведения и эмоциональных проявлений окружающих и к творчеству, уверенности в себе, чувствительности, эмоциональной отзывчивости (практические психологи (ПП) = 65 чел., 55,09%, 15,35 – среднее арифметическое значение (САЗ); медики (М) = 62 чел., 52,54%, 14,89 САЗ) (таблица 14);

2) *среднюю степень с тенденцией к выше средней степени стиля общения (Σ ВСО А)*, агрессивности, безконфликтности, доброжелательности к критике, жесткости, здорового честолюбия, лояльности к деловой критике, миролюбия, открытости, подавления негативных эмоциональных проявлений, продуманности поступков, решительности, стремления

к дискуссиям, карьерному росту и успеху, уверенности в собственных возможностях и силах, уравновешенности (М = 69 чел., 58,48%, 44,41 САЗ) (таблица 14);

3) *среднюю степень*:

- *владения синергическим коммуникативным стилем* (Σ ВСКС П), активного высказывания собственного мнения, внимательности к окружающим, гармоничности взаимодействия, действенной эмпатии, доброжелательности, искоренения вредных привычек, коммуникативной толерантности, конструктивной критики, корректности высказываний, лояльности к оцениванию, мотивирования окружающих к общению, одобрения новаций и поступков окружающих, открытости радости успехам окружающих, поддержки других, положительной энергии, преобладания интересов дела над личными интересами, самостоятельности, свободного обмена идеями, сдерживания негативных эмоциональных проявлений, соблюдения норм партнерской этики и социальных норм субъектных отношений, сопереживания, сочувствия, способности играть к команде, стимулирования окружающих к взаимодействию, стремления к общему успеху, сглаживанию отрицательных черт характера и совместной деятельности, тактичности оценивания идей, терпимости, уважительного отношения к окружающим, умения вносить собственный вклад в общее дело (ПП = 61 чел., 51,70%, 5,62 САЗ; М = 63 чел., 53,39%, 5,47 САЗ);

- *стиля общения* (Σ ВСО А), агрессивности, безконфликтности, доброжелательности к критике, жесткости, здорового честолюбия, лояльности к деловой критике, миролюбия, открытости, подавления негативных эмоциональных проявлений, продуманности поступков, решительности, стремления к дискуссиям, карьерному росту и успеху, уверенности в собственных возможностях и силах, уравновешенности (ПП = 74 чел., 62,71%, 41,85 САЗ);

- *стиля ориентации на процесс* (СОП), веры в научный подход, восприятия различий в людях и хорошего планирования как ключа к

успеху, доведения дел до конца, многословности, невозмутимости при оказании психологического давления, обращения внимания на детали, опоры на наблюдения и факты, организаторских способностей, ориентированности на последовательность, систематичность, тщательность, понимания помех в работе от выраженных эмоций, применения логических методов, руководства рассудком, систематичности, стремления к анализу принимаемых решений, выполнению любимых дел, кропотливой подготовке работы, обсуждению действий, контролирования, организации, планирования, процессуальных вопросов, фактов, пошаговому выполнению заданий и принятию участия в интересных встречах, убеждения в необходимости проверки новых идей, ухода от одновременного решения нескольких вопросов, честности и эмоциональности (ПП = 60 чел., 50,85%, 11,04 САЗ; М = 63 чел., 53,39%, 11,61 САЗ) (таблица 14);

3) *ниже среднего показатель:*

- *стиля ориентации на будущее, перспективу (СОБП), абстрагирования, внедрения новых идей в социум, игры идеями, интеллектуального стимулирования, интереса к будущему и нововведениям, любви к творческому решению проблем, определения контуров новых проектов, поиска новых возможностей, построения планов на будущее, склонности вдаваться в детали и заканчивать начатые дела, сообразительности, стремления к обсуждению альтернатив, вопросов, концепций, методов, нововведений и планов (ПП = 70 чел., 59,32%, 7,95 САЗ; М = 69 чел., 58,48%, 7,43 САЗ);*

- *стиля ориентации на действие (СОД), внимательности в реакции окружающих на собственное поведение, выполнения нескольких дел одновременно, достижения поставленных целей, импульсивности, опрометчивости в принятии решений, откладывания дел на потом, переключаемости, перескакивания с одного дела на другое, подведения итогов, прагматичности, проволочек, прокрастинации, прямолинейности, раздражительности на необходимость выполнения кропотливой работы и*

подробный анализ, решительности, соревновательности, спокойствия, стремление к выполнению работы в срок и обсуждению вопросов, достижений, опыта, ответственности, поведения, результатов и решений, траты времени в пустую, установления планов и целей, ценности опыта (ПП = 58 чел., 49,16%, 5,66 САЗ; М = 64 чел., 54,24%, 6,07 САЗ) (таблица 14).

Таблица 14 Выраженность уровней стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков

Аббревиатуры опросников и стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении			Уровни стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков										САЗ	У
			низкий		ниже среднего		средний		выше среднего		высокий			
			чел	%	чел	%	чел	%	чел	%	чел	%		
ВСО А	∑ВСО А	ПП	2	1,69	13	11,02	74	62,71	25	21,19	4	3,39	41,85	С
		М	0	0	19	16,10	69	58,48	28	23,73	2	1,69	44,41	С*
ВСКС П	∑ВСКС П	ПП	8	6,78	19	16,10	61	51,70	24	20,34	6	5,08	5,62	С
		М	4	3,39	25	21,19	63	53,39	20	16,95	6	5,08	5,47	С
СОПРО М	СОД	ПП	27	22,88	58	49,16	24	20,34	7	5,93	2	1,69	5,66	НС
		М	23	19,49	64	54,24	17	14,41	8	6,78	6	5,08	6,07	НС
	СОП	ПП	3	2,54	28	23,73	60	50,85	25	21,19	2	1,69	11,04	С
		М	1	0,85	30	25,42	63	53,39	23	19,49	1	0,85	11,61	С
	СОЛ	ПП	3	2,54	10	8,47	22	18,65	65	55,09	18	15,25	15,35	ВС
		М	0	0	5	4,23	29	24,58	62	52,54	22	18,65	14,89	ВС
	СОБП	ПП	21	17,80	70	59,32	19	16,10	7	5,93	1	0,85	7,95	НС
		М	18	15,25	69	58,48	23	19,49	4	3,39	4	3,39	7,43	НС

Примечание: аббревиатуры опросников и стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении смотри в примечании таблицы 13, ПП – практические психологи, М – медики, САЗ – среднее арифметическое значение, У – уровень, Н – низкий, НС – ниже среднего, С – средний, ВС – выше среднего, В – высокий; * – тенденция к выше среднему уровню.

Результаты установления взаимосвязи между стилями ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков показали наличие:

1) *заметной связи между* стилем ориентации на людей и стилем общения (ПП = 0,637; М = 0,692), и владением синергическим коммуникативным стилем (ПП = 0,595; М = 0,602), и стилем ориентации

на процесс ($ПП = 0,568$; $М = 0,575$), то есть чем выше стиль ориентации на людей, тем выше стиль общения, владение синергическим коммуникативным стилем и стилем ориентации на процесс (таблица 15);

2) умеренной связи между:

- владением синергическим коммуникативным стилем и стилем общения ($ПП = 0,472$, $М = 0,475$), и стилем ориентации на процесс ($ПП = 0,369$, $М = 0,405$), то есть чем выше владение синергическим коммуникативным стилем, тем выше стиль общения и стиль ориентации на процесс;

- стилем ориентации на процесс и стилем общения ($ПП = 0,358$, $М = 0,347$), то есть чем выше стиль ориентации на процесс, тем выше стиль общения;

- стилем ориентации на людей и стилем ориентации на действие ($ПП = 0,349$; $М = 0,351$), и стилем ориентации на будущее, перспективу ($ПП = 0,384$; $М = 0,388$), то есть чем выше стиль ориентации на людей, тем выше стиль ориентации на действие и стиль ориентации на будущее, перспективу (таблица 15);

3) слабой связи между:

- стилем ориентации на действие и стилем общения ($ПП = 0,239$; $М = 0,226$), и владением синергическим коммуникативным стилем ($ПП = 0,219$; $М = 0,210$), и стилем ориентации на процесс ($ПП = 0,225$; $М = 0,222$), и стилем ориентации на будущее, перспективу ($ПП = 0,182$; $М = 0,183$), то есть чем выше стиль ориентации на действие, тем выше стиль общения, владение синергическим коммуникативным стилем, стиль ориентации на процесс, стиль ориентации на будущее, перспективу;

- стилем ориентации на будущее, перспективу и стилем общения ($ПП = 0,226$; $М = 0,229$), и владением синергическим коммуникативным стилем ($ПП = 0,215$; $М = 0,223$), и стилем ориентации на процесс ($ПП = 0,221$; $М = 0,217$), то есть чем выше стиль ориентации на будущее, перспективу, тем выше стиль общения, владение синергическим коммуникативным стилем, стиль ориентации на процесс (таблица 15).

Таблица 15. Взаимосвязь стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков

АОСОПДО		ПП						М					
		ВСО А	ВСКС П	СОПРО М				ВСО А	ВСКС П	СОПРО М			
				Σ ВСО А	Σ ВСКС П	СО Д	СО П			СО Л	СОБ П	Σ ВСО А	Σ ВСКС П
ВСО А	Σ ВСО А	1	0,472	0,23 9	0,35 8	0,63 7	0,226	1	0,475	0,22 6	0,34 7	0,69 2	0,229
ВСКС П	Σ ВСКС П	0,472	1	0,21 9	0,36 9	0,59 5	0,215	0,475	1	0,21 0	0,40 5	0,60 2	0,223
СОПРО М	СОД	0,239	0,219	1	0,22 5	0,34 9	0,182	0,226	0,210	1	0,22 2	0,35 1	0,183
	СОП	0,358	0,369	0,22 5	1	0,56 8	0,221	0,347	0,405	0,22 2	1	0,57 5	0,217
	СОЛ	0,637	0,595	0,34 9	0,56 8	1	0,384	0,692	0,602	0,35 1	0,57 5	1	0,388
	СОБП	0,226	0,215	0,18 2	0,22 1	0,38 4	1	0,229	0,223	0,18 3	0,21 7	0,38 8	1

Примечание: АОСОПДО – аббревиатуры опросников и стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении смотри в примечании таблицы 13, ПП – практические психологи, М – медики, $p < 0,01$ – статистическая значимость корреляционной связи.

Обсуждение

Результаты определения специфики стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков коррелируют с психодиагностическими и экспериментальными данными исследований медиков и психологов, педагогов и социологов, направленных:

1) на выявление особенностей депрессивности (15), малоадаптивных видов и форм вины (8), межличностного взаимодействия (17), мотивации (20), профиля профессионального кризиса (9), психосоматизации (10), (19) и эмоционального истощения (5);

2) на изучение специфики асоциального поведения (14), жизнестойкости (11), профессионального выгорания (16), профессионального стресса (4), субъективного благополучия (18) и физиологического стресса (12);

3) на описание психологических факторов проявления стилей общения (2) и физиологических симптомов нервно-психического напряжения (13);

4) на рассмотрение проблематики стилей общения (3) и структуры профессиональных деформаций (6);

5) на установление влияния стилей общения на участников взаимодействия (1) и роли самоконтроля в общении (7).

Выводы и практические рекомендации

Специфика стилей ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков заключается в уровне выше среднего стиля ориентации на людей, средней степени с тенденцией к выше средней степени стиля общения медиков, средней степени владения синергическим коммуникативным стилем, стиля общения практических психологов, стиля ориентации на процесс, показателе ниже среднего стиля ориентации на будущее, перспективу, стиля ориентации на действие.

Установлены взаимосвязи между стилями ориентации в профессионально-деятельностном общении практических психологов и медиков: *заметная связь между* стилем ориентации на людей и стилем общения, владением синергическим коммуникативным стилем, стилем ориентации на процесс; *умеренная связь между* владением синергическим коммуникативным стилем и стилем общения, стилем ориентации на процесс; стилем ориентации на процесс и стилем общения; стилем ориентации на людей и стилем ориентации на действие, стилем ориентации на будущее, перспективу; *слабая связь между* стилем ориентации на действие и стилем общения, владением синергическим коммуникативным стилем, стилем ориентации на процесс, стилем ориентации на будущее, перспективу; стилем ориентации на будущее, перспективу и стилем общения, владением синергическим коммуникативным стилем, стилем ориентации на процесс.

Психопрофилактическая и психокоррекционная работа с практическими психологами и медиками как представителями социномических профессий должна быть направлена:

1) на повышение уровня выраженности стиля ориентации на людей (клиентов, пациентов, коллег), что, в свою очередь, будет способствовать упрочению владения синергическим коммуникативным стилем и стилей общения и ориентации на процесс, то есть на профессиональную деятельность;

2) на обучение владению синергическим коммуникативным стилем, что приведет к эффективности стилей общения, а также ориентации на будущее, действие, людей, перспективу и процесс;

3) на коррекцию стилей ориентации на будущее, действие и перспективу, что приведет к закреплению результативности владения синергическим коммуникативным стилем, а также стилей общения и ориентации на процесс (профессиональную деятельность).

Список литературы

1. *Алексеева А.В., Жабина О.А., Хворова А.Е.* Влияние стилей педагогического общения на развитие личности ребенка // Научные исследования: теория, методика и практика (Чебоксары, 01.02.2019). Чебоксары: Интерактив плюс, 2019. С. 40–43.
2. *Арендачук И.В.* Психологические факторы проявления стилевых особенностей педагогического общения // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. № 3. С. 80–88.
3. *Белик В.В.* Проблематика стилей делового общения на примере представителей разных профессиональных групп // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике (Москва, 08-10.07.2020). М.: Психологический институт Российской академии образования, 2020. С. 145–147.
4. *Бонкало Т.И., Полякова О.Б.* Специфика профессионального стресса медицинских работников в постковидный период // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 31(s2). С. 1197–1201. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1197-1201>
5. *Бонкало Т.И., Полякова О.Б.* Эмоциональное истощение как фактор возникновения и развития невротических состояний медицинских работников // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 28(S2). С. 1208–1214. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1208-1214
6. *Полякова О.Б.* Категория и структура профессиональных деформаций // Национальный психологический журнал. 2014. № 1(13). С. 55–62. DOI: 10.11621/npj.2014.0106
7. *Полякова О.Б.* Самоконтроль в общении как фактор преодоления состояний деперсонализации психологов и педагогов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 133–137.
8. *Полякова О.Б., Бонкало Т.И.* Особенности малоадаптивных форм и видов вины медицинских работников в постковидный период // Здравоохранение

Российской Федерации. 2023. № 67(5). С. 430–435. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-5-430-435

9. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Особенности профиля профессионального кризиса медицинских работников с профессиональными деформациями в условиях пандемии COVID-19 // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2022. № 66(6). С. 521–528. DOI: 10.47470/0044-197X-2022-66-6-521-528
10. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Особенности психосоматизации медицинских работников с профессиональными деформациями // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2020. № 64(5). С. 278–286. DOI: <https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-5-278-286>
11. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Специфика жизнестойкости работников здравоохранения с профессиональными деформациями // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2022. № 66(1). С. 67–75. DOI: 10.46563/0044-197X-2022-66-1-67-75
12. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Специфика физиологического стресса населения, находящегося в самоизоляции из-за пандемии COVID-19 // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2021. № 65(5). С. 432–439. DOI: 10.47470/0044-197X-2021-65-5-432-439
13. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Физиологические симптомы нервно-психического напряжения у медицинских работников с профессиональными деформациями // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2020. № 28(S2). С. 1195–1201. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-s2-1195-1201
14. Bonkalo T.I., Polyakova O.B., Bonkalo S.V., Kolesnik N.T., Sorokoumova E.A. Development of ethnic social identity among the members of ethnic community organizations as the factor of preventing the spread of nationalist in a multicultural society // *Biosci. Biotechnol. Res. Asia*. 2015. No. 12(3). P. 2361–2372. DOI: <http://dx.doi.org/10.13005/bbra/1912>
15. Elshansky S.P., Anufriev A.F., Polyakova O.B., Semenov D.V. Positive personal qualities and depression // *Prensa Medica Argentina*. 2018. No. 104(6). P. 1000322. DOI: <https://doi.org/10.41720032-745X.1000322>
16. Jafar Zade D.A., Senkevich L.V., Polyakova O.B., Basimov M.M., Strelkov V.I., Tarasov M.V. Features of professional deformation (burnout) of medical workers depending on working conditions // *Prensa Medica Argentina*. 2019. No. 105(1). P. 1000334. DOI: <https://doi.org/10.41720032-745X.1000334>
17. Mironova O.I., Polyakova O.B., Ushkov F.I. Psychological health of leaders with professional burnout in compelled contacts // *International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences. The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS. Irkutsk*, 2018. P. 801–807. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.12.99>
18. Polyakova O.B., Petrova E.A., Mironova O.I. Features of subjective well-being of leaders with professional deformations (burnout) // *International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences. The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS. Irkutsk*, 2018. P. 958–965. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.12.117>
19. Polyakova O.B., Petrova E.A., Mironova O.I., Semenov D.V. Specificity of psychosomatization of psychologist-leaders with professional deformations (burnout) // *Prensa Medica Argentina*. 2019. No. 105(1). P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.41720032-745X.1000326>

20. Sokolovskaya I.E., Polyakova O.B., Romanova A.V., Belyakova N.V., Tereshchuk K.S. Educational and professional motivation of students with various religious // European Journal of Science and Theology. 2020. No. 16(4). P. 169–180.

SPECIFICITY OF STYLES ORIENTATION IN PROFESSIONAL-ACTIVITY COMMUNICATION OF PRACTICAL PSYCHOLOGISTS AND DOCTORS

Polyakova O.B.
Center for Developmental Psychology
Moscow, Russia

The specificity of styles orientation in professional-activity communication of practical psychologists and doctors is determined, which consists of an above-average level of people-oriented style, an average degree with a tendency to an above-average degree of communication style of physicians, an average degree of proficiency in a synergistic communicative style, a communication style of practical psychologists, a style of orientation to process, indicator below the average style of orientation to the future, perspective, style of orientation to action. The relationships between orientation styles in the professional-activity communication of practical psychologists and doctors have been established: a noticeable connection between the people-oriented style and the possession of a synergistic communicative style, communication styles and process orientation; moderate relationship between mastery of synergistic communication style and communication and process orientation styles; style of people orientation and styles of future orientation, perspective and action orientation; process-oriented style and communication style; weak connection between the style of orientation to the future, perspective and mastery of the synergistic communication style, communication styles and process orientation; action-oriented style and mastery of synergistic communication style, communication styles, future orientation, perspective and process orientation.

Keywords: communication, communication styles, styles orientation, professional and activity communication, practical psychologists, doctors.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Полянский А.И.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы», Москва, Россия
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», Москва, Россия.
Центр «Высшая школа педагогического мастерства».

Быковская Л.И.
АНО ВО Московский гуманитарный университет, Москва, Россия.
Факультет «Рекламы, журналистики, психологи и искусства», кафедра
«Общей, социальной психологии и истории психологии».
БФ «Твоя Территория», Санкт-Петербург, Россия.

Статья содержит краткий анализ феномена информационного противостояния и дает пояснение роли информации в воздействии на сознание человека в современном обществе. Представлен обзор и даны определения ряду

связанных терминов, таких, как «информация», «информационная война», а также понятия сознания человека и сознания масс. Рассмотрен исторический аспект возникновения информационного противостояния.

Ключевые слова: информация, информационные войны, СМИ, сознание, общество.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Современное общество 21-го века невозможно представить без огромного количества потоков информации, которыми постоянно окружен наш современник, в особенности житель мегаполиса и не только. Непрерывные процессы глобализации и информатизации затрагивают практически все грани жизни каждого члена общества, начиная от малоосознаваемых бытовых и повседневных ее аспектов и заканчивая политическими, экономическими и прочими социальными сферами. Подтверждение этому можно найти и в научном знании, например, в возрастающем употреблении относительно новых терминов, например, «информационная война», «информационно-психологическая война», «информационное противостояние» и многие другие. С целью пояснения и упорядочивания этих понятий авторы и составили данную работу, в дальнейших абзацах которой они намерены дать более подробные определения и анализ упомянутых терминов, а пока лишь констатируют неоспоримое воздействие средств массовой информации на человека, его поведение, принятие им как важных, так и не очень значительных решений, иными словами, на его поведение и сознание. Именно тему этого влияния и его особенности авторы и собираются более детально раскрыть, видя именно в этом цель настоящей статьи.

Таким образом, можно с уверенностью заявить, что и в наше время остаются и, возможно, становятся все более и более актуальными слова небезызвестного Н.М. Ротшильда, который утверждал: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Каким же образом это происходит? Попробуем найти ответ на этот вопрос, прибегнув к помощи накопленных наукой, психологической и смежными научными отраслями, знаний о рассматриваемых явлениях.

ЧТО ТАКОЕ ИНФОРМАЦИЯ?

Прежде всего, определимся с пониманием того, что именно представляет собой термин «информация». Согласно данным новейшего философского словаря, в настоящий момент в научном мире отсутствует единая трактовка данного термина, который можно назвать одним из наиболее общих и многозначных. Тем не менее, чаще всего под словом «информация», берущего свое начало от латинского корня *informatio*, т.е., *разъяснение, изложение, осведомленность*, подразумевают какие-либо сведения, совокупность неких данных, знаний [Новейший философский словарь, с. 274]. И, если с различного рода информацией человечество сталкивалось как минимум со времен Древнего Рима, то феномены информационных войн и информационного противостояния появились значительно позже – это одни из ярчайших характеристик наших дней. Их появлению, согласно мнению Бураевой Л.А., способствовало, прежде всего, объединение информации и новейших информационных технологий, позволивших запустить процессы информатизации во всех основополагающих сферах жизнедеятельности мировых держав [Бураева, Электронный ресурс]. При этом автор отмечает, что сам прием использования информации в военных и политических целях не является новым и был использован величайшими правителями прошлого, к числу которых можно отнести Александра Македонского, Чингисхана, Цезаря. Первоначально методами информационных войн минувших эпох выступали:

- донесение неверной информации до неприятеля (дезинформация);
- оказание психологического давления;
- воздействие при помощи страха (устрашение).

В настоящее же время на основе перечисленных способов воздействия и при участии новейших информационных разработок, а также специалистов служб специального назначения были созданы такие методы, как дискредитация государства-оппонента, его компрометация, работа

специальных агентов по дезинформации. Опираясь на эти факты, многие ученые, в том числе и Л.А. Бураева, считают противоборство информационно-психологического характера важнейшим орудием в политической деятельности мировых держав [там же]. Иными словами, в наши дни информационная война приобрела оттенок постоянства и непрерывности.

Убедившись в значительности феномена информационной войны, попробуем дать ему более четкое определение. Итак, непосредственно война как явление в социальной и политической жизни общества существует, разумеется, с давних пор, не утратив, к сожалению, своей актуальности и в наши дни. Имея в виду под термином «война» насилие организованного характера с применением оружия, К. фон Клаузевиц пишет: «...война – есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [Клаузевиц, 2002, с. 11]. Между тем не нова идея о выигрыше в войне с как можно более незначительными последствиями, и эту мысль можно проследить, например, в высказывании древнекитайского мыслителя Сунь-цзы, утверждавшего следующее: «Сто раз сразиться и сто раз победить не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего это победить чужую армию, не сражаясь» [Сунь-цзы, 200, с. 82]. Таким образом, можно сказать, что желание победить в войне с наименьшими затратами стало одной из предпосылок к возникновению нового вида войны, несвязанной напрямую с боевыми действиями, а именно – информационной.

Непосредственно само словосочетание «*информационная война*» (англ. *information warfare*) впервые был зафиксирован в 1976 году благодаря Т. Рону [Rona, 1976], который декларировал эффективность и пользу от воздействия при помощи информации и в то же время возможное разрушительное влияние информации. Данные тезисы были изложены им в документе под названием «Системы оружия и информационная война», адресованным компании «Боинг» [Штофер Л.Л., Электронный ресурс].

Годом приобретения термином официального статуса считается 1992-й год, когда оно нашло применение в Министерстве обороны США. В широком смысле понятие *strategic information warfare*, обозначающее информационную войну в связи с политикой государств и военными действиями, берет свое начало в 1996 году [Ватрушкин, 2010, с. 193]. Интересен также и тот факт, что, переключившись из США в Россию, термин информационно-психологической войны («*information and psychological warfare*») может переводиться еще как «*информационное противостояние*», выбор нужного перевода обусловлен контекстом применения термина, как сообщают исследователи [Вирен, 2013].

Основополагающая форма осуществления современной войны информационного характера представлена воплощением в реальность информационно-психологических операций, для проведения которых оказывается воздействие информационного толка на сознание (как масс, так и отдельной личности), а также психические характеристики воли, чувств людей, намеренно вводимых в заблуждение противником [Уткин, 2000, с. 38-54].

Также в современной научной литературе можно встретить словосочетание «*информационное оружие*», подразумевающее под собой разнообразные атаки государств друг на друга с использованием новейших информационных технологий.

К наиболее широко представленным подобным атакам необходимо отнести такие виды информационного оружия, как средства хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства нарушения работы компьютерной техники.

Помимо этого, в настоящее время существуют такие атаки информационного рода, как.

1. *Компьютерные вирусы*, способные вывести из строя важное информационное оборудование на государственном уровне.

2. Специально внедряемые в центры информации и управления инфраструктуры страны программы, используемые в дальнейшем неприятелем в своих целях и именуемые *логическими бомбами*.
3. *Искажение* и/или *подача заведомо ложной информации* на уровне государственного управления в военной, социальной, экономической сферах.
4. Разнообразные *ошибки* в компьютерных программах государственного значения [Левин, 2017].

Как утверждает Г.Г. Почепцов, опасность и вред подобного информационного оружия заключается в возможности выбора условий его применения, а также в характеристиках универсальности и разнообразия форм оказываемого влияния [Почепцов, 2000, с. 150].

Таким образом, мы можем убедиться в масштабах проявлений и возможных последствий оружия в виде информационных технологий, что делает их настолько важной и неотъемлемой частью нашей жизни. Именно поэтому авторы статьи считают, что рассматриваемый вопрос требует к себе пристального внимания и детального изучения. С этими целями попробуем разобраться, какое именно воздействие информация оказывает непосредственно на сознание человека, однако, на наш взгляд, прежде, чем дать ответ на этот вопрос, необходимо кратко охарактеризовать феномен сознания.

КАК РАБОТАЕТ СОЗНАНИЕ?

Вопрос сознания поднимался учеными и великими мыслителями давно, не только в рамках психологической науки, но также в философском ключе. Так, начало серьезного исследования сознания как научного феномена было положено такими знаменитыми философами, как Г. Г. Шпет, Ф. Brentano, Э. Гуссерль. В рамках психологической науки внимание вопросу о сознании уделяли многие ученые, как отечественные, так и зарубежные, представители разнообразных психологических школ. К их числу следует отнести У. Джемса, Дж. Уотсона, Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Р. Лурию и др. И

у каждого из них был свой взгляд на феномен человеческого сознания. Например, Л.С. Рубинштейн считал сознание неразрывным единством между знаниями индивида и его переживаниями: по его мнению, сознание личности всегда находится в тесной связи с трансформирующимися переживаниями, зачастую не до конца осознаваемыми самой личностью. При этом первостепенное значение для осознания личностью своего переживания имеет соотношение его этого переживания с окружающим миром, т. е., для развития сознания, по Рубинштейну, необходима связь с внешними условиями [Рубинштейн, 1946, с. 22].

Обратимся теперь к определению *сознания* (англ. *consciousness*), которое дает В. П. Зинченко в психологическом словаре: вслед за другими авторами, он рассматривает сознание как форму отражения психикой и воспроизведения ею окружающей действительности [Большой психологический словарь, 2009, с. 625-627]. В широком смысле сознание в контексте психологического знания трактуется как внутренняя часть личности, а также средство ее самоконтроля, владения собой и контроля своей деятельности; вместе с тем именно сознание помогает личности в обретении представлений о своих целях, ценностях и оценки себя [там же]. Подытоживая приведенные нами, далеко не полные, однако, на наш взгляд, базовые определения сути феномена человеческого сознания, можем констатировать следующее: сознание выполняет важнейшие функции для человека и имеет теснейшую связь не только с его внутренним миром, но и с той действительностью, которая его окружает, отражая ее и, тем самым помогая личности адаптироваться к ней.

В связи с этим мы считаем также необходимым упомянуть не только об индивидуальном, но и о массовом сознании. Массовое сознание представляет собой отдельный уровень и подвид сознания, становление которого происходит в контексте конкретного общества и на развитие которого влияет совокупность различных факторов (упрощенность или сложность, динамичность, неоднородность, эмоциональный фактор и т.д.).

Как указывает, контроль над массовым сознанием принадлежит средствам массовой информации, таким, как пресса, радио и телевидение, к которым с недавних пор присоединились Интернет и новейшие информационные технологии [Созаева, 2022, с. 500]. Каким же образом происходит этот контроль? Раскроем этот аспект подробнее в следующем разделе.

КАК ИНФОРМАЦИЯ ВЛИЯЕТ НА НАС

Ряд исследователей отмечает, что современная форма противостояния между странами, а именно, информационная война, в силу своей новизны пока не является в достаточной мере изученным феноменом нашего времени. Пока ученые из разных стран только предпринимают попытки более структурированного и детального исследования данного феномена, вследствие чего на сегодняшний день существует целый ряд подходов к изучению и трактовке информационных войн. Среди таких подходов можно перечислить:

- ✓ геополитический;
- ✓ психологический;
- ✓ социально-коммуникативный;
- ✓ конфликтологический.

Поскольку в рамках данной работы, нас интересует прежде всего влияние информации на сознание, то остановимся подробнее на двух из перечисленных подходов – психологическом и социально-коммуникативном как его подвиде.

Последователи психологического подхода подразумевают под термином «информационная война» возможность оказания скрытого, непрямого воздействия на сознание, причем на различных его уровнях, таких, как индивидуальное, групповое и массовое сознание. Как считают некоторые исследователи, например, В.А. Лисичкин, подобное воздействие имеет своей целью управление и контроль теми процессами, которые обычно скрыты от осознания людьми (социально-культурные, интеллектуальные и психологические). Отличительными чертами данных

манипуляций являются осуществление как в военное, так и в мирное время, как среди военных групп, так и среди гражданского населения, в различных сферах жизни [Лисичкин]. Иными словами, манипуляции с информацией, согласно данному подходу, охватывают все сферы жизни общества.

Что же происходит при воздействии информации на сознание? Ответ на этот вопрос можно найти в точке зрения, изложенной в работе Колесова В.И. и соавторов: способность личности к пониманию происходящего вокруг, т.е., субъективному отражению объективной реальности, может приводить к искаженному восприятию информации в зависимости от совпадения или противоречия сложившейся в сознании данного человека картины мира. Следствием этого становится разделение источников СМИ на «правильные» (подкрепляют имеющееся у личности мировосприятие) и, напротив, «неверные» (противоречат картине мира личности) [Колесов и соавторы, 2019, с. 21]. Таким образом, знание и понимание установок, ценностей и мировоззрения в целом личности позволяет преподносить ей информацию определенным образом с целью оказать влияние на ее сознание.

Отдельным направлением в контексте психологического направления изучения информационных войн, как мы упоминали выше, является социально-коммуникативный подход. Согласно точке зрения его сторонников, например, Д.А. Швеца, все действия, направленные против оппонента в рамках информационного противостояния представляют собой *коммуникативную технологию*, которой, в конечном счете, и является сама информационная война. Целью каждой стороны при этом является достижение и удержание лидирующих позиций по владению информацией, а также их защита от посягательств соперника [Швец, 2003, с. 48-53].

Концепция, выдвинутая Г. Почепцовым, выступает своеобразным общим элементом двух описанных нами подходов и подразумевает под информационным противоборством «коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с кратковременными и

долговременными целями» (Почепцов, 2000, с. 20). При этом, как утверждает автор, действия, проводимые соперниками (в масштабе целых государств либо отдельных групп и сообществ – компаний, коллективов и пр.) в информационном пространстве друг друга, не являются законными.

Описать главную идею, объединяющую оба этих подхода к понятию информационной войны, можно при помощи следующего высказывания, принадлежащего В. Прокофьеву: «Информационная война – это широкомасштабная информационная борьба с применением способов и средств информационного воздействия на психику людей, в первую очередь на их индивидуальное и общественное сознание, а также на функционирование технических средств в интересах достижения целей воздействующей стороны» [Прокофьев, 2003, с. 27].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги обзора такого непростого и динамичного явления в современном мире, как информационная война или информационное противостояние, можем сказать следующее: т. к. рассматриваемое явление возникло не так давно (в конце 20-го столетия) и еще недостаточно изучено, то можно предположить, что в будущем его актуальность только возрастет и потребует более тщательного и пристального исследования со стороны ученых в разных областях науки, в том числе, и психологии. В связи с этим Л.Л. Штофер считает, что несмотря на свою новизну, война остается войной, а ее субъектом державы и государства, следовательно, информационному противоборству будут присущи черты классической войны, такие, как целенаправленность действий по уничтожению противника, наступлению и обороне [Штофер, Электронный ресурс].

По мнению же В.Г. Пичугина и Л.А. Годуновой, для информационной войны будущего характерны такие черты, как мировая глобализация, сводящая на нет границы между странами; создание единого и независимого от конкретных наций и их особенностей киберпространства; воздействие через вновь пришедшее поколение людей и его социализацию и адаптацию в

обществе. Помимо этого, авторы предполагают, что все большее значение в ходе информационного противостояния будущего приобретут зависимости, через которые возможно осуществление управления людьми и подрыва жизни государств. В этом ракурсе в качестве инструментов и методов информационного воздействия можно выделить явления агрессивно настроенных субкультур, создание изолированной от окружающего мира субъективной действительности и т.д. [Пичугин, Годунова, 2021, с. 13]. Другие авторы, среди которых С.В. Володенков, относят к особенностям информационных противоборств грядущих десятилетий также воздействие в большей степени на индивидуальное сознание личности (группу индивидуальных сознаний), нежели на сознание масс [Володенков, 2018, с. 1]. Иными словами, управление массовым сознанием становится более персонализированным и направленным на каждого отдельного члена общества, в противоположность воздействию на безликую толпу.

Учитывая все вышесказанное, мы можем констатировать наличие множества вопросов относительно феномена информационных войн и их влияния как на сознание личности, так и на сознание общества. И тот факт, что ответы на эти вопросы только предстоит найти и аргументировать, лишний раз доказывает актуальность, значительность и многогранность данного явления.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
2. **Бураева Л.А.** Информационное противостояние как способ ведения информационных войн // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №3. Электронная библиотека КиберЛенинка [Электонный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-protivostoyanie-kak-sposob-vedeniya-informatsionnyh-voyn> (дата обращения: 23.01.2023).
3. **Ватрушкин А.А.** Проблемы информационно-психологической безопасности в современном мире // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 11. С. 193-197.
4. **Вирен Г.** Современные медиа: Приемы информационных войн. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 126 с.
5. **Володенков С.В.** Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. – 2018. – № 3. – С. 1-8.

6. *Клаузевиц К.* фон. О войне: в 2 т. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2002. – Т. 1. – 558.
7. *Колесов В.И., Смолонская А.Н., Смолонский С.И.* | Влияние сознания на понимание и познание действительности человеком в современном социуме // Проблемы современного образования. – 2019. – №1. – С. 17-22.
8. *Левин А. В.* Особенности и виды информационных войн // Проблемы Науки. – 2017. – №32 (114). Электронная библиотека КиберЛенинка [Электонный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-vidy-informatsionnyh-voyn> (дата обращения: 25.01.2023).
9. *Лисичкин В.А., Шелетин Л.А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М.: Академия социальных наук, 2000. – 304 с.
10. Новейший философский словарь // А. А. Грицанов. — Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
11. *Пичугин В. Г., Годунова Л. А.* Концепция информационной войны будущего // Известия ТулГУ. – Гуманитарные науки. – 2021. – №3. – С. 3-15.
12. *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. – М.: «Рефа-бук», 2001. – 576 с.
13. *Прокофьев В.Ф.* Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. – М.: СИНТЕГ, 2003. – 395 с.
14. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб: Издательство: «Питер», 2002. – 720 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
15. *Созаева А. С.* Манипулирование массовым сознанием в условиях современной цифровизации и развития информационных технологий . Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация. / Материалы XVIII Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. // А.В. Семёнов, П.Н. Кравченко. В 2-х томах. – Том 1. – Москва, издательство: Московский Университет им. С. Ю. Витте. – С. 500-508.
16. *Сунь-цзы.* Трактат о военном искусстве // Искусство стратегии. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. – 528 с.
17. *Уткин А. И.* Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // «Полис» («Политические исследования»). – 2000. – № 1. – С. 38-54.
18. *Швец Д. А.* Информационное управление как технология обеспечения информационной безопасности // Массовая коммуникация и массовое сознание. – М., 2003. – С. 43-58.
19. *Штофер Л. Л.* Информационная война как радикальная форма // Гуманитарий Юга России. – 2018. – №4. Электронная библиотека КиберЛенинка [Электонный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-kak-radikalnaya-forma> (дата обращения: 24.01.2023).
20. *Rona T.* Weapon Systems and Information War. Seattle, WA : Boeing Aerospace Co., 1976. 176 p.

THE INFLUENCE OF INFORMATION ON HUMAN CONSCIOUSNESS IN THE MODERN WORLD

Polyansky A.I.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration", Moscow, Russia

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian University of Transport", Moscow, Russia

Center "Higher School of Pedagogical Excellence"

Bykovskaya L.I.
ANO VO Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia
Faculty of Advertising, Journalism, Psychology and Art, Department of General, Social
Psychology and History of Psychology
CF "Your Territory", St. Petersburg, Russia

The article contains a brief analysis of the phenomenon of information confrontation and provides an explanation of the role of information in influencing human consciousness in modern society. An overview is presented and definitions are given to a number of related terms, such as "information", "information warfare", as well as the concepts of human consciousness and mass consciousness. The historical aspect of the emergence of information confrontation is considered.

Purpose: theoretical analysis of the features of the influence of information on human consciousness.

Keywords: information, information warfare, mass media, consciousness, society.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ РЕШЕНИИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Родина О.Н.
МГУ им. М.В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)

Прудков П.Н.
ООО «Экомон»
(г. Москва, Российская Федерация)

В соответствии с современными концепциями процесс мышления может осуществляться с помощью сети, состоящей из сходных, но не идентичных элементов, которые работают параллельно. Мы предположили, что при решении мыслительных задач также имеют место параллельные процессы. Испытуемым предлагалась авторская анкета на появление новых мыслей и задания на мышление. Из десяти возможных корреляций между ответами на анкету и результатами решения мыслительных задач оказались значимыми и положительными. Это подтверждает наличие параллельных процессов при решении мыслительных задач.

Ключевые слова: мышление, параллельность, интеллект, сеть, нейроподобный элемент.

Введение

Представление о характере протекания мыслительной деятельности является необходимой предпосылкой для формирования содержания образовательного процесса, адекватного индивидуальным особенностям обучающихся.

Процесс решения мыслительных задач субъективен, но имеет общую для всех людей структуру. Она включает некоторое исходное представление

о ситуации, которое посредством ряда мыслительных операций сменяется другим представлением, которое в свою очередь сменяется в результате новых операций на следующее представление. Так происходит до тех пор, пока новое представление не окажется соответствующим цели, что будет означать, что решение найдено. Процесс решения мыслительных задач, таким образом, обычно представляется последовательным, где каждое промежуточное представление является предпосылкой для следующего.

Вместе с тем, очевидно, что психические процессы, как правило, осуществляются параллельно. Например, с помощью органов чувств человек получает информацию о разных свойствах объектов одновременно, а возникающие при этом эмоции могут быть или не быть связанными с восприятием этих объектов. В этом случае психические процессы могут осуществляться параллельно, поскольку они реализуются с помощью разных систем, которые могут работать независимо. Возникает вопрос о возможности параллельного функционирования процессов в пределах одной системы, которая состоит из похожих, но не одинаковых элементов.

Интересно, что в некоторых теориях мышления процесс решения задач описывается как результат функционирования сети, которая состоит из сходных элементов, имитирующих функционирование нейронов головного мозга. Переработка информации такими элементами осуществляется параллельно [10; 11]. В соответствии с такой концепцией результатом мыслительного процесса будет достижение элементами сети определенного состояния, что проявляется в осознании представления или действия. Модели, основанные на использовании представления о сети из нейроноподобных элементов, не отражают возможные психические процессы во всей полноте, однако они полезны, поскольку могут становиться эвристической основой для новых концепций мышления.

Как и в мозгу, в сетях из нейроноподобных элементов каждый элемент может быть связан с несколькими другими, но не со всеми элементами сети. Это означает, что информация обрабатывается разными элементами

параллельно, но по-разному. При таком способе обработки логично предположить возможность возникновения ситуации, когда результат активности одной группы элементов достигает порога осознания, а вслед за этим и независимо осознается результат активности другой группы. Это может переживаться как внезапное появление новой идеи, связанной с текущим мыслительным процессом, но существенно различающейся с той идеей, которая до этого момента находилась в фокусе сознания.

Если решение задач действительно происходит с участием мыслительных процессов, являющихся параллельными, ясно, что их исследование является сложной проблемой, поскольку механизм их образования не осознается и не может сознательно контролироваться. Можно предположить, однако, существование индивидуальных различий в генерации параллельных процессов в мышлении по аналогии с индивидуальными различиями, имеющимися в проявлении любых психических функций. Тогда неожиданные, но связанные с решением конкретной задачи, мысли будут приходить в голову одним людям чаще, чем другим. Если разработать анкету, включающую утверждения, которые описывают ситуации, когда неожиданные, но связанные с конкретной мыслительной задачей идеи приходят в голову и попросить испытуемого прошкалировать частоту возникновения таких ситуаций, то полученные оценки будут, вероятно, отражать способность этого человека к параллельным процессам в мышлении.

Очевидно, что при более выраженной способности к параллельным процессам, люди будут генерировать больше идей, связанных с решением задачи, и эти идеи окажутся более разнообразными. По-видимому, они будут более успешными в решении задач, но затратят на них больше времени.

Существование положительных корреляций между ответами по анкете на появление новых мыслей и временем, затраченным на решение задачи, а также с успешностью в ее решении говорило бы о наличии параллельных

процессов при решении данной мыслительной задачи. В данном исследовании проверялась гипотеза о наличии таких корреляций.

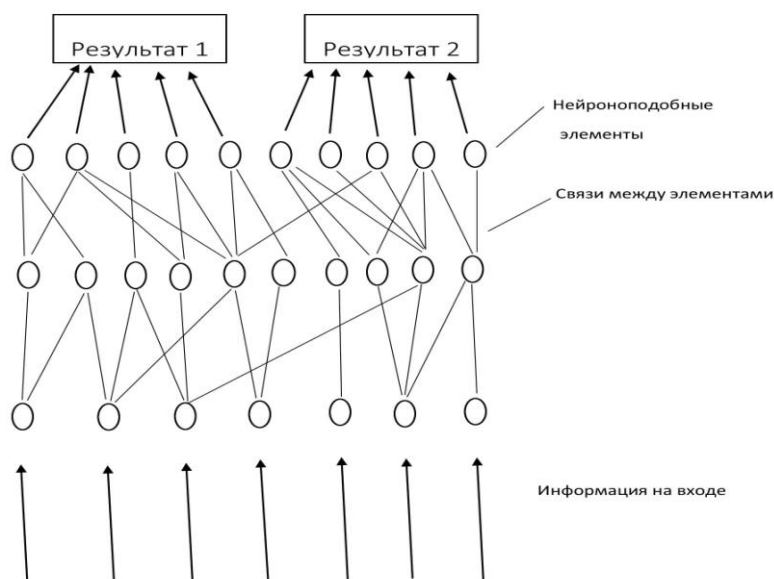

Рис. 9. Схема сети, состоящей из нейроподобных элементов

Если параллельная переработка информации действительно происходит при решении мыслительных задач, важным является вопрос о ее связи с другими механизмами, влияющими на ход мыслительного процесса. Поскольку известно, что время простой реакции коррелирует с уровнем интеллекта [3], мы решили исследовать корреляцию выраженности способности к появлению новых мыслей по результатам анкеты с параметрами, связанными со временем простой реакции.

Методика

Испытуемые

В исследовании принимали участие 475 человек (285 женщин, 190 мужчин) в возрасте от 13 до 64 лет ($M = 27,83$; $SD = 9,17$). Все испытуемые были найдены на сайте Advego.com, объединяющем фрилансеров.

Материалы

Для изучения возможности возникновения новых, но связанных с задачей мыслей, была разработана следующая анкета (далее анкета на появление новых мыслей или АПНМ):

1. Если я нашел способ решить проблему, задачу, то вряд ли еще какие-то способы придут мне в голову сами по себе (обратное утверждение).

2. Думаю, что мне чаще, чем другим людям, приходят в голову сами по себе способы решения какой-то проблемы, задачи.

3. Бывает, что уже после того, как я добился результата в решении проблемы или задачи, мне приходят в голову новые способы, как можно было решать.

4. Бывает, что даже тогда, когда я не думаю об этом, мне приходят в голову новые способы того, как решать проблемы или задачи.

5. Иногда я откладываю окончательное решение проблемы, задачи потому, что другие способы ее решения еще могут прийти мне в голову

6. Иногда, почти одновременно мне в голову приходят несколько способов решить проблему, задачу.

7. У меня редко бывает, чтобы новые способы решения проблемы, задачи внезапно приходили на ум (обратное утверждение).

8. Бывает, что если я долго думаю над какой-то проблемой, задачей, то потом разные способы, как ее решить, сами приходят на ум.

9. Бывает, что способ решения проблемы, задачи приходит мне в голову в самое неожиданное время и в неожиданных местах: во сне, при пробуждении, на прогулке и т.д.

Содержание анкеты может вызвать предположение, что она направлена на исследование инсайта (внезапно возникающего решения мыслительной задачи). В самом деле, поскольку человек не осознает процесса, в результате которого возникает инсайт, можно считать, что он является следствием некоторого мыслительного процесса, параллельного основному процессу мышления. Однако исследователи инсайта [12] считают его относительно редким явлением, мы же считаем, что параллельная обработка информации всегда присутствует в мышлении. Соответственно, утверждения анкеты касаются только частоты появления новых и неожиданных идей, связанных с решением задачи; они не описывают

ситуации, в которых эти идеи возникают, не оценивают их пользу для поиска решения, не характеризуют эмоции человека, сопровождающие их появление. В данной статье мы не исследуем связь между параллельной обработкой информации и инсайтом.

Инструкция испытуемым: «Пожалуйста, укажите для каждого приведенного ниже утверждения степень, в которой оно Вас характеризует».

Испытуемые оценивали утверждения анкеты по шкале от 1 до 5, где.

1 – Абсолютно не характеризует (вообще не похоже на меня),

2 – Отчасти не характеризует

3 – Неопределенно

4 – Отчасти характеризует

5 – Абсолютно характеризует (очень похоже на меня)

Мы не считаем наш список из девяти утверждений полномасштабным опросником, полагая, что условием разработки опросника, описывающего некоторое психологическое явление, должна быть доказанность его существования. Цель данной работы состояла лишь в проверке существования параллельной обработки информации при решении мыслительных задач. Поэтому разработанный нами список утверждений является анкетой, и из методов, используемых при разработке опросников, мы использовали только вычисления коэффициента надежности (Альфа-Кронбаха). Мы предполагали, что если этот коэффициент окажется высоким, то сумму баллов по всем утверждениям можно будет считать показателем, отражающим легкость появления новых, неожиданных идей, связанных с решением задачи.

Для изучения корреляций между ответами на АПНМ и результатами мыслительной деятельности были использованы четыре задания.

Тест когнитивной рефлексии (ТКР), состоит из нескольких арифметических задач. Эти задачи имеют очевидное, но неверное решение, от которого нужно отвлечься, чтобы прийти к верному. Мы использовали

русскоязычную версию [2] варианта ТКР, состоящего из семи задач (Toplak, West, Stanovich, 2014).

Другим заданием были семь задач на продолжение числовых рядов, заимствованных из теста на интеллект Айзенка [1]. Среди этих задач была, например, такая:

7 13 24 45? Правильный ответ: 86

Для всех этих заданий характерна их относительная сложность, которая может провоцировать появление разных идей решения. По нашему мнению, показатель по АПНМ отражает бессознательные автоматические процессы, однако, возможно, что он описывает выраженность осознания собственных мыслей и использования данной информации в процессе поиска решения, т.е. насколько человек использует метакогнитивные стратегии [6].

В самом деле, можно предположить, что некоторые люди лучше наблюдают за ходом своего мыслительного процесса и осознанно откладывают принятие решения, в ожидании новых идей, которые могут прийти им в голову. Другие люди так не делают. В этом случае корреляции между показателями по АПНМ и результатами решений задач на мышление будут в определенной мере отражать использование метакогнитивных стратегий. Чтобы минимизировать описанный выше эффект, мы использовали дополнительно два простых задания, при выполнении которых, по-нашему мнению, реже будут использоваться метакогнитивные стратегии. Если для простых заданий будут наблюдаться примерно такие же коэффициенты корреляции между показателем по АПНМ и результатами по этим заданиям, как и для более сложных заданий, то эти корреляции будут означать, что показатель по АПНМ в основном отражает бессознательные, автоматические процессы, а не сознательные метакогнитивные стратегии испытуемых.

Одним из простых заданий было сравнение двух слов. Испытуемым предъявлялись 60 пар слов. В 20 парах оба слова обозначали одушевленные объекты («Канцлер» «Коллекционер»), в 20 парах одно слово описывало

одушевленный объект, другое неодушевленный («Успех» «Инженер»), еще в 20 парах оба слова описывали неодушевленные объекты («Станок» «Юстиция»). Стимульный материал был составлен авторами. Пары слов предъявлялись в случайном порядке. Испытуемому предлагалось указать, к какой группе относится каждая пара, выбирая пункт в меню.

Во втором простом задании испытуемому предъявлялась строка, содержащая девятнадцать букв и отдельно стоящая буква, например:

ЦШНДЭЪБОЛЫЧАИКЩЯМХС ____ П

Испытуемый путем выбора пункта в меню, должен был указать, предъявлялась ли отдельно стоящая буква среди букв строки. Задание включало 60 предъявлений; в 30 из них буква присутствовала в строке, в остальных случаях – отсутствовала. Порядок предъявлений был случайным. Во всех заданиях подсчитывалось количество правильных ответов, фиксировалось время выполнения.

В процессе выполнения задания на простое время реакции испытуемые должны были нажимать на клавишу, когда они видели букву «А» на дисплее. Буква появлялась в интервале от 1000 до 4000 миллисекунд. Задание содержало пять тренировочных и сорок тестовых предъявлений. Если испытуемый нажимал на клавишу раньше, чем появлялась буква, то такой ответ не засчитывался, и предъявления продолжались до 40 тестовых проб. При этом количество неправильных нажатий учитывалось. Вычислялось среднее время и среднеквадратичное отклонение времени реакции.

Результаты

Коэффициент надежности анкеты на появление новых мыслей составил 0,705. Это достаточно высокое значение, поэтому сумма баллов ответов на утверждения анкеты может быть показателем легкости в появлении новых, но связанных с задачей идей и представлений. Средний балл по анкете составил 32,94 (SD=5,5). Средний балл на одно утверждение был равен 3,66. Это больше, чем 3, соответствующее ответу «неопределенно» на утверждения анкеты, следовательно, ситуации, описываемые в анкете, действительно имеют место в мышлении испытуемых.

Медианное время, потраченное на одну пару слов в задании на сравнение слов в паре, составило 4,87 секунды, а медианное время, потраченное на поиск буквы в строке, равнялось 4,77 секунды на одну строку букв. Медианные времена для теста когнитивной рефлексии и задания на продолжение числового ряда были равны 39 и 36 секунд на одну задачу. Эти данные означают, что первые два задания действительно более простые и при их выполнении могут реже использоваться метакогнитивные стратегии.

Мы обнаружили, что все корреляции между этими четырьмя заданиями по числу правильных ответов положительны и, исходя из этого, вычислили суммарный показатель успешности как сумму четырех z-стандартизированных правильных ответов. Также вычислялось суммарное время выполнения четырех заданий.

Коэффициенты корреляции между различными переменными, использованными в нашем исследовании, представлены в Таблице 16. Так как коэффициент корреляции между временем реакции и средненкватратичным отклонением времени реакции очень высокий $r=0,98$, то для лучшего понимания таблицы приведены коэффициенты корреляции только для среднего времени реакции. Поскольку большинство переменных имели распределение, отличное от нормального, использовались ранговые коэффициенты корреляции по Спирмену.

Таблица 16. Коэффициенты корреляции по Спирмену между показателем по АПНМ, среднему времени реакции и результатами заданий на мышление

Результаты выполнения заданий на мышление	Показатель по АПНМ	Время реакции
<i>Сравнение слов</i> Время выполнения	0,083	0,120**
<i>Сравнение слов</i> Число правильных ответов	0,057	-0,060
<i>Поиск буквы в строке</i> Время выполнения	0,116*	0,155***
<i>Поиск буквы в строке</i> Число правильных ответов	0,216***	-0,002

<i>Продолжение числового ряда</i> Время выполнения	0,216***	-0,048
<i>Продолжение числового ряда</i> Число правильных ответов	0,144**	-0,193***
<i>Тест когнитивной рефлексии</i> Время выполнения	0,169***	-0,032
<i>Тест когнитивной рефлексии</i> Число правильных ответов	0,099*	-0,068
<i>Суммарное время выполнения</i>	0,188***	0,023
<i>Суммарная успешность</i>	0,189***	-0,180***

* - $p < 0,05$

** - $p < 0,01$

*** - $p < 0,001$

Значимые коэффициенты корреляции между временем реакции и временем выполнения простых задания очевидно являются отражением того, что, поскольку простые задания выполнялись быстро, то в их продолжительности отражаются индивидуальные различия по времени простой реакции. Время реакции коррелирует с числом правильных ответов по заданию на продолжение числового ряда, которое отражает гибкий интеллект, а также с общим показателем по четырем методикам значимо и отрицательно, что, как, указано выше, соответствует результатам других исследований (Dear, Der, Ford, 2001). Таким образом, наши результаты действительно отражают какие-то общие закономерности.

Была обнаружена значимая корреляция показателя по АПНМ с результатом выполнения задания на поиск буквы в строке. Этот коэффициент корреляции практически не отличается от коэффициентов корреляции между показателем по АПНМ и результатами выполнения более трудных заданий. По нашему мнению, это значит, что показатель по АПНМ отражает функционирование неосознаваемых, автоматических процессов, а не сознательные стратегии испытуемых. Маловероятно, что выполнение простых заданий могло сопровождаться инсайтами, поэтому можно считать, что АПНМ характеризует более разнообразные процессы, чем те, которые обуславливают классический инсайт.

В таблице 16 показано, что показатель по АПНМ значимо коррелирует с восемью из тех десяти параметров, которые были использованы для

оценки мыслительных процессов. Это свидетельствует о том, что гипотетический механизм, который отражается в анкете на появление новых мыслей, существует и реально влияет на процессы мышления.

Коэффициент ранговой корреляции по Спирмену между показателем по АПНМ и временем реакции оказался равным $-0,093$ и значимым ($p=0,042$), коэффициент корреляции между показателем АПНМ и среднеквадратичным отклонением равен $-0,128$ и высоко значим ($p=0,0053$). Мы вычислили коэффициенты парциальной между показателем по АПНМ и этими двумя характеристиками задания на время реакции с учетом другой характеристики. Только парциальная корреляция между показателем АПНМ и среднеквадратичным отклонением времени реакции оказалась значимой: $-0,11$, $p=0,016$, т.е. с ростом показателя по АПНМ разброс времени реакции уменьшается. Эти результаты подтверждают, что результат анкеты на появление новых мыслей отражает более фундаментальные механизмы чем возникновение инсайта и использование метакогнитивных стратегий.

Была изучена зависимость показателя по АПНМ от пола и возраста. Женщины превосходят мужчин по этому показателю ($33,55$ против $32,52$ в среднем), но эта разница незначима.

Коэффициенты ранговой корреляции возраста испытуемых с показателем по АПНМ и двумя показателями задания на время реакции представлены в таблице 17.

Таблица 17. Коэффициенты корреляции по Спирмену возраста с показателем по АПНМ, средним временем реакции и среднеквадратичным отклонением времени реакции

Показатель по АПНМ	Среднее время реакции	Среднеквадратичное отклонение времени реакции
0,053	0,215***	0,182***

*** - $p < 0,001$

Таблица 17 показывает, что коэффициент корреляции между АПНМ и возрастом оказался положительным, хотя и незначимым. Этот результат выглядит неожиданным потому, что по данным многочисленных

исследований характеристики, связанные с динамичностью и изменчивостью мышления (время реакции, рабочая память, гибкий интеллект) имеют тенденцию ухудшаться с возрастом (GrÉGoire, Van Der Linden, 1997, Hester et al., 2004, Deary, Der, 2005). И в нашем исследовании возраст участников положительно коррелирует с показателями задания на время реакции. Зависимость показателя АПНМ от возраста показана на рисунке 10.

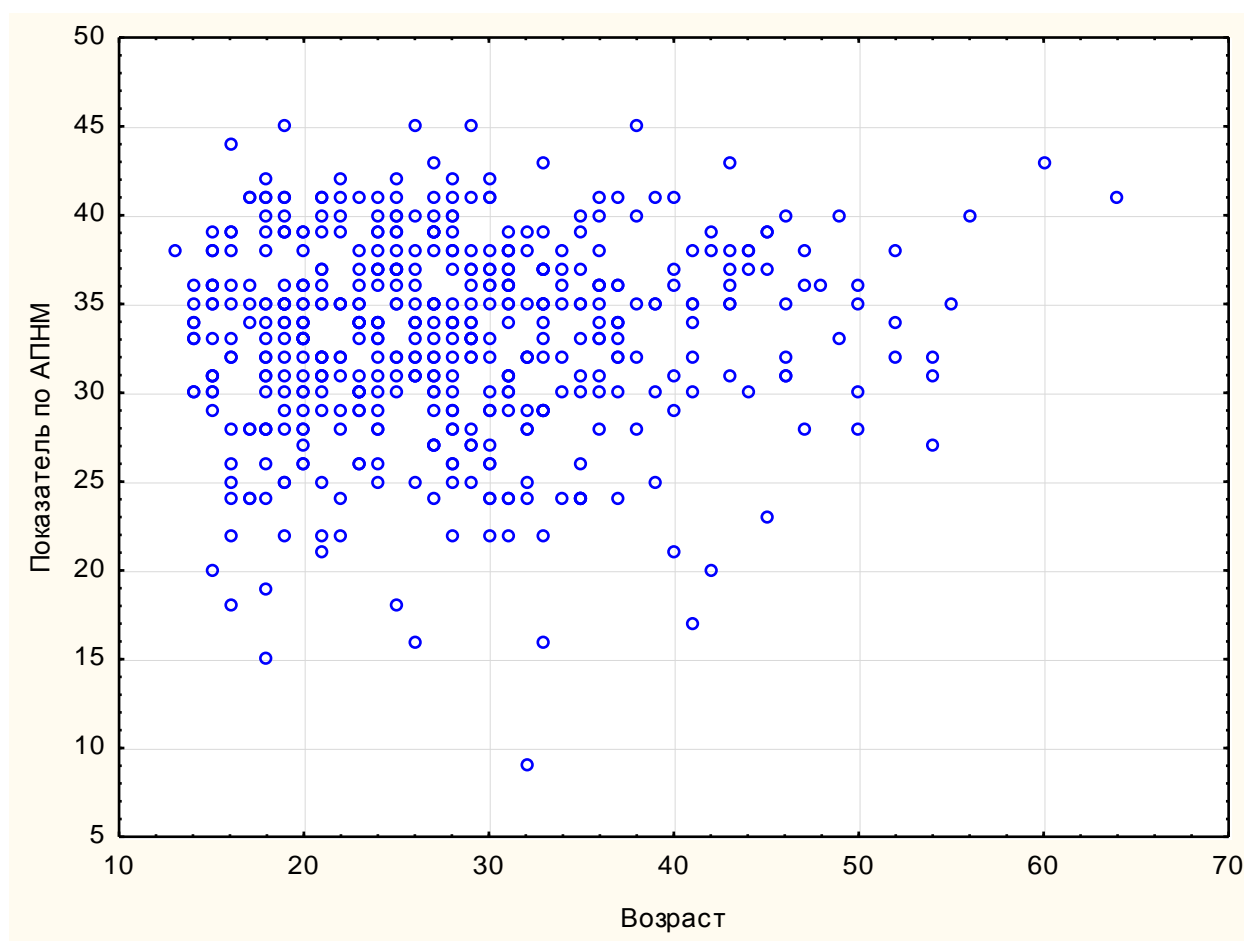

Рис. 10. Зависимость показателя по АПНМ от возраста

Рисунок 10 показывает, что если до 35 лет испытуемые как с низким, так и с высоким показателем по АПНМ наблюдаются примерно в одинаковом количестве, то после 35 лет испытуемые с высоким показателем явно преобладают.

Обсуждение результатов

Мы считаем, что результаты, полученные в нашем исследовании, подтверждают гипотезу о том, что решение проблем происходит в

результате реализации мыслительных процессов, которые осуществляются параллельно. В то время как кажется, что в процессе мышления происходит последовательный переход от одной идеи к другой, в реальности одновременно формируются несколько идей. Формирование нескольких идей начинается сразу, с момента начала решения проблемы.

Поскольку в задании, на простое время реакции испытуемые иногда нажимали на клавишу в отсутствие буквы «А», то при выполнении этого задания видимо имело место параллельное существование двух процессов. Один процесс вызывал нажатие на кнопку при отсутствии буквы «А», а другой – когда буква «А» появлялась на дисплее. Эти процессы, конечно, взаимодействуют между собой. Логично думать, что тем сильнее интерференция этих процессов, чем больше будет разброс во времени реакции. Отрицательная корреляция между среднеквадратичным отклонением времени реакции и показателем по АПНМ возможно, означает, что у людей с высоким показателем такие процессы меньше взаимодействуют между собой. Можно думать, что более слабая интерференция между параллельными процессами у людей с высоким показателем по АПНМ происходит и в других случаях.

Важным параметром, определяющим реализацию параллельных процессов, являются связи между элементами сети. Очевидно, что если связи между элементами плотные, то есть, если каждый элемент сети соединен с большим числом других элементов, то, скорее всего, в такой сети мала вероятность возникновения отдельных групп элементов. Однако, если связи редкие, то возможность появления нескольких отдельных групп значительно выше. Таким образом, индивидуальные различия в плотности связей между элементами сети могут быть причиной различий в выполнении параллельных процессов.

В ряде работ показано, что с возрастом происходит снижение плотности белого вещества мозга (McGinnis et al, 2011, Hogstrom et al., 2013). Известно, что белое вещество – это аксоны нейронов, то есть связи

между клетками. Следовательно, с возрастом связи между нейронами в мозгу становятся более слабыми и редкими. Если считать, что параллельные процессы находятся в обратной зависимости от плотности связей, то уменьшение плотности с возрастом объясняет, почему показатель по анкете на новые мысли не убывает с возрастом.

Заключение

Исходя из эвристического представления о том, что мышление может быть понято как процесс в сети из нейроноподобных элементов, мы предположили, что при решении задач происходит параллельная обработка информации. Мы считаем, что наше исследование продемонстрировало существование параллельных процессов в целенаправленном мышлении и предложило объяснение для механизмов, лежащих в основе таких процессов. В то же время следует указать на ограничения нашего исследования. Наше доказательство существования параллельных процессов носит косвенный характер. Оно было получено с использованием только четырех методик. Возможно, что при использовании других методик корреляции между результатами по этим методикам и АПНМ могут заметно отличаться. Привлечение фрилансеров позволило изучить зависимость показателя анкеты от возраста, но это – довольно специфическая выборка. Необходимы новые исследования параллельных процессов в целенаправленном мышлении.

Список литературы

1. *Айзенк Г.Ю.* Проверьте свои способности // Г.Ю. Айзенк; пер. с англ. А.Н. Лука, И. С. Хорола. – М.: Мир, 1972.
2. *Родина О.Н., Прудков П.Н.* Апробация русскоязычных версий теста когнитивной рефлексии // Вопросы психологии. – 2019. – №. 4. – С. 155-162.
3. *Deary I.J., Der G., Ford G.* Reaction times and intelligence differences: A population-based cohort study // *Intelligence*. – 2001. – Т. 29. – №. 5. – С. 389-399.
4. *Deary I.J., Der G.* Reaction time, age, and cognitive ability: longitudinal findings from age 16 to 63 years in representative population samples // *Aging, Neuropsychology, and cognition*. – 2005. – Т. 12. – №. 2. – С. 187-215.
5. *Grégoire J., Van der Linden M.* Effect of age on forward and backward digit spans // *Aging, neuropsychology, and cognition*. – 1997. – Т. 4. – №. 2. – С. 140-149.
6. *Ku K.Y.L., Ho I.T.* Metacognitive strategies that enhance critical thinking // *Metacognition and learning*. – 2010. – Т. 5. – С. 251-267.

7. *Hester R.L., Kinsella G.J., Ong B.E.N.* Effect of age on forward and backward span tasks //Journal of the International Neuropsychological Society. – 2004. – Т. 10. – №. 4. – С. 475-481.
8. *Hogstrom L.J. et al.* The structure of the cerebral cortex across adult life: age-related patterns of surface area, thickness, and gyrification //Cerebral cortex. – 2013. – Т. 23. – №. 11. – С. 2521-2530.
9. *McGinnis S.M. et al.* Age-related changes in the thickness of cortical zones in humans //Brain topography. – 2011. – Т. 24. – С. 279-291.
10. *Siew C.S.Q. et al.* Cognitive network science: A review of research on cognition through the lens of network representations, processes, and dynamics //Complexity. – 2019. – Т. 2019.
11. *Thomas M.S.C., McClelland J.L.* Connectionist models of cognition //The Cambridge handbook of computational psychology. – 2008. – С. 23-58.
12. *Weisberg R.W.* Toward an integrated theory of insight in problem solving //Insight and Creativity in Problem Solving. – Routledge, 2019. – С. 5-39.

IDENTIFYING PARALLEL PROCESSES IN PROBLEM SOLVING

Rodina O.N.
Prudkov P.N.

On the basis of modern ideas which suggest thinking may occur in a network consisting of similar but not identical elements functioning concurrently, we assumed concurrent processes also occur in problem solving. To test this assumption, a special questionnaire and four problem-solving tasks were used. Positive correlations between the results on the questionnaire and performance on the tasks may mean there is concurrent processing of information in problem-solving. Eight significant correlation coefficients were obtained out of ten possible ones. It is shown that concurrent processes occur in problem-solving.

Keywords: thinking, concurrency, intelligence, network, neuron-like unit.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭФФЕКТА ПОГРУЖЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Розанов И.А.
ГНЦ РФ – Институт медико-биологических проблем РАН, Московский
государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Грунчева К.А.
Московский государственный педагогический университет
(г. Москва)

Ратникова В.Ю.
Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Житенёва А.М.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(г. Москва)

В настоящей статье приведена попытка интерпретировать эффект погружения с позиций семантики и теории психологического образа. Авторы

полагают, что данная интерпретация может быть полезна не только при изучении иммерсивных сред, таких как виртуальная реальность (VR). Есть все основания полагать, что данная концепция может быть экстраполирована на отдельные аспекты профессиональной деятельности человека и на педагогические процессы, так как они порождают состояния, близкие по своей сути эффекту погружения.

Ключевые слова: Виртуальная реальность, эффект погружения, эффект присутствия, психосемантика, психолингвистика, семантика.

Введение

Человек, погруженный в виртуальную реальность или в другую любую психологически иммерсивную среду, как правило, становится изолированным от внешнего окружения и полностью погружён в события, происходящие в виртуальной среде [1]. Это приводит к тому, что объективный анализ изменений в психофизиологии человека, взаимодействующего с виртуальной средой, является крайне трудной с научной точки зрения задачей – как и анализ его интроспсихических процессов и внутреннего монолога. Активное распространение технических средств порождения виртуальной реальности (VR) актуализирует необходимость изучения психофизиологии восприятия виртуальных сред человеком [2]. Особый интерес представляет изучение эффекта присутствия (presence или эффект погружения), наличие которого существенно отличает VR от других интерфейсов «человек – машина». Результаты этого изучения помимо теоретической значимости могут быть полезны и в прикладных целях – для формирования более иммерсивных, интуитивно понятных и комфортных цифровых сред [3].

Материалы и методы исследования

В основу исследования положен системный анализ научной литературы [4], ретроспективный анализ собственных экспериментальных данных, полученных в исследованиях виртуальной реальности в экспериментах, моделирующих неблагоприятные факторы космического полёта и в контрольных группах с добровольцами вне стрессогенной нагрузки [5, 6, 7]. При этом ретроспективном анализе отдельно учитывались лингвистические и семантические характеристики устной речи обследуемых, погружённых в виртуальную реальность.

Результаты: семантическая интерпретация эффекта погружения

Психологически иммерсивные среды – это среды, порождённые компьютером и рядом источников мультимедиа [8], которые воздействуют на психическую сферу человека таким образом, что его самоосведомлённость о нахождении в объективной реальности постепенно снижается, а зона когнитивного контроля постепенно переключая на явления, события и объекты, являющиеся составными частями таковых сред [9]. К психологически иммерсивным средам прежде всего следует отнести виртуальную реальность [10]. Ключевая особенность перцепции виртуальной среды заключается именно в развитии эффекта погружения.

Описать эффект погружения можно и с семантической точки зрения. Согласно целому ряду концепций, восприятие реально существующего мира строится по законам логики языка и речи, а поскольку виртуальная реальность является частью этого мира, то может быть описана сходным образом – то есть, может быть описана с позиций семантики. Иными словами, восприятие иммерсивных сред, таких как виртуальная реальность, может быть описано набором текстовых конструкций различного уровня сложности [2]. Этот текст может при этом включать в себя фрагменты вербализации ощущений человека и отражать его внутренний монолог.

Далее мы попытаемся интерпретировать эффекты погружения в виртуальную среду в соответствии с законами семантики. Эта попытка классификации поэтапного развития погружения сочетается, с одной стороны, с видами погружения, описываемыми в литературе по гейм-дизайну [11], с другой стороны, оно сочетается с определёнными этапами формирования психологического образа [12]. В теории, можно выделить три этапа развития эффекта погружения.

1. Tактическое погружение.
2. Стратегическое погружение.
3. Погружение в повествование.

Tактическое погружение связано с ориентировкой человека в новой для него виртуальной среде. Этот этап погружения также возникает при

выполнении тактильных действий, требующих определенных навыков – участники чувствуют себя «в зоне действий», оттачивают умения и навыки. При тактическом погружении виртуальная реальность воспринимается подобно набору предложений из неоконченных и назывных предложений, описывающих качества среды, её характер и вид, а также способы взаимодействия с ней [13]. На данном этапе погружения речь вторична; на первый план выходит перцепция, в связи с чем высказывания участников становятся «разорванными», скандированными [14]. В основном появляются короткие междометия, типа: «wow!», «ого!», «ах!», которые, в целом, носят положительную оценку.

На первом этапе погружения «срабатывают» три типа перцепции: зрение, слух, осязание (количество задействованных сенсорных систем зависит от числа модальностей воздействия VR на человека), которые необходимы для формирования умений и навыков взаимодействия с виртуальной средой. В связи с этим для данного этапа погружения характерны лингвистические предикаты эмоционального состояния [15]: «знать, верить, восхищаться, воодушевляться, радоваться» и т.п. Появление их, по всей вероятности, обусловлено новизной виртуальной среды.

Стратегическое погружение связано с когнитивными процессами и формированием поведенческой стратегии, которая должна, по мнению человека, погруженного в виртуальную среду, привести к достижению цели. С психофизиологической точки зрения на данном этапе продолжают работать ориентировочные рефлексы и действия. Можно предположить, что стратегическое погружение связано с напряжением когнитивных функций и с перераспределением зон когнитивного контроля [16]. Это обусловлено тем, что человек, погруженный в виртуальную реальность, осуществляет выбор решения из множества возможных. На этапе стратегического погружения «подключается» возможность сознательного, произвольного движения или действия (управление джойстиком, возможность изучить виртуальный предмет или объект). Гнозис и праксис при восприятии

виртуальной среды могут быть объединены в сознании человека, погруженного в виртуальную среду, так как гнозис (постижение) виртуальной среды происходит по тем же законам, что и восприятие реальной среды [17]. С одной стороны, используется тот же набор анализаторов и сенсорных систем человека, с другой стороны, виртуальная среда обладает качеством экологической валидности, то есть некоторые качества объективной реальности перенесены в виртуальную реальность, что и позволяет взаимодействовать с виртуальной средой почти так же, как и с объективной реальностью [18]. Именно эти два процесса (гнозис и праксис) вербализируются на данном этапе погружения.

Таким образом, при стратегическом погружении психологически иммерсивная среда и взаимодействие пользователя с ней подобны набору законченных предложений, описывающих этапность действий человека в виртуальной среде.

Завершив ориентировку в виртуальной среде, человек приступает к выполнению определённых действий, одновременно включая в свою деятельность внешнюю регуляцию своих собственных действий: «сейчас я нажму на вот эту кнопку», «я взял планшет, чтобы перейти...», «сейчас я хочу поменять цвет палитры на...», «чтобы открыть дверь, мне нужно...». И т.п. Данные речевые обороты не направлены на адресата, а соответственно, не ориентированы на обратную связь и относятся к категории эгоцентрической речи. Подобный вид речи отмечается у детей дошкольного возраста, а также у взрослых в условиях напряжённой осмысленной деятельности, когда требуется осмыслить выполняемое действие и направить его на достижение практической цели [19]. Таким образом, осуществляется экстерииоризация – процесс перевода информации во внешний план действий [20]. Примером данного процесса является реализация человеком, погруженным в виртуальную реальность, своего замысла в готовой форме. Например, рисунок, созданный участником в виртуальной «комнате для рисования». Эгоцентрическая речь является

маркёром нахождения в психологически благоприятной среде [21]; таким образом, она выступает свидетельством того, что человек успешно завершил ориентировку в виртуальной среде, освоил способы взаимодействия с ней и приступает в виртуальной среде к осмысленной деятельности, наделённой целью. Для данного этапа развития эффекта погружения могут быть характерны модальные предикаты речи: «собираться, намереваться, выбирать, пытаться» и оптативные модальные предикаты: «желать, хотеть», и т.д. Их превалирование, по всей вероятности, связано с тем, что человек заканчивает ориентировку в виртуальном пространстве и приступает к осмысленной деятельности, связанной с интерактивным взаимодействием с виртуальной средой.

Третий этап развития погружения – погружение в повествование. На этом этапе человек, интерактивно взаимодействующий с виртуальной средой, становится частью своего рода истории или сюжета, что напоминает ему процесс чтения книги или просмотр фильма, в ходе которого он начинает ассоциировать себя с одним из персонажей [22]. В случае ВР человек начинает ассоциировать себя со своим аватаром в виртуальной среде [23]. На данном этапе развития эффекта погружения происходит становление активной речи, быстро расширяется представление о виртуальном мире, появляются развернутые высказывания, уточняющие вопросы о том, что и как называется, как совершить какое-либо действие. Появляются элементы словотворчества [24]: участники могут придумывать названия незнакомым предметам, объектам виртуальной среды. Например: «Так, вот здесь я нашёл что-то драконское», «А это какой-то гусеничный цвет», и т.д. Для данного этапа погружения с лингвистической точки зрения будут характерны предикаты сопоставительной семантики [25]: «похож, близок, отличается», в том числе сравнения: «выше, больше, ярче» и т.п.

Таким образом, с точки зрения семантики текста при погружении в повествование опыт взаимодействия человека с виртуальной средой может быть описан (и воспринят человеком) как последовательность предложений,

являющихся завершённым текстом, имеющим начало и конец, «завязку» и «развязку», сюжет [26].

Описанная выше последовательность развития эффекта присутствия соотносится с механизмами формирования психологического образа, которые включают в себя три этапа (досознательный или сенсорно-перцептивный, сознательный или уровень представлений, послесознательный или вербально-логический) [27]. В соответствии с этим, при взаимодействии с виртуальными средами у человека сначала формируется тактическое «погружение», связанное с ориентировочными реакциями в иммерсивной среде, затем – «стратегическое» погружение, обусловленное интерактивным взаимодействием со средой. И, наконец, формируется погружение в повествование, связанное с восприятием процесса взаимодействия с психологически иммерсивной средой как нарратива, имеющего начало, сюжет и конечную цель [2].

Наличие всех трёх видов погружения не является обязательным; количество этапов и их последовательность, по всей вероятности, зависит от качеств виртуальной среды (от её комплексности, правдоподобности и иммерсивности) [4], психоэмоционального состояния человека, погружённого в эту среду, эстетических предпочтений этого человека и продолжительности сеанса [2]. По всей вероятности, нет строгой этапности развития отдельных видов погружения; виды погружения могут развиваться и последовательно, и параллельно. Тем не менее, есть основания предположить, «переход» от одного этапа погружения к другому этапу осуществляется за счёт положительного подкрепления (положительное эмоциональное реагирование от выполненной в среде задачи или от новых возможностей, радость от «пройденного уровня»). Этот «переход» может быть объяснён и с позиций информационно-потребностной теории эмоций П.В. Симонова [28]. Согласно этой теории, эмоции человека и высших животных определяются соотношением потребностей субъекта и текущей информацией о возможности ее удовлетворения. Потребность человека в

успешной ориентировке в новой для него виртуальной среде, по мере их удовлетворения, обеспечивают «переход» к стратегическому погружению. Успешно завершённые акты интерактивного взаимодействия с виртуальной реальностью обеспечивают «переход» в свою очередь к погружению в повествование, где человек идентифицирует себя в рамках нарратива, т.е. в рамках определённого сюжета, связанного с VR и обусловленного его сценарием. Эта последовательность «переходов», по всей вероятности, объясняет положительные эмоциональные реакции обследуемых в VR, которые были установлены экспериментально [2].

Описанный выше семантический подход к интерпретации эффекта погружения в виртуальную реальность позволяет осуществлять семантический, семиотический анализ и интерпретацию явлений, связанных с развитием эффекта погружения.

Обсуждение: психологический образ и эффект погружения

Приведённая выше семантическая интерпретация эффекта погружения позволяет в первом приближении определить структуру психологических образов, формируемых под воздействием психологически иммерсивных сред. Мы можем предположить, что психологические образы, формирующиеся у человека при восприятии им виртуальной реальности, имеют структуру, состоящую из трёх компонент.

1. Зрительная компонента.
2. Знаковая компонента.
3. Дистраиваемая компонента.

Зрительная компонента психологического образа, формируемая у человека, погружённого в виртуальную реальность, обусловлена мощным воздействием технических средств порождения виртуальной реальности на зрительный анализатор. Отметим, что ключевое свойство установок виртуальной реальности, таких как шлемы VR, заключается в их способности вытеснять естественную афферентацию по зрительному каналу восприятия, постепенно заменяя её на искусственную, порождённую техническими цифровыми средствами.

При этом воздействии на зрительный анализатор отдельные графические структуры виртуальной реальности, без учёта всей новизны виртуальной среды, могут восприниматься человеком как символы и знаки с психологической точки зрения. Это и есть знаковая компонента психологического образа, порождённого виртуальной реальностью. Таким образом, даже отдельные элементы виртуальной среды могут быть сразу «опознаны» человеком и наделены им значением и смыслом (т.е. семантикой) [29].

Показано, что виртуальная реальность обладает качеством экологической валидности. Отдельные компоненты виртуальной среды соотносятся с соответствующими объектами и явлениями объективной реальности как карта и территория, как модель и оригинал [4]. Например, прорисованный в виртуальной реальности камин с пламенем будет «опознаваться» пользователем ВР как камин с пламенем, при условии, если этот человек в ходе своего прежнего опыта чувственного восприятия уже сталкивался когда-либо с настоящим камином. Таким образом, анализируя предметы, объекты и явления в виртуальной реальности, сопоставляя их с накопленным опытом восприятия аналогичных объектов и предметов из объективной реальности, человек как бы «достраивает» систему психологического образа [30], порождённого виртуальной реальностью. Достраиваемая компонента психологического образа, возникающего при восприятии человеком виртуальной реальности, может являться процессом переноса имеющегося опыта восприятия реальных предметов и объектов на объекты виртуальные. Этот «трансфер» реального опыта на виртуальный и обуславливает способы интерактивного взаимодействия человека с виртуальной средой. Например, увидев в виртуальной реальности дверную ручку, очень похожую на дверную ручку из объективной реальности, человек сопоставит реальный и виртуальный опыт, «достроит» виртуальный образ двери с ручкой и наверняка попытается открыть эту дверь, потянув за ручку. «Достраивание» психологического образа виртуальной реальности

накопленным опытом чувственного восприятия и взаимодействия с предметами из объективной реальности и делает этот психологический образ завершённым. Завершение построения психологического образа, порождённого виртуальной реальностью, позволяет, с точки зрения семантической интерпретации эффекта погружения, перейти от тактического погружения к стратегическому погружению и далее – к погружению в повествование.

Наличие нескольких компонент психологического образа, формируемого под воздействием виртуальной среды, может быть объяснено с позиций теории двойного кодирования памяти А.У. Пайвио. Согласно этой теории, обработка визуальной и вербальной информации требует наличия разных систем в мозге, двух разных кодов [31]. Визуальный код обеспечивает решение задач одномоментного пространственного плана (события разворачиваются здесь и сейчас, в конкретной точке времени). Вербальный код обеспечивает решение абстрактных задач, связанных с символикой и расположенных по шкале времени [32]. Существует четыре уровня организации процессов памяти: первоначальная обработка сенсорной информации в оперативной памяти, обмен информации с долговременной памятью, построение ассоциаций с похожими образами из следов долговременной памяти, и, наконец, взаимодействие вербальной и невербальной системы [33]. Эта теория, которая находит своё экспериментальное и нейрофизиологическое подтверждение, может объяснять комплексную природу образа, формируемого у человека в виртуальной реальности, а также может быть полезна для понимания взаимоотношений между компонентами этого образа.

Пришедший из гештальт-психологии принцип завершения образа (замкнутости или закрытия) гласит, что человек будет заполнять «пробелы» в воспринимаемом им объекте, чтобы воспринимать целостный объект, всякий раз, когда внешний стимул частично совпадает с этим объектом [34]. Данный принцип подходит к третьей компоненте психологического образа,

формируемого у человека в виртуальной реальности. Даже при дефиците информации об объекте (в частности, об объекте в психологически иммерсивной среде), человек стремится разобраться в окружающей среде, содержащей этот объект, заполняя «пробелы». Это необходимо для того, чтобы увидеть объект целиком. Это «распознавание» (или «достраивание») образов происходит автоматически. Принцип завершенности описывает склонность человека воспринимать сегментированные визуальные элементы как законченные или целые объекты, даже в условиях фрагментарности информации. Этот принцип, как мы полагаем, следует учитывать и при разработке виртуальных сред (прежде всего дидактических), так и при анализе поведения человека в виртуальной среде.

Отметим, что завершенность этапов развития погружения в виртуальную реальность и комплексность порождённых виртуальных средой психологических образов зависит от качеств самой среды. Согласно В.В. Селиванову, существует три уровня виртуальной реальности: первичный (без электронных носителей), вторичный (с электронными носителями, но со слабой иммерсивностью), высший (искусственная информационная реальность, максимально приближенная к обычной реальности с помощью электронных носителей, специальных программ, с высокой степенью иммерсивности) [4]. Эти три уровня можно условно связать с описанными выше тремя компонентами психологического образа, формируемого виртуальной реальностью. Виртуальная реальность первого типа приводит к развитию преимущественно зрительной компоненты образа, а виртуальная реальность второго типа способствует развитию и зрительной, и знаковой компоненты психологического образа. Резонно предположить, что виртуальная реальность высшего типа при интерактивном взаимодействии человека с ней будет приводить к формированию комплексного психологического образа (системы образов) и развитию выраженного эффекта погружения третьего этапа – этапа погружения в повествование.

Выводы и практические рекомендации

Гипотетически, рассмотренная выше интерпретация эффекта погружения с точки зрения семантики может быть полезна и вне контекста виртуальной реальности и психологически иммерсивных сред. Эффект погружения может быть рассмотрен применительно к осмысленной деятельности (степень вовлечения человека в трудовой процесс) и относительно восприятия человеком себя в интерьере.

Исходя из этих предпосылок можно предположить, что при развитии синдрома профессионального выгорания у человека наблюдается дефицит психологического смысла. Психологические образы, формируемые у человека, занятого монотонной, напряжённой работой, приводящей к выгоранию, однообразны как по своему эмоциональному наполнению (как правило, резко негативному), так и по своей семантике (однообразие смыслового наполнения деятельности, оскудение речи вследствие астенизации, вызванной работой). При этом выраженность эффекта погружения (степени вовлечённости в работу), разумеется, будет постоянно снижаться по мере развития эмоционального выгорания. Таким образом, с позиции семантической интерпретации эффекта погружения эмоциональное выгорание можно рассмотреть как «зацикливание» в повторяющейся и однообразной «петле смыслов». Это «зацикливание» сопровождается устойчивым снижением вовлечённости в работу и снижением мотивации к осуществлению трудовых обязанностей.

Пребывание в стимульно-бедной, замкнутой, искусственной и монотонной среде обитания, как показывают данные большого числа исследований, неизбежно приводит к астенизации, эмоциональной лабильности, снижению мотивации, ухудшению качества операторской деятельности. Высокая степень погружения при этом будет отмечаться, когда человек воспринимает изменённую среду обитания с комфортом и принимает её; при пребывании в некомфортном интерьере, сама среда выступает как раздражитель и стрессор – соответственно, степень выраженности эффекта погружения стремится к нулю; у человека начинают развиваться мысли о том,

как покинуть такую среду. С семантической точки зрения вынужденное пребывание в стимульно-бедной и монотонной среде может быть метафорически описано как «замкнутая петля знаков», «замкнутая петля образов». Как уже говорилось выше, монотонность среды приводит к негативным изменениям в психике, профессиональной деятельности и способности к коммуникации человека в изоляции. Соответственно, психологическая поддержка человека в условиях изоляции заключается в предоставлении ему специально подобранной личностно-значимой и семантически наполненной информации. Накоплен обширный (свыше 40 лет) опыт психологической поддержки космических экипажей; новые методы психологической поддержки (в том числе ВР) проходят в настоящее время апробацию в условиях модельных экспериментов. Опыт психологической поддержки и опыт апробации новых её методов показывает, что инструментальное представление личностно-значимой информации и стимульное обогащение среды (например, за счёт ВР), позволяет эффективно снизить негативное влияние стимульно-бедной, искусственной среды обитания на человека. Сказанное выше подтверждает то, что приведённая выше семантическая интерпретация пребывания человека в неблагоприятной, монотонной среде имеет право на существование.

Вовлечённость обучающихся в педагогический процесс и их мотивация к учебным занятиям так же может быть рассмотрена как некоторое явление, по-своему аналогичное эффекту погружения. Исходя из семантической интерпретации эффекта погружения, максимальная вовлечённость (погружение) обучающихся в образовательный процесс достигается при достаточном уровне смыслового (семантического) разнообразия информации, поступающей к ученикам. При этом объём этой информации должен соответствовать тому объёму, который ученики способны воспринимать без переутомления сенсорных систем и когнитивных функций. Избыточная информация перестаёт восприниматься человеком как семантически наполненная «ячейка» знаний, а начинает восприниматься как информационный шум.

Безусловно, приведённые выше попытки экстраполяции семантической интерпретации эффекта погружения на некоторые аспекты профессиональной деятельности человека носят поисковый и даже во многом метафорический характер, но эта экстраполяция может быть полезна в качестве методологической базы последующих исследований. Семантическая интерпретация эффекта погружения, как мы полагаем, может быть полезна при составлении дизайнов исследований в области влияния дидактических цифровых сред на обучающихся, стимульно-обогащённых виртуальных сред на психическое благополучие человека в изоляции, в тренажёростроении.

Заключение

Восприятие иммерсивных сред, таких как виртуальная реальность, подобно восприятию текстовых конструкций различного уровня сложности, что позволяет интерпретировать эффект присутствия с точки зрения семантики. По всей вероятности, существуют три стадии эффекта погружения – тактическое погружение, стратегическое и погружение в повествование. Восприятие человеком виртуальной среды на каждой из этих стадий может быть описано как текст с постепенно усложняющейся от стадии к стадии семантикой и структурой этого текста. При высшем виде погружения – погружение в повествование – восприятие человеком процесса взаимодействия с виртуальной средой может быть описано как завершённый текст (нарратив), имеющий начало, конец и осмысленный сюжет. Психологический образ, формируемый у человека при восприятии психологически иммерсивных сред, может включать в себя три компонента – зрительную, знаковую и достраиваемую. Зрительная компонента обусловлена воздействием виртуальной реальности на зрительный анализатор, знаковая опосредована тем, что некоторые элементы виртуальной реальности изначально наделены смыслом (семантическим значением) и потому могут быть восприняты как знак. Достраиваемая компонента обусловлена «переносом» психологических образов, полученных в ходе чувствительного восприятия объективной реальности на виртуальную реальность.

Список литературы

1. Белозеров С.А. Виртуальные миры: анализ содержания психологических эффектов аватар-опосредованной деятельности // Экспериментальная психология. 2015. № 2. С. 94-105.
2. Розанов И.А., Иванов А.В., Абдюханов Р.Х., Корнилова М.А., Шишенина К.С. Некоторые психологические проблемы, связанные с технологией виртуальной реальности, и их критическое рассмотрение // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 348-359.
3. Розанов И.А., Иванов А.В., Рюмин О.О., Каранетян А.С., Диас Р.Н., Шишенина К.С., Рак М.А., Корнилова М.А., Вайнштейн М.М. Виртуальная реальность для психологической коррекции: методология формирования контента // Методология современной психологии. 2022. № 16. С. 320-329.
4. Селиванов В.В. Психология виртуальной реальности. Учебное пособие. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. 152 с.
5. Rozanov I.A., Rumin O., Karpova O., Shved D., Savinkina A., Kuznetsova P., Diaz Rey N., Shishenina K., Gushin V. Applications of methods of psychological support developed for astronauts for use in medical settings. *Front. Physiol.* 2022. №13
6. Розанов И.А., Кузнецова П.Г., Савинкина А.О., Швед Д.М., Рюмин О.О., Томиловская Е.С., Гуцин В.И. Психологическая поддержка на основе виртуальной реальности в эксперименте с трёхсуточной «сухой» иммерсией // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2022. Т. 56. № 1. С. 55 – 61.
7. D. Shved, P. Kuznetsova, I. Rozanov, S. Lebedeva, A. Vinokhodova, A. Savinkina, V. Gushin. Effects of isolation, crowding and different psychological countermeasures on crew behavior and performance // *Front. Physiol.*, 15 November 2022.
8. Браславский, П.И. Технология виртуальной реальности как феномен культуры конца XX – начала XXI веков: дис. канд. культурологии. Екатеринбург, 2003. 163 с.
9. Baños R.M., Botella C., Garcia-Palacios A. et al. Presence and reality judgment in virtual environments: a unitary construct // *Cyberpsychol Behav.* 2000. V. 3 (3). P. 327-335.
10. Mahmoud K., Yassin H., Hurkxkens T.J. Does Immersive VR Increase Learning Gain When Compared to a Non-immersive VR Learning Experience? // *Learning and Collaboration Technologies. Human and Technology Ecosystems.* 2020. July. P.480-498. DOI: 10.1007/978-3-030-50506-633
11. Adams E. Postmodernism and the Three Types of Immersion // *Gamasutra.* July 9, 2004. http://designersnotebook.com/Columns/063_Postmodernism/063_postmodernism.htm
12. Завалова Н.Д., Пономаренко В.А. Специфика психического образа, регулирующего действия человека в условиях искажений афферентации // *Вопросы психологии.* 1984. №2, С. 26–35.
13. Зинченко Ю.П., Меньшикова Г.Я., Баяковский Ю.М., Черноризов А.М., Войкунский А.Е. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // *Национальный психологический журнал.* 2010. №1. С. 54-62.
14. Bjork S. Patterns in game design // *Computer games - Programming.* 2005. <https://archive.org/details/patternsingamede0000bjor>
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
16. Аверин В.А., Маликова Т.В., Кириллов Д.С., Земских Ф.В. Развитие когнитивных навыков с помощью технологий виртуальной реальности // *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика.* 2017 Т.7. Вып. 2. С. 154-169. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.205

17. *Кирик Т.А.* Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. 134 с.
18. *Игнатьева М.Б., Никитин А.В., Войкунский А.Е.* Архитектура виртуальных миров // Вестник Московского университета. 2008. №1. С. 22-36.
19. *Измайлова Р.Г., Шейнова Т.Г., Тимохина Т.В.* Развитие монологической речи детей при подготовке школьному обучению // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №71-1. С. 150-153.
20. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2003. 1134 с.
21. *Выготский Л.С.* О природе эгоцентрической речи // Хрестоматия по общей психологии. Выпуск III. Субъект познания / Ответственный редактор В.В.Петухов. М., 1998.
22. *Плотникова В.С., Дворжицкая А.Л.* Иммерсивные экскурсии: проект «черное и белое» // Туризм и гостеприимство. 2020. №2. С. 36-43.
23. *Сильченко В.Ю.* Формы реализации аватара в виртуальном пространстве // Вестник МГУКИ. 2021. №6. С. 82-88.
24. *Суворкина Е.Н.* «Сдвигология»: опыт детского и взрослого словотворчества // Вестник АГУ. 2016. №3. С. 147-153.
25. *Васильев, Л. М.* Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 175 с.
26. *Руднев В.П.* Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 428 с.
27. *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. 172 с.
28. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 216 с.
30. *Lewin Kurt.* Grundzüge der topologischen Psychologie. Posthume deutsche Ausgabe, hrsg. von R. Falk & F. Winnefeld. Bern: Huber. 1969.
31. *Dubrovski D.I.* The Decipherment of Codes: Methodological Aspects of Problem// Journal of the Theory of Social Behaviour. 1987. №17 (1). PP. 1-19.
32. *Бехтерева Н.П., Бундзен П.В., Гоголицын Ю.Л.* Мозговые коды психической деятельности. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 65 с.
33. *Paivio A.* Mental representations: a dual coding approach. Oxford Presss, 1986.
34. *Долгополов И.Б., Хломов Д.Н.* Фигура гештальта в России // Консультативная психология и психотерапия. 1994. Том 3. № 3. С. 1-8.

SEMANTIC INTERPRETATION OF THE PRESENCE EFFECT IN VIRTUAL REALITY

Rozanov I.A.

SSC RF – Institute of Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow)

Gruncheva K.A.

Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Ratnikova V.Yu.

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow)

Zhiteneva A.M.

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

This article presents an attempt to interpret the presence in virtual reality (VR) from the standpoint of semantics and theory of psychological image. The authors

believe that this interpretation can be useful not only in the study of immersive environments such as virtual reality. There is every reason to believe that this concept can be extrapolated to certain aspects of human professional activity and to pedagogical processes, since they generate states close in essence to the immersion effect.

Keywords: Virtual reality, immersion effect, presence effect, psychosemantics, psycholinguistics, semantics.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ВЫСОКОЙ ИММЕРСИВНОСТИ

Селиванов В.В., Капустина В.Ю.
Московский государственный психолого-педагогический
университет. Москва, Российская Федерация,

Денисова Е.Н.
Смоленский государственный университет,
Смоленск, Российская Федерация

Работа направлена на рассмотрение направлений и перспектив изучения психических состояний в виртуальной реальности (VR) разной иммерсивности, влияния высоко иммерсивной VR-среды на психические состояния. Среди компонентов психических состояний существуют те, которые подвержены изменениям при работе в кратковременных, дидактических VR-программах с использованием современных шлемов, существуют т.е., которые остаются относительно стабильными. Такие состояния, как самочувствие, обычное настроение, спокойствие остаются устойчивыми в иммерсивной дидактической VR; непродолжительная работа субъекта в дидактических программах в VR с использованием современных шлемов обеспечивает существенные изменения (увеличение показателей) по следующим шкалам – активации, тонуса, самочувствия, эйфории. Результаты проведенных экспериментов свидетельствуют, что при работе в дидактической VR высшего уровня психические состояния изменяются гораздо эффективнее, чем личностные черты, которые в целом являются устойчивыми. Состояния являются одним из сензитивных посредников при изменении личности. Через психические состояния психолог может воздействовать и определять микро изменения личностных и субъектных черт.

Ключевые слова: виртуальная реальность, иммерсивность, психические состояния, личность, субъект, обучающие программы.

В настоящее время технологии виртуальной реальности (VR) становятся неотъемлемой частью бытия многих людей, их роль возрастает в развитии любого государства, в России данные технологии относятся к критическим с позиции экономического развития. Без высшего уровня VR невозможно развитие мета вселенной, современного искусственного интеллекта, разработка которых в качестве приоритетных задач поставлена президентом РФ В.В. Путиным. Использование технологий виртуальной

реальности оказывается эффективным для разрешения актуальных задач психологических, педагогических, медицинских, экономических, социальных исследований (Zinchenko Y.P. и др., 2015).

В отечественной психологии технологии VR используются при научном изучении влияния виртуальных образов и симулированных действий на мышление, память, обучение, психические состояния человека, мотивацию учебной деятельности (Селиванов В.В. 2007, 2021; Селиванов В.В., Селиванова Л. Н. 2015, 2016; Селиванов В.В., Сорочинский П.В. 2021; Капустина В.Ю., Зикеева Е.А., 2021), при исследовании зрительных иллюзий (Меньшикова Г.Я., 2013, Menshikova G.Y., 2013), параметров вестибулярного аппарата (Menshikova G.Y. и др., 2017), при исследовании эффекта присутствия (Величковский Б.Б. и др., 2016), VR (комната виртуальной реальности) выступает в качестве ценного инструмента для социальных исследований, включая изучение этнических отношений (Menshikova G.Y. и др., 2018). Как показано в ходе реализации данного проекта, особо значимая роль технологиям VR отводится в обучении (Хозе, 2021), в преодолении состояния тревожности (Аникина, Побокин, Ивченкова, 2021), в клинической психологии (Майтнер Л., Селиванов В.В., 2021), в том числе при редуцировании депрессии (Селиванов, Майтнер, Грибер, 2021), при анимации и создании динамических трехмерных моделей лица аватара (Барабанщиков, Маринова, 2021), наконец, в разработке VR-онтологии (феноменологии, гносеологии) (Барабанщиков, Селиванов, 2021; Аникина, 2021).

Кроме того, исследования по психологии VR проводятся на факультете психологии МГУ, в том числе с использованием комнаты виртуальной реальности (CAVE). Технологии виртуальной реальности широко используются в психотерапии, консультировании и психокоррекции в Европе и США. В 2008 году в Брюсселе (Бельгия) была основана международная ассоциация кибер-терапии и реабилитации, которая издает журнал «Кибер-терапия и реабилитация». В Европе издается еще один

авторитетный журнал «Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking» («Киберпсихология, поведение и социальные сети»), являющийся официальным журналом Международной ассоциации киберпсихологии, тренинга и реабилитации (International Association of CyberPsychology, Training & Rehabilitation, iACToR). Данное издание является ведущим в сфере изучения воздействия современных цифровых сред на личность и социальные взаимодействия. Журнал выходит каждый месяц, его импакт-фактор составлял 2,347, в нем в течение 5 лет использование термина «виртуальная реальность» увеличивается и частота его употребления за последние 4 года – на первом месте.

В VR-среде можно смоделировать практически любой по сложности предмет, большинство из существующих социальных, общественных объектов. Такие культурные объекты обладают смыслопорождающей функцией для личности, потому что человек взаимодействует с ними в личном опыте. Такие сложные культурные объекты стали доступными для экспериментального исследования в психологии.

Независимые переменные для экспериментальной реализации положений основных школ в отечественной и зарубежной психологии обеспечиваются VR-технологиями. Они способны реализовать содержание основных трех основных научных школ в современной психологии (культурно-исторической теории Л.С. Выготского (моделируя содержание высших психологических функций); субъектно-деятельностного и деятельностного подходов к изучению психического С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева (моделируя действия с информационными объектами и предоставляя эту возможность пользователю); системного и системно-структурного подхода Б.Ф. Ломова, В.А. Барабанщикова (моделируя системное содержание объекта (в том числе, и физиологическое) и множественную детерминацию психического)).

Принципиально новые возможности для визуализации и интерактивности обеспечивают более современные шлемы VR – vive

(высокое разрешение изображения, отслеживание не только поворота головы, но и движений человека и др.). За отчетный год реализации проекта использованы новые шлемы vive: Cosmos, Cosmos Elite и Pro Full Kit. Влияние виртуальных динамических сцен на психику изучено комплексно: как через системную структуру психических состояний (физиологическое содержание, психофизиологическое, психологическое), так и через системное представление о содержании креативности – вербальную, невербальную. Научная актуальность и новизна этих разработок определяется тем, что это некоторые итоговые, завершающие разработки онтологии. Психические состояния – это последняя форма психического, которая слабо задействована в изучении влияния VR на психическое (наряду со свойствами, познавательными процессами). Перцептивные, виртуальные события смоделированы в натуральном, ситуационном, апперцептивном и имидженарном планах (системный подход) не только программистом, но и участником.

Проведенные экспериментальные исследования нами в этом году о влиянии VR высшего уровня на психические состояния имеют существенную практическую значимость при решении проблемы о необходимости закупки гарнитур VR для учебных заведений, определении временных, возрастных границ при работе с VR, сфер использования VR-технологий в системе образования. Экспериментальные исследования в 2021 году о влиянии VR высшего уровня на психические состояния продемонстрировали возможность существенного изменения психических состояний. Даже непродолжительная работа субъекта в дидактических программах в VR с использованием современных шлемов обеспечивает существенные изменения (увеличение показателей) по следующим шкалам – активации, тонуса, самочувствия, эйфории. Такие состояния, как самочувствие, обычное настроение, спокойствие остаются устойчивыми в иммерсивной дидактической VR. Доказано (119 чел.), что после использования VR-программ учащиеся отличаются большей готовностью

действовать, активностью, стремлением преодолевать препятствия, у них ярче выражен оптимистичный настрой и жизнерадостность по сравнению с выполнением аналогичной работы на обычных мониторах. Это важные результаты для системы образования, для организации учебно-воспитательного процесса.

Научная значимость работы заключалась в раскрытии базовых закономерностей влияния настоящей виртуальной реальности на психические состояния. Она определялась и тем, что впервые в мировой практике исследовалось влияние самых современных средств ВР (шлемов *vive cosmos*, *cosmos elite* и др.) на состояния учащихся юношеского возраста. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты определяют ответы на прикладные вопросы о необходимости использования ВР-оборудования высшего уровня в системе образования, а также в том, что при реализации госзадания созданы высоко технологичные, эффективные дидактические и тренинговые программные продукты под гарнитуру шлемов *vive*.

В Европе и США использование технологий ВР активно осуществляется в психотерапевтической практике, в обучении, в психологическом консультировании и психокоррекции.

Взаимосвязь ВР и психических состояний субъекта осуществлена через совмещение трех базовых в современной отечественной психологии подходов с экспериментальными изысканиями (характерно для постнеклассического развития науки). Системно-структурный, субъектно-деятельностный, культурно-исторический подходы отчасти сами привели к созданию ВР, их основные положения реализуются в созданной виртуальной онтологии.

Применение синтетической модели трех основных подходов в отечественной психологии было реализовано через фиксацию действий в ВР, развертыванием познавательной деятельности в дидактических программах (субъектно-деятельностный подход), через использование

опосредствованных знаковых моделей социально-детерминированных объектов (культурно-исторический подход), через рассмотрение многоуровневой структуры психических явлений (системно-структурный подход). Это позволило обнаружить даже незначительные, микроизменения психического, которые происходят в ВР далеко не во всех компонентах психологической организации. Здесь осуществлялась ориентация на два принципа в отечественной психологии – принцип развития и процессуальности (Панов В.И.). Сама ВР представлена системно: в качестве многоплановых 3D объектов; анимации, интерактивности и разных степеней эффекта присутствия.

ВР-онтология имеет собственную специфику, которая проявляется в ее большей подвижности, динамичности, существенной зависимости от субъективных качеств создателя и пользователя. Такая онтология не просто отражается мышлением и процессами личности, но личность вносит в нее смыслы, добавляет свое сознание (и тело) в информационный мир (т.е. регуляцию, деятельность, рефлексию), конструирует информационные объекты из личного опыта, в соответствии с личностными смыслами. В этом отношении, виртуальная реальность – это апофеоз конструктивизма (Петренко В.Ф.).

Вероятно, целесообразно для изучения психических состояний в ВР, использовать дифференцированную модель виртуальной реальности, которая содержит разные уровни иммерсивности. В.В. Селивановым были выделены три таких уровня. Наиболее узнаваемым и часто используемым оборудованием для осуществления высокого уровня ВР являются шлемы. С их помощью реализуется второй вид виртуальной реальности – НМД – ВР. В нашей работе по производству и испытанию виртуальных объектов для изучения влияния ВР-среды на личностные свойства, мышление человека использовались два распространенных сейчас шлема ВР: 1) eMagin Z800 3D Visor; 2) vive (фирмы HTC (Гонконг)).

Было выделено 3 уровня ВР-ситуаций, которые предъявлялись испытуемым в зависимости от сложности использованного оборудования.

1 уровень. Предъявление VR-программ осуществлялось через 3D мониторы. Сами VR-программы могут идти и при показе их содержания через мониторы, но высокая интерактивность. Анимация сохраняется, а также 3D объекты-ситуации.

2 уровень. Он реализуется с помощью кардбордов и /или шлема eMagin Z 800 3D Visor (регистрируются только повороты головы). работает с любой программой (как второй монитор) при соблюдении несложных требований к характеристикам компьютера, он работает с любой 3D программой, т.к. использует встроенные возможности драйвера видеокарты для создания стереоизображения, более того, eMagin Z 800 автоматически определяет 3D стереовидео. Доступно и использование поворота головы (через гироскоп) в том числе и в качестве аналога мышки. Экраны шлема имеют разрешение 800x600у частоту обновления 60 Гц и угловые размеры 40 x 60 угл. градусов. При работе с eMagin Z 800 перед пользователем проецируется прямоугольный белый экран на расстоянии (как в кинотеатре), на котором разворачивается изображение. Этот уровень является полноценной настоящей VR, особенно по анимации. Интерактивности, вовлеченности. Современные кардборды способны удерживать смартфоны в полноэкранном режиме и даже имеют гироскопы. Главное для полноценной VR использовать программы под них, написанные с раздвоенным изображением.

3 уровень. Предъявление VR-программ осуществлялось через шлемы vive. В vive используется Full HD экран OLED разрешение общее: 2880x1600 / на каждый глаз: 1440x1600; частота обновления 90 Гц; угол обзора 110°. В этом году фирма HTC сменила всю линейку продаж шлемов, было закуплено это современное оборудование. В экспериментах использовались три модели оборудования: шлемы vive cosmos; vive cosmos elite, vive Pro full kit.

Шлем располагается между станциями, которые синхронизируют свое и его инфракрасное излучение, за счет этого осуществляется регистрация и

учет передвижения субъекта в виртуальной среде. Шлем работает при сопровождении ресурса Steam в Интернете. Быстрое передвижение в VR ситуации реализуется с помощью двух контроллеров (флайстиков): пользователь направляет из флайстика луч в зону виртуальной сцены, субъект оказывается в этой точке.

Обратите внимание, что данные уровни отражаются в разном по сложности и техническим характеристикам оборудовании.

Технически виртуальная реальность сделана так, что позволяет создать голограммы объектов, но с действиями и в целом трехмерную ситуацию, формируемые современными технологиями компьютерного моделирования и компьютерной имитации, позволяющими в сочетании с аппаратно ускоренной трехмерной визуализацией реалистично отобразить на экране движение объектов и обеспечить реагирование на взаимодействие с субъектом. Это создается прежде всего за счет использования возможностей специального аппаратного модуля – видеокарты или графического процессора с высокими характеристиками. За счет использования технологий VR личность усиливает или уменьшает возможности различных видов восприятия (зрительного, слухового, обонятельного, осязательного (гаптического), вибрационного, гипотетически экстрасенсорного). По нашим данным, функционально, т.е. на уровне микроизменений модифицируются некоторые познавательные процессы, ситуативные личностные черты (незначительно), сквозные характеристики психического отражения (например, когнитивные стили), рефлексивность, познавательная мотивация, бессознательные склейки, самооценка, депрессивность, страхи.

Микроизменениям, иногда существенным под влиянием непродолжительных VR-программ, подвержены психические состояния и креативность (способность к творчеству). Ряд исследователей прогнозирует возможность формирования новых физических, интеллектуальных и творческих возможностей, компенсации физических, психологических недостатков, исцеления от некоторых заболеваний, создания мета вселенной

со сложными аватарами (высоко индивидуальными, своеобразно мыслящими субъектами), возможность нетрадиционного перемещения в пространстве и во времени в развитой ВР.

Степень иммерсивности, погружения человека в ВР зависит от уровня организации интерфейса в ВР, включающего в себя четыре основных составляющих (четыре «кита» ВР (Селиванов В.В.): создание высокоинформативного трехмерного цветного изображения с высоким пространственно-временным разрешением, возможность получать при контакте с виртуальной средой обратные сигналы в форме адекватных перцептивных откликов – зрительных, тактильных, звуковых и др., возможность активно воздействовать на состояние виртуальной среды (интерактивность), осуществление виртуальными объектами действий (анимация) в ВР-пространстве; формирование эффекта присутствия, который не перерастает в измененные состояния сознания (исс). Полноценный эффект возникновения виртуальной реальности может быть достигнут только тогда, когда все перечисленные составляющие будут реализованы одновременно в интерактивном режиме системы человек-компьютер.

Микроизменения психических состояний под влиянием дидактических и тренинговых ВР-программ установлено практически на всех уровнях. Кроме того, ВР высшего уровня может непосредственно сказываться на физиологических процессах (которые являются неотъемлемым компонентом психических состояний), что подтверждает наличие ВР-онтологии.

Кратко формулируем полученные результаты о влиянии высоко иммерсивной ВР-среды на психические состояния. Необходимо сформулировать следующие предварительные выводы о влиянии дидактических программ в ВР при использовании шлемов типа vive на психические состояния субъекта.

1. Среди компонентов психических состояний существуют те, которые подвержены изменениям при работе в кратковременных, дидактических ВР-

программах с использованием современных шлемов, существуют т.е., которые остаются относительно стабильными.

2. Такие состояния, как самочувствие, обычное настроение, спокойствие остаются устойчивыми в иммерсивной дидактической VR.

3. Даже непродолжительная работа субъекта в дидактических программах в VR с использованием современных шлемов обеспечивает существенные изменения (увеличение показателей) по следующим шкалам – активации, тонуса, самочувствия, эйфории.

4. Дидактическая VR-среда высшего уровня существенно сказывается на переживании личности эффекта присутствия, увеличивая его степень даже при непродолжительном действии.

Результаты проведенных экспериментов свидетельствуют, что при работе в дидактической VR высшего уровня психические состояния изменяются гораздо эффективнее, чем личностные черты, которые в целом являются устойчивыми. Данные существенные изменения за короткий промежуток времени свидетельствуют, что современная VR несет в себе функции онтологии, бытия. VR необходимо рассматривать дифференцированно: в зависимости от физических показателей предъявляемых объектов, от реализации анимационных, интерактивных ресурсов, от степени иммерсивности VR оказывает влияние на психические состояния субъекта. Очевидно, промежуточное положение психических состояний между личностью и познавательными процессами, предопределяет возможность через изменение состояний изменять личность и процессы.

В проведенном исследовании были получены эмпирические данные, которые позволили выявить особенности психических состояний у обучающихся юношеского возраста, продуцируемые краткосрочной работой с VR-дидактическими программами (15-23 мин.) с использованием VR-технологий различного уровня. Было показано, что в группе участников, которая работала со шлемами vive (высокая степень иммерсивности),

статистически достоверно выражены изменения – повышение значений – в показателях активации, возбуждения, самочувствия и тонуса, а также астении и эйфории. Степень эффекта присутствия в ВР достоверно увеличивается. Можно говорить о том, что применение ВР технологий высшего порядка (шлем *vive*), даже за небольшой период работы с ними, вызывает интенсивные изменения в психическом состоянии обучающихся. Полученные выводы подтверждаются исследованиями, в которых отмечено позитивное влияние краткосрочных обучающих программ в виртуальной реальности на психическое развитие школьников и студентов.

Вызывая изменения в психических состояниях с помощью ВР-технологий высшего уровня, мы получаем мощный источник активации обучающего, повышение его тонуса, более комфортное физическое состояние. В целом, применение ВР-шлемов в образовательном процессе, может стать условием повышения учебной и познавательной мотивации у обучающихся. Аналогичные данные были получены относительно того, что иммерсивная виртуальная реальность значительно увеличивает обучаемость (учитывались два основных показателя погружения – удовольствие и концентрация на познаваемом объекте), они также оказались значительно выше для изучающих иммерсивную виртуальную реальность.

Если раньше считалось, что ВР не обеспечивает уровень эффекта присутствия (только его наличие-отсутствие), то сейчас приведенные результаты экспериментов говорят в пользу возможности формирования разного уровня, различной степени присутствия в ВР, погружения в информационную среду, особенно при использовании современных шлемов. Такого рода данные должны учитываться при решении проблем закупки шлемов ВР в учреждения различных социальных систем, меры использования в данных системах технологий ВР.

Эффективность ВР-программ при влиянии на психические состояния определяется успешным моделированием 3D объектов, высокой анимацией, интерактивностью, изначально заложенных в содержание ВР высшего

уровня. Эти характеристики позволяют использовать гарнитуру ВР в самых разных социальных практиках. Состояния являются одним из сензитивных посредников при изменении личности. Через психические состояния психолог может воздействовать и определять микроизменения личностных и субъектных черт, что выступает важной перспективой работы с состояниями в ВР. Чем выше иммерсивность ВР-ситуации, тем более существенные изменения состояний, а, следовательно, личности, субъекта.

Список литературы

1. *Аникина В.Г.* Рефлексия и виртуальная реальность: от этимологического анализа понятий к пониманию сущностных отношений // Психологическая наука и образование. – 2021. – Том 26. – № 1. – С. 19–26. DOI:10.17759/pse.2021000002
2. *Аникина В.Г., Побокин П.А., Ивченкова Ю.Ю.* Применение технологий виртуальной реальности в преодолении состояния тревожности // Экспериментальная психология. – 2021. – Том 14. – № 1. – С. 40–50. DOI:10.17759/exppsy.2021000004
3. *Барабанищikov В.А., Селиванов В.В.* VR-онтология // Психология когнитивных процессов / Под ред. Селиванова В.В. Смоленск: Издательство СмолГУ, – 2020. – С. 8–19.
4. *Величковский Б.Б., Григорович С.С., Сулим Ю.А.* Длительность фиксации как показатель нагрузки на зрительную рабочую память // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. Интеграция академической и университетской психологии. М.: Издательство "Институт психологии РАН" Институт психологии РАН. – 2016. – С.534–540.
5. *Капустина В.Ю., Зикеева Е.А.* Формирование учебной мотивации и мышления у студентов средствами виртуальной реальности // Экспериментальная психология – 2021 – Том 14 – № 1 – С. 51–63. DOI:10.17759/exppsy.2021000005
6. *Майтнер Л., Селиванов В.В.* Критический анализ использования виртуальных технологий в клинической психологии в Европе (по содержанию журнала «Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking») [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2021. – Том 10. – № 2. – С. 36–43. DOI:10.17759/jmfr.2021000001
7. *Меньшикова Г.Я.* Зрительные иллюзии: психологические механизмы и модели. Дис. ... д-ра психол. наук. М. – 2013 – 301 с.
8. *Селиванов В.В., Майтнер Л., Грибер Ю.А.* Особенности использования технологий виртуальной реальности при коррекции и лечении депрессии в клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2021. – Том 10. – № 3. – С. 231–255. DOI: 10.17759/cpse.2021100312
9. *Селиванов В.В.* Общая психология (опыт построения субъектной психологии). Смоленск: Универсум – 2007 – 60 с.
10. *Селиванов В.В.* Методы виртуальной реальности и их использование в психологии // Психология когнитивных процессов / ред. Мажар Н.Е., Селиванов В.В. и др. Смоленск: Универсум – 2007. – С. 118–123.

11. Селиванов В.В., Капустина В.Ю. Методические рекомендации по работе в виртуальной реальности (со шлемами vive) Москва: Универсум. – 2021. – 30 с.
12. Селиванов В.В. Психические состояния личности в дидактической vr-среде // Экспериментальная психология – 2021. – Том 14 – № 1 – С. 20–28 – DOI:10.17759/exppsy.2021000002
13. Селиванов В.В., Селиванова Л.Н. Познание и личность в виртуальной реальности // Психология когнитивных процессов / Отв. ред. Селиванов В.В. Смоленск: СмолГУ – 2015. – С. 107–121.
14. Селиванов В.В., Селиванова Л.Н. Влияние средств виртуальной реальности на формирование личности // Непрерывное образование: XXI век – 2016. – № 2 (14), (эл. журнал) – DOI:10.15393/j5.art.2016.3128
15. Селиванов В.В., Сорочинский П.В. Механизмы и закономерности влияния образовательной виртуальной реальности на мышление человека // Экспериментальная психология – 2021 – Том 14 – № 1 – С. 29–39. DOI:10.17759/exppsy.2021000003
16. Хозе Е.Г. Виртуальная реальность и образование [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2021. – Том 10. – №3. – С. 68–78. DOI:10.17759/jmfp.2021000002
17. Zinchenko Y.P., Kovalev A.I., Menshikova G.Ya., Shaigerova L.A. Postnonclassical methodology and application of virtual reality technologies in social research. Psychology in Russia: State of the Art, – 2015 – 8(4) – 60–71. DOI:10.11621/pir.2015.0405
18. Menshikova G. The method of testing the ability of allocentric cognitive maps acquisition / I. Lakhtionova, G. Menshikova // Perception. 2013 – Vol. 42 (ECVP Abstract Supplement) – P. 53.
19. Menshikova G.Ya., Kovalev A.I., Luniakova E.G. Studying the influence of race on the gaze cueing effect using eye tracking method. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal], 2017. – №2. – P.46–58. DOI:10.11621/npj.2017.0206
20. Menshikova, G.Ya., Saveleva, O.A., & Zinchenko, Y.P. The study of ethnic attitudes during interactions with avatars in virtual environments. Psychology in Russia: State of the Art, 2018. – №11(1), 20–31. DOI:10.11621/pir.2018.0102

PROSPECTS OF STUDYING PSYCHIC STATES IN HIGH IMMERSIVE VIRTUAL REALITY

Selivanov V.V., Kapustina V.Yu., Denisova E.N.
Moscow State Psychological and Pedagogical University.
Moscow, Russian Federation, Smolensk State University,
Smolensk, Russian Federation

The work is aimed at considering the directions and prospects of studying mental states in virtual reality (VR) of different immersiveness, the influence of highly immersive VR environment on psychic states. Among the components of psychic states there are those that are subject to changes when working in short-term, didactic VR programs using modern helmets, i.e., those that remain relatively stable. Such states as well-being, ordinary mood, calmness remain stable in immersive didactic VR; short-term work of the subject in didactic VR-programs with the use of modern helmets provides significant changes (increase of indicators) on the following scales - activation,

tone, well-being, euphoria. The results of the conducted experiments indicate that when working in didactic VR of the highest level, mental states change much more effectively than personality traits, which are generally stable. States are one of the sensory mediators of personality change. Through psychic states, a psychologist can influence and determine micro changes in personality and subject traits.

Key words: virtual reality, immersiveness, psychic states, personality, subject, training programs.

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ И СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Харитонов И.Ю., Селиванов В.В.
Московский государственный
психолого-педагогический университет (МГППУ)
(г. Москва, Российская Федерация)

В статье представлены результаты психологического анализа феномена «Я-концепции» в виртуальной реальности. Теоретическое исследование отражает различные взгляды на «Я-концепцию» и сетевую идентичность исследователей различных психологических школ и направлений. Эмпирическим путём определена структура «Я-концепции» в сетевом пространстве. Выделены основные компоненты «Я-концепции» в сетевом пространстве.

Ключевые слова: виртуальная реальность, сетевое пространство; «Я-концепция»; «Я-виртуальное»; «Я-реальное»; самоотношение; сетевая идентичность.

Актуальность проблемы. Социальные сети и другие онлайн-платформы стали неотъемлемой частью нашей жизни. Я-концепция – это феномен, направляющий поведение человека к самоактуализации и самореализации. Исследование данного психологического явления в контексте виртуальной реальности позволит изучить основные принципы формирования идентичности людей в интернет-пространстве, а также те изменения в поведении людей, которые могут непосредственно возникать при взаимодействии с VR. В контексте сетевой идентичности, я-концепция может быть изучена на основе того, как человек формирует свой виртуальный образ «Я».

Анализ работ зарубежных (G. Turner, D. Tajfel, K. Aquino, A. Reed, S. Roccas, M.B. Brewer, M. Hogg, D. Abrams, A. Willem, H. Scarbrough, M. Buelens) и отечественных (В.В. Селиванов, Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, А.Е. Войскунский, Е.Л. Солдатова, Т.А. Фленина, И.В. Фролова и др.)

исследователей свидетельствует о том, что в российской психологии большое внимание в первую очередь уделяется особенностям самопрезентации в сети, множественной идентичности, альтернативной идентичности, некоторым функциям и особенностям проявления сетевого поведения при конструировании идентичности в сети, в зарубежных публикациях большое внимание уделяется исследованию теории социальной идентичности, а так же применение ее в различных сферах жизни человека.

Понятие идентичности тесно сопряжено с понятием «Я-концепции» человека. Исследователи (Г.М. Андреева, Э. Эриксон, G. Turner, D. Tajfel и др.) считают, что идентификация является одним из главных механизмов в оформлении я-концепции. Проблемами изучения «Я-концепции» в современном мире занимались такие ученые, как А.А. Шестаков, А.А. Жданов, И.Б. Лебедев и др.

Целью исследования является попытка изучить особенности «Я-концепции» и сетевой идентичности обучающейся молодёжи.

Первый этап работы включает теоретический анализ психологических исследований, раскрывающих сущность феноменов «Я-концепция» и сетевая идентичность.

Основоположником «я-концепции» принято считать У. Джеймса [1, 5]. В его понимании глобальное личностное «Я» представляется как двойственное образование, объединяющее «Я-сознающее» и «Я-эмпирическое» в неразрывной взаимосвязи. Продолжая развивать идеи У.Джеймса, английский психолог, Р. Бернс [1], дифференцирует «Я-концепцию» на ряд структурных компонентов: когнитивный, аффективный и конативный. Другими словами, в структуре «Я-концепции» выделяется образ «Я», самооценка, а также поведенческая реакция, соответствующая образу и его оценке [12]. Таким образом, тенденция выделять структурные компоненты «Я-концепции» закрепились в психологической науке. Большой вклад в это направление внёс К. Роджерс [6]. Учёный начинал с

изучения «Я-концепции» как образа «Я», но постепенно перешел к изучению феномена с функциональной точки зрения, что привело его к определению «Я-концепции», как механизма, контролирующего поведение на пути к самоактуализации [6]. В свою очередь, социологи начала XX века, Ч.Х. Кули и Дж. Г. Мид [1, 5], развивали теорию «зеркального Я» и определили, что именно общество определяет развитие и содержание «Я-концепции». Отмечая тесную связь социальной идентичности с образами «Я», российский психолог, В.С. Агеев [8], отмечает значимость социума в обособлении образа «Я» через членство в различных социальных группах и осмысление принадлежности к ним. Социальная идентичность в свою очередь это в наиболее общем виде характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе [2,3,10].

Преобразования общества XXI века сопутствуют лучшему пониманию феномена идентичности, а также раскрывают ее с новых сторон – «средовая идентичность» и «временная идентичности» [7]. Среда выступает не просто как предметно-пространственная, а приобретает субъективную значимость через нематериальные категории – причастность к месту, аутентичность, дух места [7]. Среда рассматривается как совокупность элементов окружения, обособленных и изученных субъектом в процессе жизнедеятельности таким образом, что между ними образуется сильная связь. Например, российский исследователь, О.И. Генисаретский [4], дает следующее определение взаимодействия человека со средой – «стремление постичь окружение как одну из форм жизненного пространства человека привело к осознанию среды на принципиально ином уровне организации целостностей» [4].

В нашем исследовании мы обращаемся к постулатам средовой психологии и рассматриваем идентичность в виртуальной реальности как один из случаев изучения средовой идентичности. По аналогии с социальными группами, можно выделить нечто подобное в сети – онлайн-сообщества, публичные страницы и др. По аналогии с обустройством среды

своей реальной деятельностью можно провести параллель с персонализацией собственных профилей в сети. Идентичность в сетевой среде представляет собой осознание значимости собственного поведения в ней, и присваивание особой ценности определенным аспектам этого поведения.

Далее следует обосновать применимость термина «виртуальная реальность» в настоящей статье. Обратимся к трудам профессора и доктора психологических наук В.В. Селиванова, в которых автор отмечает следующее: «...виртуальная реальность – это технология человеко-машинного взаимодействия, которая обеспечивает погружение пользователя в трехмерную интерактивную информационную среду» [9, с. 11]. Далее следует определить, что в контексте виртуальной реальности представляет из себя «сетевое пространство» – В.В.Селиванов предлагает выделять три уровня VR – первичный, создающий искусственную реальность без электронных носителей; вторичный, отражающий искусственную реальность при помощи информационных носителей с невысоким уровнем выраженности интерактивности и анимации; высший, наиболее приближенная к обычной реальности искусственная реальность [9, с. 22]. Таким образом, под понятием «сетевое пространство» мы понимаем вторичный уровень VR, отвечающий за человеко-машинное взаимодействие в интернет-пространстве.

На современном этапе развития общества, глобальная мировая сеть не могла обойти такой феномен как «Я-концепция». На первый план в сети выходит виртуальный образ человека, или же виртуальное «Я». Такой образ выступает в роли нового важнейшего инструмента взаимодействия с окружающим миром. Наиболее близкое нам определение виртуального «Я», мы обнаружили в исследованиях Р.И. Зекерьяева, Н.В. Чудовой, Э.О. Расина и Ю.М. Кузнецовой [8, 11]. Авторы постулируют виртуальный образ «Я» как независимый когнитивный компонент в структуре «Я-концепции». Исследователи акцентируют своё внимание на том, что он является промежуточным звеном между «Я-реальным» и «Я-идеальным», так как

общение в сетевой среде, по мнению психологов, является зоной ближайшего развития индивида. Тем самым придавая виртуальному образу «Я» высокую степень осмысленности. В качестве основного инструмента построения виртуального образа «Я», служит процесс самопрезентации.

Материалы и методики исследования

Всего выборка составила 88 человек: 33 юношей и 55 девушек, из которых 60 человек – обучающиеся 3-4 курсов ПОКИ им. Н.А.Римского-Корсакова, 28 человек – студенты 1-2 курса ПсковГУ. В ходе эмпирического исследования были использованы следующие методики: Методика личностного дифференциала, адаптированная сотрудниками психоневрологического института им. В.М. Бехтерева; Тест Куна – Макпартленда (Модификация Т.В. Румянцевой); Диагностика самооффективности – Методика Маддукса и Шеера (Перевод теста и модификация Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского); Методика исследования самоотношения С.Р. Панталева; Авторский опросник «Сетевая идентичность».

В ходе психометрической проверки собственной методики надежности авторской методики по всем критериям были получены удовлетворительные результаты. В 2022 году опросник прошёл пилотажное исследование на выборке в 101 человек. Были получены следующие показатели сетевой идентичности – фактор второго порядка под названием «реальность самопрезентации», включающий когнитивно-поведенческий компонент, временную обусловленность проведения времени в сети и управление впечатлением; и фактор второго порядка «компенсаторно-защитный аспект сетевой идентичности», включающий компоненты эмоциональной стабилизации посредством VR и компенсаторного аспекта.

Результаты и обсуждение

Результаты описательной статистики показали, что значительное число студентов имеет средний (50,1 %) и высокий (23,9 %) уровень сетевой идентичности. Это говорит нам о том, что значительная часть обучающейся

молодежи в настоящее время проводит время в сетевом пространстве, формирует свой виртуальный образ «Я», использует виртуальную реальность в целях поддержания своего эмоционально-психологического состояния в норме и т.п. Что подтверждает актуальность нашего исследования.

Следующим этапом работы стал факторный анализ, объясняющий структуру взаимосвязей внутри набора наблюдаемых переменных «Я-концепции» и сетевой идентичности.

На рис. 11, мы изобразили основные полученные факторы, объясняющие 66,5% совокупной дисперсии.

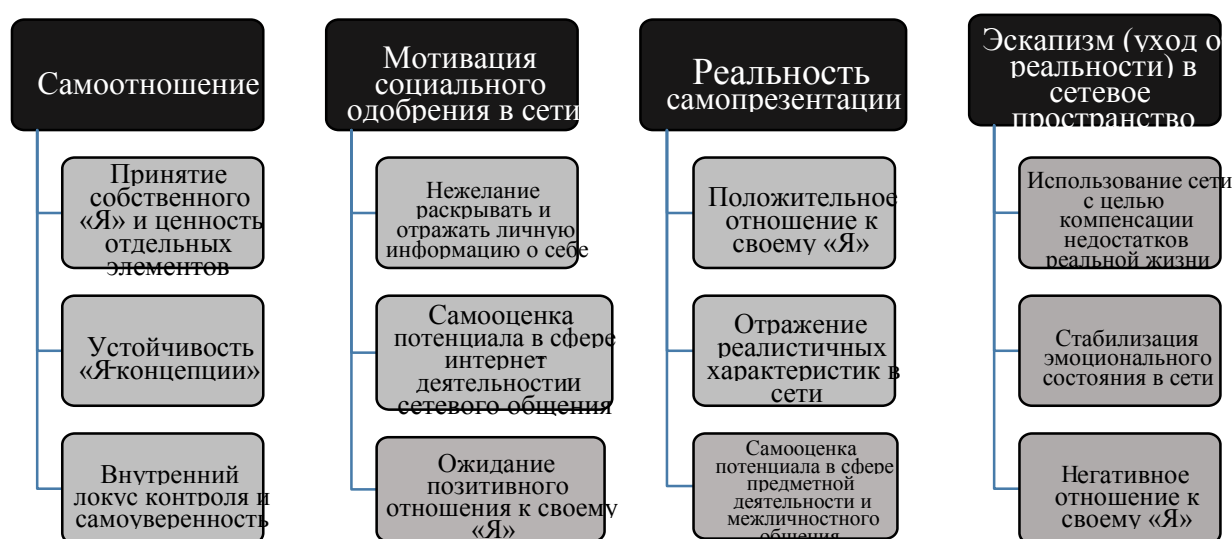

Рис. 11. Результаты факторного анализа компонентов я-концепции и сетевой идентичности

Первый фактор, объясняющий 23,6% совокупной дисперсии, был проинтерпретирован нами как «Самоотношение». Он включает в себя сампоринятие (0,827), саморуководство (0,809), самоуверенность (0,722), положительная оценка качеств «Я» (0,638), самооценочность (0,617). Данный фактор включает в себя преимущественно показатели МИС С.Р.Пантелеева. Чем выше данный показатель, тем более положительный взгляд на себя имеет человек, тем более он удовлетворен собственной «Я-концепцией», имеет внутренний локус контроля, что позволяет ему считать себя основной собственными достижениями.

Второй фактор, объясняющий 19,2% совокупной дисперсии, был проинтерпретирован нами как «Мотивация социального одобрения в сети». Он включает в себя закрытость (0,842), отраженное самоотношение (0,502), положительная оценка качеств «Я» демонстрируемых в сети (0,468), самооффективность в сетевом пространстве (0,644). Данный фактор предположительно отражает один из принципов сетевого поведения, о котором говорили такие исследователи как А.Е.Войскунский и Е.П.Белинская [2,3], – анонимность пользователей в сети, которая предполагает легкость скрывания личных данных о себе в процессе использования интернета. Чем выше уровень данного показателя, тем в выше степень ожидания позитивного отношения к образу человек, что в свою очередь повышает самооффективность в сети, но также и провоцирует человека отражать только ту информацию о себе, которая в большей степени является социально одобряемой.

Третий фактор, объясняющий 15,4% совокупной дисперсии, был проинтерпретирован нами как «Реальность самопрезентации». Он включает в себя оценку активности реального «Я» (0,803), оценка волевых качеств реального «Я» (0,651), самоуважение и принятие реального «Я» (0,549), самооффективность (0,606), «Идеализирование самопрезентации» (-0,588). Данный фактор также отражает некоторые аспекты сетевого поведения человека – управление впечатлением и реальность самопрезентации. Чем выше уровень данного показателя, тем более реальный образ человек демонстрирует в сетевом пространстве, что говорит об удовлетворенности собственной «Я-концепцией».

Четвертый фактор, объясняющий 8,3% совокупной дисперсии, был проинтерпретирован нами как «Эскапизм (уход от реальности) в сетевое пространство». Он включает в себя компенсаторно-защитный аспект сетевой идентичности (0,892), самообвинение (0,492), внутренний конфликт (0,442). Данный фактор отражает потребность человека в использовании сетевого пространства для компенсации недостатков реальной жизни.

Наличие отрицательных эмоций, несогласий с собственным «Я», внутренних конфликтов мотивируют человека выходить в интернет с целью стабилизации эмоционального состояния, либо для разрешения неразрешенных проблем при помощи возможностей сетевого пространства. Чем выше показатель, тем ярче выражена погруженность человека в сетевое пространство для получения эмоциональной защиты, либо возмещения «недостатков» реальной жизни. Если данный показатель располагается на умеренном уровне, можно говорить о том, что человек обращается к сети, не столько с целью компенсации и защиты, сколько с целью дополнения и расширения возможностей реальной жизни, а также с целью обогащения и профилактики собственного психологического состояния положительными эмоциями. Низкий уровень характерен для тех людей, которые не имеют негативного отношения к собственному «Я», а сетевое пространство используют не в компенсаторно-защитных целях, а для других, требующих дальнейшего изучения, целей нахождения в сетевом пространстве.

Выводы

На основе проведенного исследования можно заключить следующее – также, как и в классическом представлении «Я-концепции», можно выделить основные компоненты «Я-концепции» в виртуальной реальности – это когнитивный, аффективный и конативный аспект. В основе когнитивного компонента данного феномена лежит виртуальный образ «Я», который формируется на основе реального образа «Я» человека и его отношении к собственной личности. В основе аффективного компонента сетевой «Я-концепции» лежит общее самоотношение индивида к своей личности – в него входит устойчивость собственных образов «Я», принятие своего «Я», уверенность, самооценность и самооценка как отдельных качеств, так и собственного потенциала в целом. В основе конативного компонента лежит самопрезентация и компенсаторно-защитное поведение в сети. Данный элемент «Я-концепции» в большей степени сопряжен с феноменом сетевой идентичности. Она в свою очередь может выполнять

следующий ряд функций, в зависимости от взаимодействия прошлых двух компонентов сетевой «Я-концепции» – это стабилизация эмоционального состояния, дополнение и расширение жизни возможностями сетевого пространства, контроль впечатления других людей о собственном образе «Я», посредством управления реальностью самопрезентации. С опорой на исследования Т.А.Флениной [11], мы приходим к выводу, что феномен сетевой идентичности является процессом, имеющим два полюса. С одного – слабо выраженная идентичность в сети, способствует обогащению реальной жизни возможностями интернета, созданию инструментального образа «Я» для реализации тех или иных целей, предположительно, без чувства привязанности к данному образу (человек легко может удалить свой профиль). С другого – сильно выраженная сетевая идентичность может быть связана с процессом эскапизма (ухода от реальности) в сетевом пространстве – личность, в связи с наличием внутренних конфликтов и негативного отношения к своему «Я» ищет компенсации в сетевом пространстве, а также поддерживает собственное эмоциональное состояние интернет-контентом, либо взаимодействием с другими людьми в сети. Оптимальным, на наш взгляд, считается средний уровень сетевой идентичности. В таком случае, человек создаёт достаточно реалистичный и комфортный для сетевого взаимодействия виртуальный образ «Я», использует сетевое пространство в целях дополнения собственной жизни, профилактики своего эмоционального состояния и самоактуализации за пределами реального мира.

Список литературы

1. Абдуллин А.Г., Тумбасова Е.Р. «Образ я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии // Психология. Психофизиология. 2012. №6 (265). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ya-kak-predmet-issledovaniya-v-zarubezhnoy-iotechestvennoy-psihologii> (дата обращения: 11.04.2023).
2. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye_issledovaniya_identichnosti-ot-

strukturnoy-opredelennosti-k-protseessualnosti-i-nezavershennosti (дата обращения: 07.02.2024).

3. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: наблюдаемое исследование // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-i-realnaya-identichnost-sravnitelnoe-issledovanie> (дата обращения: 07.02.2024).
4. Генисаретский О.И. Средовой подход в дизайне и архитектуре: содержание и основные моменты. URL: <http://prometa.ru/olegen/6/0/> (дата обращения: 07.02.2024).
5. Завьялова Е.К., Посохова С.Т., Лисовская А.Ю., Соколов Д.Н. Особенности Я-концепции слушателей программ дополнительного обучения в сфере менеджмента // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ya-kontseptsii-slushateley-programm-dopolnitelnoogoobucheniya-v-sfere-menedzhmenta> (дата обращения: 11.04.2023).
6. Луцик М.Ю., Дронго А.В. Модель Я-концепции как процесса оценки опыта // Психолог. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ya-kontseptsii-kak-protseessaotsenki-opyta> (дата обращения: 07.02.2024).
7. Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. Средовая идентичность: содержание понятия // СПЖ. 2015. №58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredovaya-identichnostsoderzhanie-ponyatiya> (дата обращения: 07.02.2024).
8. Расина, Э.О. Взаимосвязь структурных и содержательных компонентов виртуального образа я и ясности я-концепции интернет-пользователей / Э. О. Расина. – Текст: непосредственный // человеческий капитал. – 2022. – № 7. – С. 252-263.
9. Селиванов В.В. Психология виртуальной реальности /под ред. Селиванова В.В. (учебное пособие). Смоленск: Издательство СмолГУ, 2015. - 152 с.
10. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4. С. 27-37. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403>
11. Фленина, Т.А. Смысловая структура сетевой идентичности личности современной молодежи : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Фленина Татьяна Александровна ; Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2016. – 32 с. – Текст : непосредственный.
12. Цариценцева О.П., Бутрова Н.Н. Содержание образа «Я-виртуальное» пользователей Интернет (на примере юношеского возраста) // Концепт. 2014. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-obraza-ya-virtualnoe-polzovateley-internet-naprimere-yunosheskogo-vozrasta> (дата обращения: 07.02.2024).

PECULIARITIES OF SELF-CONCEPT AND NETWORK IDENTITY OF STUDENTS

Kharitonov I.Y.,
Selivanov V.V.

Annotation. The article presents the results of psychological analysis of the phenomenon of «Self-concept» in the virtual reality. The theoretical part is devoted to

the study of «selfconcept» and network identity in various psychological studies. The empirical part is devoted to the analysis of the structure of «self-concept» in a network environment.

Keywords: VR, network environment; self-concept; virtual self-image; self-image; self-attitude; virtual Identity

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ У ЩЕНКОВ В РАННИЕ ПЕРИОДЫ ОНТОГЕНЕЗА

Сотская М.Н.

Московский государственный
психолого-педагогический университет (МГППУ)
(г. Москва, Российская Федерация)

Физическое и психическое развитие детенышей в онтогенезе имеет периодический характер. Каждый из периодов характеризуется определенными особенностями и играет вполне определенную роль в формировании познавательных функций животного. Социальная и сенсорная депривация в эти критические периоды может приводить к необратимым последствиям.

Ключевые слова: онтогенез, неонатальный период, ювенильный период, критические периоды онтогенеза, социализация, депривация.

Индивидуальное поведение животного развивается и формируется с возрастом. Эти процессы подчиняются генетически обусловленным закономерностям онтогенеза. Многие программы поведения включаются в строго определенные периоды онтогенеза, и затем сохраняются до конца жизни, или работают в течение какого-то периода и затухают. Одни формы поведения сменяют другие, но при этом животное накапливает индивидуальный опыт и постепенно приспосабливается к жизни в конкретных условиях, сохраняя при этом определенный характерный для вида репертуар поведения. В развитии животных четко выделяются периоды, характеризующиеся вполне определенными изменениями в физиологии и поведении животных. В каждом из периодов можно выделить фазы, которые характеризуется определенными взаимоотношениями организма со средой и особой чувствительностью к тем или иным ее воздействиям. Они называются *критическими периодами*. Если животное в этот период не встретится с этими факторами, его поведение окажется лишенным каких-то важных особенностей. Правильное видоспецифическое поведение может сформироваться только при нужном сочетании

генетических и внешних факторов, осуществленном в строго определенные периоды. Критические периоды существуют практически для каждого периода онтогенеза. Феномен чувствительного периода есть частный случай более общего явления – существования стадий развития организма, чувствительных к тому или иному внешнему по отношению к данной развивающейся системе воздействию. Существует большое число экспериментальных данных, из которых следует, что действие ряда факторов на развивающийся организм вызывает у взрослых особей значительные и стойкие изменения поведения. К ним относятся раздражители, вызывающие стресс, обеднение или обогащение условий содержания животных, кратковременное воздействие фармакологическими веществами. Изменения затрагивают способность к обучению, уровень двигательной активности, ориентировочно-исследовательских реакций и когнитивной деятельности.

Основные периоды постнатального онтогенеза собаки:

- неонатальный период или период новорожденности;
- переходный или период смешанного вскармливания;
- ювенильный период;
- период полового созревания.

Неонатальный период или период новорожденности

К моменту рождения у детеныша функционируют обонятельный, вкусовой, кожно-температурный и вестибулярный анализаторы. Щенок рождается уже с определенным набором врожденных поведенческих реакций, необходимых для выживания сразу после рождения и являющихся объектами естественного отбора. Первые врожденные, генетически обусловленные, поведенческие реакция, которую проявляет новорожденный – положительная реакция на теплую, покрытую шерстью поверхность и врожденная пищевая реакция. Этот период жизни новорожденного щенка характеризуется, прежде всего, быстрым ростом и совершенствованием врожденных поведенческих реакций. К его концу

детеныши начинают ходить, у них открываются глаза. Совершенствуется поведение – начинаются игры, возникают оборонительные реакции. Длительность этого периода у собак 18-20 дней. Неонатальный период может считаться критическим для формирования ряда важных жизненных функций животного.

Особое значение для нормального развития щенка в этот период имеют тактильные контакты. Детеныши постоянно контактируют друг с другом, мать облизывает их и подталкивает их носом. Специальные эксперименты, связанные с тактильной депривацией, показали, что щенки, выращенные в условиях изоляции с минимумом тактильных контактов, отстают в развитии, у них позже открываются глаза, они позже начинают самостоятельно передвигаться. Именно в этот период у щенка начинают формироваться привязанности к матери, однопометникам, а также и к человеку, который ухаживает за щенками

Большое значение имеет и правильное формирование поведенческих реакций, связанных с питанием.

Эксперименты, проведенные Я. Бадридзе на искусственно выкормленных щенках и волчатах, показали, что врожденные движения лап подсосного детеныша во время сосания, постепенно трансформируются в движения лап, при помощи которых взрослый зверь удерживает большой кусок мяса, отрывая от него куски, которые проглатывает. Волчата, которых лишали этой возможности (экспериментальная группа), формировали эту реакцию с большим трудом, в то время как у контрольной группы никаких проблем с удерживанием крупных кусков не было. Кроме того, у всех животных экспериментальной группы в течение всего периода наблюдений была заметна эмоциональная неуравновешенность, что проявлялось в сравнительно низком пороге оборонительного поведения и частых фрустрациях. Эти особи часто создавали конфликтные ситуации в группе. Волчата и щенки контрольных групп развивались эмоционально нормальными и способны были создать группу с нормальными

социальными отношениями. Как утверждает Я. Бадридзе (2003), животные, выращенные при подобных условиях питания в неонатальном периоде, не могут быть пригодными для дальнейшей их реинтродукции.

Сравнивая различия в уровне эмоциональной уравновешенности между животными экспериментальной и контрольными группами, можно заключить, что из-за невозможности нормальной реализации «реакции массажа лапками молочной железы во время сосания», развивается одновременное тоническое напряжение всех групп мышц передних конечностей, вызывает возникновение в мозгу очагов постоянно высокого возбуждения. Судя по всему, это и стало причиной эмоциональной неуравновешенности животных этой группы. Животные же контрольных групп имели возможность реализации данной реакции, что, по-видимому, и определило нормальное формирование их эмоциональной возбудимости, т. к. у них в мозгу не возникают очаги с постоянно высоким возбуждением.

Таким образом, стереотипная видоспецифическая реакция может правильно сформироваться только под воздействием совершенно определенных воздействий внешней среды. Неонатальный период в значительной мере определяет дальнейшее развитие поведения в пределах нормы или патологии, что имеет особое значение для нормального формирования поведения при искусственном вскармливании хищных млекопитающих.

В частности:

– для формирования оптимального уровня эмоциональной возбудимости большое значение имеет возможность полноценной реализации реакции «массажа лапками молочной железы во время сосания»;

– для исключения высокого порога сенсорного насыщения и, исходя из этого, высокого уровня конкурентных ситуаций в группе во время питания, необходимо условия выкармливания животных максимально приблизить к естественному процессу сосания.

Эти факторы необходимо учитывать и при искусственном выкармливании щенков, оставшихся без матери.

К концу неонатального периода у щенков открываются глаза, они начинают довольно активно самостоятельно перемещаться и заигрывать друг с другом. Первые игры щенков заключаются в покусывании друг друга и в игровой борьбе. Чем старше щенки становятся, тем более активными и разнообразными становятся игры.

Период смешанного вскармливания

Данный период онтогенеза нужно рассматривать в качестве *переходного* (иногда его именно так и называют). Его начало знаменует *появление интереса к пище*, которую потребляют взрослые животные. Этот интерес возникает тогда, когда в пищеварительной системе появляются *ферменты, необходимые для переваривания взрослой пищи* и начинают прорезываться зубы. Одновременно с этим у детеныша появляются *жевательные движения* – до сих пор ответом на любое раздражение ротовой полости было только сосание.

В это время некоторые родители начинают приносить детенышам твердую пищу. Однако, несмотря на прогресс развития, детеныши продолжают потреблять материнское молоко и находиться под опекой родителей. Переход от молочного питания к смешанному осуществляется в период, когда обонятельный, слуховой и зрительный анализаторы детеныша уже достаточно созрели для восприятия и дифференцирования объектов внешнего мира и образования многочисленных условных рефлексов.

По мере совершенствования движений детеныш начинает отделяться от матери и братьев, выходить из гнезда, обследовать окружающее пространство. Правда далеко от гнезда в это время он еще не отходит. В это время у детеныша активно проявляются врожденные ориентировочные реакции, начинают формироваться условные оборонительные рефлексы. У щенков ярко выражено подражание. Они очень легко обучаются, однако эти навыки еще не могут удерживаться в памяти длительное время.

В этот период детеныши еще сильно привязаны друг к другу и к своему логову. Самым важным моментом в формировании их поведения в этот период становится формирование умения общаться друг с другом.

Поэтому этот период является *периодом первичной социализации* (некоторые авторы называют его *первым периодом социализации*). Этот период имеет особое значение для видов, которые сохраняют семейные отношения в течение достаточно длительного времени. Для нормального развития детенышу необходимо получение как можно большей информации и встреч со всевозможным разнообразием окружающей среды. Ограничение движений и различного рода сенсорная депривация в этот период ведет к задержке развития и необратимым изменениям в формировании поведения. Исключительно важную роль в становлении психической деятельности животного и формировании его социального поведения выполняет игровая деятельность.

Активные контакты в виде игры и агрессивных столкновений между щенками начинаются очень рано, часто еще до открытия глаз. Развитие игровой активности идет параллельно с совершенствованием двигательной и ориентировочно-исследовательской деятельности. На данном этапе развития они занимают практически все время бодрствования детеныша. В процессе контактов с членами семьи он интенсивно познает основные “законы общежития”. Общаясь со своими сверстниками, детеныш осваивает законы иерархии. Это происходит и во время совместных игр, и во время борьбы за пищу, лучшее место для отдыха и т.д. Доминирование у детенышей в это время носит характер “качелей”: сегодня – один, завтра – другой, в зависимости от их физического состояния и взаимоотношений с родителями, которые иногда довольно интенсивно вмешиваются в игры и конфликтные ситуации. Большую роль в регуляции поведения растущего детеныша играют положительные и отрицательные эмоции. В этом возрасте щенки сохраняют устойчивый контакт с родителями и собратьями и не удаляются на сколько-нибудь значительные расстояния от гнезда.

Наблюдения за щенками ясно показывают, что в течение первого периода социализации формируется понятие «МЫ». Щенок на всю жизнь запоминает, как должны выглядеть представители того биологического вида, к которым относится он сам. При этом щенок максимально раскрыт для окружающего его мира. Этому времени его жизни свойственно появление и буквально лавинообразное нарастание двух сложных поведенческих комплексов: игрового и неразрывно связанного с ним исследовательского. Количество контактов, в которые может вступать щенок, велико, разумеется, нервная система очень быстро утомляется, но и столь же быстро восстанавливается. Формирование понятия «МЫ» зависит не только от внутренней готовности к этому процессу организма, но и от внешних факторов. Таким образом, процесс социализации на данном этапе развития затрагивает главным образом взаимоотношения внутри семьи. Период первичной социализации затрагивает возрастной период примерно от 2-до 6 недель.

По мере того, как щенки все активнее и активнее осваивают жизненное пространство, они начинают вступать в контакты не только с членами своей семьи, но и с другими собаками. С этого момента начинается **2-й период социализации**. Он продолжается примерно до 14 недель и может смыкаться с первым периодом или перекрываться с ним. Суть периода в формировании индивидуальности в том, что щенок начинает выделять себя из мира прочих существ, приобретает собственное «Я». Резко возрастают активность и самостоятельность. Однопометники уже не стремятся держаться все вместе. Усиливается исследовательская активность: щенок энергично изучает не только предметы и явления окружающего мира, но и возможности собственного тела, в буквальном смысле пытается познать себя. Игровое поведение является чуть ли не преобладающей активностью, приобретая более сложные и разнообразные формы. Игры становятся соревновательными, переходят в борьбу и даже драки за место в щенячьей иерархии.

Иногда оба этих периода объединяют в единый *период социализации*. Важнейшим фактором в формировании поведения детенышей является контакт с родителями, которые иногда довольно интенсивно вмешиваются в игры и конфликтные ситуации щенков. Очень важно, чтобы в этот период щенки общались не только с родителями и однопометниками, но и с человеком, так как именно в этот период у них формируются представления о взаимоотношениях в семье-стае. В случае недостаточного общения заводчика с щенками у них не может сформироваться правильное отношение к человеку. В дальнейшем такие щенки могут сторониться человека, противиться контакту с ним, сопротивляться при попытке взять в руки. В дальнейшем подобных щенков фактически приходится приручать, как детенышей диких зверей.

Важно отметить, что в период социализации щенки осваивают и учатся использовать и понимать генетически детерминированные видоспецифические позы и сигналы доминирования-подчинения. Такой же чувствительный период существует и для формирования нормальных контактов собаки с человеком, основа которых также лежит в особенностях видоспецифического общественного поведения этих животных. Чувствительные периоды, важные для последующей "социализации", у домашней собаки изучены достаточно хорошо. Первой обобщающей работой по генетике и развитию поведения собак была книга американских исследователей Р. Скотта и Дж. Фуллера (Scott, Fuller, 1965).

Социализация растущей собаки активно продолжается и в дальнейшие периоды онтогенеза, вплоть до ее взросления.

Множество наблюдений за выращенными в изоляции щенками, показывает, что в дальнейшем они испытывают большие сложности при общении с себе подобными, так как не понимают многих сигналов.

Таким образом, этот период онтогенеза собаки является критическим для формирования способов нормального внутри семейного общения, а также для понимания и правильного использования мимических и акустических сигналов представителей своего вида

Ювенильный период

Чем дальше детеныш отдалается от гнезда, тем с большим количеством живых и неживых раздражителей приходится ему сталкиваться. Дальнейшая социализация затрагивает уже взаимоотношения с другими представителями своего вида, с представителями других видов и всем многообразием окружающего мира. Короче говоря, он вступает в большое сообщество и должен освоить существующие в нем законы. Этот период называется ювенильным, подростковым или предадультным (периодом, предшествующим взрослению). Он продолжается вплоть до периода полового созревания и является естественным продолжением периода социализации. Все процессы, связанные с формированием социального поведения животного, продолжают. Однако, если в предыдущий период детеныш осваивает в основном правила поведения в семье, то во время ювенильного периода он должен хорошо усвоить нормы поведения в сложном социуме, в котором ему предстоит существовать в течение всей дальнейшей жизни.

В начале ювенильного периода у большинства детенышей начинает проявляться пассивно-оборонительная реакция, резко изменяющая поведение и определяющая все последующие характеристики высшей нервной деятельности. Пассивно-оборонительная реакция у подрастающего детеныша – явление вполне закономерное. В это время он уже во многом самостоятелен, ему приходится сталкиваться со многими объектами и явлениями, которые ему еще не знакомы. Осторожность по отношению к ним вполне нормальна. Иногда такую пассивно-оборонительную реакцию называют юношеской осторожностью. Постепенно, по мере освоения детенышем закономерностей окружающего мира, она уменьшается.

Угашение пассивно-оборонительной реакции на мало значимые признаки фактически аналогично привыканию, которое обеспечивает адекватность реакциям организма, устраняя все лишние, необязательные, не приносящие ощутимой пользы, не затрагивая лишь самые необходимые, что позволяет экономить массу энергии. Животное способно притерпеться к любым воздействиям, с которыми ежедневно встречается на своей территории, и не откликаться на них ни ориентировочной, ни

оборонительной реакциями. Как показывают многочисленные эксперименты, весьма негативную роль для формирования поведения в этот период оказывает сенсорная и социальная депривация.

Оборонительные реакции собак изучены достаточно подробно, как с точки зрения физиологии и генетики, так и с позиции этологии и зоопсихологии.

В течение ювенильного периода происходит становление оборонительного поведения собаки, и начинает активно формироваться половое поведение.

Третий период социализации приходится на возраст 6–10 месяцев и непосредственно связан с активно протекающим половым созреванием. Взросление, собака включается в структуру стаи. В результате это резко осложняет для нее возможность легкой смены социальных партнеров и мирного перехода в другую стаю. В этом периоде чужие собаки уже могут проявлять агрессию к подростку, социальное окружение сужается, количество дружественных связей оказывается ограниченным, для образования новых нужны уже особые условия. Суть третьего периода в том, что собака разделяет мир по признаку «свои» и «чужие», к понятиям «МЫ» и «Я» добавляется «ОНИ». Последние также, безусловно, являются собаками, но собаками, априори могущими причинить вред, с ними надо быть осторожным. Это особенно явно видно на примере собак-парий, когда молодые собаки уже в отсутствие взрослых начинают самостоятельно проявлять агрессию к чужим. Этот этап социализации фактически является завершающим для собаки.

Список литературы

1. *Бадридзе Я.К.* Онтогенез пищевого поведения волка. / Я.К. Бадридзе. – Тбилиси, 1987 – С. 86.
2. *Бадридзе Я.К.* Волк. Вопросы онтогенеза поведения, проблемы и метод реинтродукции. / Я.К. Бадридзе. – М., 2003. – С. 118.
3. *Вавилова И. М., Кассиль В. Г.* Периоды развития в жизни собак // Клуб служебного собаководства. Сб. науч. тр. – 1984. – С. 30–44.
4. *Вавилова И.М., Кассиль В.Г.* Формирование ориентировочно-исследовательского и пассивнооборонительного поведения собаки // Служебное собаководство. – 1989. – С. 1–7.
5. *Гельберт М.Д.* Физиологические основы поведения и дрессировки собак. / М., 2007. – С. 236
6. *Крушинский Л.В.* Эволюционно-генетические аспекты поведения, избранные труды. / Л.В. Крушинский. М., 1991 – С. 272.

7. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности: Эволюционный и физиолого-генетический аспекты поведения. 3-е изд. / Л.В. Крушинский. М., 2009. – С. 270
8. Новоселова С.Л. Развитие мышления в раннем возрасте./ С.Л. Новоселова. М., 1978 – С.160.
9. Сотская М.Н. Зоопсихология и сравнительная психология в 2 ч. Часть 1 учебник и практикум для вузов / М.Н. Сотская. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – С. 223.
10. Сотская М. Н. Зоопсихология и сравнительная психология в 2 ч. Часть 2 учебник и практикум для вузов / М.Н. Сотская. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – С. 401.
11. Тинберген Н. Осы, птицы, люди / Н. Тинберген. – М., 2012. С. 320
12. Фабри, К.Э. Основы зоопсихологии, 3 изд. / К.Э. Фабри. – М., 1999. – С. 464
13. Федорович Е.Ю., Непринцева Е.С. Влияние ранней депривации на психику и поведение собак. // Научный сборник РФСС №3. 2002 г. С. 50-68.
14. Scott J.P. and Fuller J.L., Genetics and the social Behaviour of the Dog,/ J.P. Scott., J.L. Fuller – University of Chicago Press. 1965. – P. 502.

DEVELOPMENT OF COGNITIVE PROCESSES IN PUPPIES IN THE EARLY PERIOD OF ONTOGENESIS

Sotskaya M.N.

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow)

The physical and mental development of cubs in ontogenesis has a periodic character. Each of the periods is characterized by certain features and plays a very specific role in the formation of the cognitive functions of the animal. Social and sensory deprivation during these critical periods can lead to irreversible consequences.

Keywords: ontogenesis, neonatal period, juvenile period, critical periods of ontogenesis, socialization, deprivation.

КАК РЕШАЮТСЯ НРАВСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

Стрижова И.В.

Московский государственный
психолого-педагогический университет (г. Москва)

Стрижова М.Е.

Московский государственный
институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО)

Рассматриваются взгляды ученых на психологический механизм решения нравственных задач. Одни исследователи исходят из того, что индивид выявляет альтернативы решения и выбирает одну из них. Другие, напротив, мыслительный поиск решения не сводят к перебору его вариантов, а рассматривают решение как недизъюнктивный процесс мышления, детерминированный личностными особенностями. Автор ставит перед собой задачу экспериментально доказать предположение о том, что контекст нравственной задачи, содержащий моральную ясность или моральную двусмысленность, влияет на динамику кратковременного эффекта повышения креативности личности.

Ключевые слова: нравственная задача, проблемная ситуация, мораль, нравственность, морально ясная оценка, морально двусмысленная оценка.

Понятие задача в психологии определяется как цель деятельности, данная в определенных условиях и требующая для своего достижения использования адекватных средств [3, с. 162]. При этом одни ученые рассматривают задачу как условие усвоения теоретических положений (Г.А. Балл, Г.С. Костюк и др.), другие как форму усвоения знаний и показатель их эффективности (Д.Н. Богоявленский, Н.Д. Левитов, Н.А. Менчинская и др.), третьи как средство формирования и развития мышления (Л.В. Занков, Е.Н. Кабанова-Меллер, О.К. Тихомиров и др.) [5, с. 44-58].

Мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой под задачей понимают объект мыслительной деятельности, который требуется преобразовать или найти условия для такого преобразования [3, с. 162]. Это становится возможным благодаря обнаружению субъектом мышления (индивидом) явных отношений между известными и неизвестными элементами проблемной ситуации. Сама проблемная ситуация возникает уже в процессе решения задачи, когда субъект мыслительной деятельности принимает её как личностно значимую. Поэтому понятие задача не существует вне мышления, а в процессе её решения происходят изменения как в структуре самого решения, так и в субъекте мышления.

Различают логическую и психологическую структуры решения задач. Первая предполагает, что индивид находит объективно необходимые (логические, осознаваемые) операции, с помощью которых он может постепенно выявить содержание неизвестных элементов задачи и достигнуть решения, то есть логически рассуждая индивид обнаруживает определенные связи между условиями задачи и её целью, между данным и искомым.

Вторая включает не только логические процедуры, но и интуитивные (творческие, неосознаваемые) процессы. На исход решения задачи в этом случае влияют внутренние условия у субъекта мышления. Исследователи указывают на субъективный критерий, благодаря которому происходит

определение – решать или не решать задачу, какую необходимо использовать форму репрезентации для решения, какой общий энергетический уровень затрат может быть выделен на её решение [8].

Психологическая структура решения задачи может не совпадать с логической. Отсюда следуют различия в процессах решения познавательных и нравственных задач. Охарактеризуем психологические механизмы последних.

Психологический механизм решения нравственных задач ученые объясняют по-разному. Большинство исследователей придерживаются той точки зрения, что индивид выявляет альтернативы решения и выбирает одну из них. На принципе выбора построена теория стадий развития нравственного сознания Л. Колберга [6, с. 52-66.]. Поэтому широко распространенным инструментом диагностики морали считаются нравственные дилеммы [9, 10].

Психологи Ю.И. Александров, В.В. Знаков, К.А. Арутюнова также придерживаются этой точки зрения, но при этом четко разграничивают понятия «нравственность» и «мораль», соотнося их со структурами культуры и субъективного опыта.

1. «...мораль может быть сопоставлена с характеристиками наиболее древних и минимально дифференцированных базовых элементов культуры. Эти элементы, находящиеся в основании доменов «хорошего» («правильного») и «плохого» («неправильного») поведения, явились основой для дальнейшей эволюции и дифференциации культуры...;

2. ... нравственность характеризует отношения между элементами опыта, актуализация которых обеспечивает реализацию разных действий индивида. Эта характеристика соотносима с моральной оценкой событий и действий и обобщает множества единиц опыта по критерию этой оценки: приемлемы они или нет» [1, с. 344-345].

Другие, напротив, мыслительный поиск решения не сводят к перебору его вариантов и не рассматривают процесс мышления как равнозначный

выявлению альтернатив. Такое понимание восходит к учению А.В. Брушлинского.

Более трех десятилетий назад А.В. Брушлинский и Л.В. Темнова [4] установили, что при решении нравственных задач индивид опирается на общие моральные установки и прошлый нравственный опыт и поэтому процесс мышления, принятие решений в ситуации морального выбора отличается от мышления в других ситуациях. «В ряде случаев при формальной возможности выбора реально, психологически он не совершается», – пишет Л.В. Темнова [11, с. 6]. В мыслительном процессе решения нравственных задач данные в условии задачи "альтернативы" (способы решения) не анализируются как равноценные или равновероятные.

Каждый этап мышления детерминирован вновь формирующимися внутренними условиями, к которым следует отнести мировоззренческие взгляды, установки, моральные ценности, отступления (иллюстрации и аллегории), личный опыт общения с людьми. Поэтому в процессе решения нравственной задачи у субъекта меняется отношение к каждой из альтернатив. С психологической точки зрения выбора в предложенных моральных ситуациях не происходит. Субъект мыслит процессуально, а не выборочно. Он разделяет в нравственной проблеме интуитивный и рациональный аспекты; соотносит свои нравственные рассуждения с содержанием поступка, идентифицирует себя с участниками ситуации. Темнова Л.В. указывает на личностный аспект мышления как специфическую особенность процесса мышления, но при этом сам процесс мышления имеет относительную свободу при решении нравственных задач.

Этот вывод имеет принципиально важное значение особенно сейчас, поскольку современные междисциплинарные исследования когнитивных и нейрофизиологических основ морали содержат экспериментально подтвержденные данные о том, что моральная оценка как составляющая целостного поведения субъекта сопровождается определенной динамикой

активаций в мозговых структурах, которые связывают с социальным познанием и эмоциями, и что эта динамика обладает особенностями на разных стадиях индивидуального развития [2]. Интуитивный и эмоциональный аспекты моральной оценки преимущественно связываются с психофизиологической активацией нейронов, связанных с актуализацией рано сформированного поведения, авторы называют их «древними» структурами субъективного опыта, а рациональный – с «работой» нейронов более поздно сформированных «новых» систем. Более того, эмоциональная и интуитивная оценки моральной характеристики действия протекают быстрее рациональной оценки.

В зарубежной литературе интуитивные оценки связывают с врожденной универсальной моральной интуицией. Однако, когда респонденты судят о действиях, в которых моральная интуиция внутренне противоречива, суждения становятся более медленными и более обдуманними. Это происходит, когда человек должен нарушить одну моральную интуицию, чтобы придерживаться другой. В вымышленных повествованиях это может быть вызвано неразрешенной моральной дилеммой или историей антигероя [13].

Для примера рассмотрим фильм «Заложница», в котором хороший парень спасает свою дочь. Эта история легко обрабатывается, потому что добро преобладает (т.е. морально ясно). Однако в фильме «Титаник» один из главных героев трагически погибает, в то время как антагонист жив, и фильм в конечном итоге заканчивается неоднозначно. Эта история не так легко обрабатывается, потому что она пронизана моральной двусмысленностью (т.е. добро не преобладает, и истории остаются нерешенными). Таким образом, моральная ясность может быть понята как ситуации, которые вызывают простые, быстрые и интуитивные моральные суждения, а также общее согласие между различными людьми.

Нравственные задачи решаются, как правило, на материале коротких рассказов. Приведем пример такого повествования.

Правосудие Амелии

Амелия всегда была счастливым ребенком. Однажды, когда ей было 8 лет, она перестала говорить. Ее отец Кеннет узнает, что она перестала говорить, потому что ее изнасиловал сосед, и теперь она травмирована страхом. К сожалению, нет достаточных доказательств, чтобы признать его виновным в изнасиловании. Несколько недель спустя Кеннет находится в ресторане со своим другом, и они видят соседа. Они быстро уходят, потому что очень расстроены. На следующий день они узнают, что сосед попал в беду из-за убийства, которое произошло в то самое время, когда они видели его в ресторане. Несмотря на то, что Кеннет и его друг знали, что он не совершал убийства, они действительно хотят, чтобы он получил то, что заслуживает за то время, когда он изнасиловал их дочь.

Морально ясное (однозначное) окончание условия: К счастью, полицейские узнали о «старом» преступлении соседа Кеннета, и его в конце концов посадили в тюрьму.

Морально двусмысленное (неоднозначное) окончание условия: к сожалению, сосед все еще свободен, потому что Кеннет не будет лгать и признается, что видел в ресторане соседа.

Моральная двусмысленность и моральная ясность оценки ситуации требуют различных умственных затрат. В первом случае субъект мышления приложит значительно больше интеллектуальных усилий, чем во втором. Поэтому логично предположить, что индивид с морально ясной позицией (как социально одобряемой, так и, к сожалению, осуждаемой обществом) направит свои когнитивные действия (интеллектуальный потенциал) на решение, к примеру, креативных задач. И в этом плане его креативные решения окажутся более оригинальными и уникальными, чем у людей с морально двусмысленной позицией. Отсюда наблюдаем две противоположные позиции в вопросе о взаимосвязи морали и креативности: одни утверждают наличие положительной связи, в то время как другие её отрицают [10, 12].

Выводы.

1. Нравственная задача решается по особым психологическим механизмам, отличным от решения познавательных задач.

2. На исход решения нравственной задачи значительное влияние оказывает субъективный опыт индивида.

3. Неоднозначным остаётся вопрос о том, как принимает нравственное решение индивид: путем перебора альтернатив и выбора одной из них или совершая сложный мыслительный процесс, каждый этап которого личностно детерминирован.

Перспективы дальнейшего своего исследования мы связываем с проверкой гипотезы о том, влияет ли контекст нравственной задачи, содержащий моральную ясность или моральную двусмысленность, на динамику кратковременного эффекта повышения креативности личности.

Список литературы

1. Александров Ю.И., Знаков В.В., Арутюнова К.Р. Мораль и нравственность. Обоснование эмпирического исследования разных групп современного российского общества // Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. - М., 2010. – С. 338-357.
2. Арутюнова К.Р., Созинова И.М., Александров Ю.И. Мозговые основы моральной оценки действий // Современная зарубежная психология. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 67-81. – DOI 10.17759/jmfp.2020090206.
3. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. - СПб, 2003. - 672 с.
4. Брушлинский А.В., Темнова Л.В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. – М.: Издательство "Институт психологии РАН", 1993. – С. 45-56.
5. Бухарова Г.Д. Основные понятия теории решения задач и теории обучения решению задач // Образование и наука. 2011, №3(82), с. 44-58.
6. Гулевич О.А. Основные стадии моральной социализации // Психология нравственности / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М., 2010. – С. 52-66.
7. Ениколопов С.Н., Бочкова М.Н., Мешкова Н.В., Мешков И.А. Адаптация опросника моральной идентичности на российской выборке [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2023. Том 15. № 3. С. 115–134. DOI:10.17759/psyedu.2023150308
8. Коровкин С.Ю. Психологическая структура задачи и актуальная модель ситуации // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 2(16). – С. 118-122.
9. Стрижова И.В. Влияние интерактивных технологий на динамику формирования нравственной надёжности у молодёжи // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 4. – [URL:https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN422.pdf](https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN422.pdf)

10. *Стрижова И.В.* Психологическое содержание нравственно-правового воспитания старшеклассников и студентов // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию, Москва, 05–06 июля 2021 года. – М: Психологический институт Российской академии образования, 2021. – С. 159-164.
11. *Темнова Л.В.* Специфика мыслительного процесса решения нравственных задач: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – М., 1991. – 20 с.
12. *Shen W. et al.* A Theoretical and Critical Examination on the Relationship between Creativity and Morality // *Curr Psychol.* 2019. Vol. 38. P. 469–485.
13. *Courtney Guitar Morgan, B.S.* Morality and Creativity Part 1. Thesis. The University of Texas at Austin, 2016. 37 p.

HOW MORAL PROBLEMS ARE SOLVED

Strizhova I.V.
Strizhova M.E.

In the article considered the views of scientists on the psychological mechanism of solving moral problems. Some researchers are convinced that an individual identifies a decision from alternatives and chooses one of them. Others, on the contrary, do not reduce the mental search for a solution to an enumeration of its options, but consider the decision as a non-disjunctive thinking process determined by personal characteristics. The author sets to himself the task to prove experimentally the assumption that the context of a moral task, which contains moral clarity or moral ambiguity, influences on the dynamics of the short-term effect of increasing individual creativity.

Keywords: moral task, problematic situation, morality, ethics, morally clear assessment, morally ambiguous assessment.

CASA ИЛИ ПАРАСОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛОЖЕНИЕ ДИАЛОГОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В ПСИХОЛОГИИ

Шамшев А. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация

Основной целью работы выступает рассмотрение различных подходов, с помощью которых описывать диалоги между человеком и искусственным интеллектом (ИИ). Искусственный интеллект в 2022-2023 годах переживает резкий взлёт популярности.». Что такое человек, чем человек отличается от компьютера? Как должны взаимодействовать человек и компьютер? Как следует относиться к мыслящей машине – как к Созданию крупнейших генеративных нейросетей: ChatGPT, LLAMA Stable Diffusion, Midjourney – вновь поставило человечество перед вопросами, которые задавались с самого создания «мыслящих машин социальному актору, разумному существу или как к инструменту? На эти вопросы во многом предстоит отвечать именно психологии. На \эти вопросы осуществляются краткие ответы в статье на основе междисциплинарного подхода, анализа литературы.

Ключевые слова. Социальная психология, психология мышления, психология искусственного интеллекта, искусственный интеллект, парадигма CASA, теория парасоциальных отношений.

Теория социального реагирования и экспериментальная парадигма CASA

Историческое развитие подхода. Экспериментальная парадигма CASA – «Computers are social actors» была сформулирована в одноименной статье 1994 года исследователями Нассом, Штайером и Таубером [11].

CASA предполагает, что в большинстве исследований социального взаимодействия человек – компьютер, нет принципиальной разницы между системой «человек – компьютер» и «человек – человек». Для проверки этого положения необходимо.

1. Взять социально-психологическую дисциплину или теорию.
2. Заменить в её изложении слово “Человек” на слово “Компьютер”.
3. Заменить в методе исследования одного из людей на компьютер.
4. Предоставить компьютеру характеристики, присущие человеку:
 - а) языковой вывод; б) возможность отвечать, основываясь на множественных входных данных; в) выполнение ролей, традиционно выполняющихся людьми; г) создание звучащих по-человечески голосов.
5. Проверить, сохраняется ли верность выводов изначальной социально-психологической теории.

В ходе ряда экспериментальных проверок было подтверждено, что.

1. Социальные нормы применяются пользователями к компьютерам.
2. Понятия «Я» и «Другой» применяются пользователями к компьютерам.
3. Голоса, синтезируемые компьютером, воспринимаются как голоса социального актора.
4. Пользователи присваивают компьютеру гендерную идентичность.
5. Пользователи не рассматривают компьютер как средство социального взаимодействия с программистом.

На основании этого был принят главный постулат парадигмы CASA: отношения между человеком и компьютером являются социальными, и, соответственно, все экспериментальные методы социальных наук применимы к исследованию систем человек-компьютер.

В последующие годы было проведено значительное число CASA-исследований. За 30 лет, прошедших с публикации, статья была процитирована более 2300 раз.

Парадигма CASA развилась в, так называемую, *теорию социального реагирования*. В 2000 году, в статье «Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers» [12] Насс и Мун закладывают основные постулаты этой теории. Эти постулаты следующие.

1. Люди применяют человеческие социальные категории – такие как пол, возраст и даже этническую принадлежность к компьютерам.
2. Люди используют социальные модели поведения по отношению к компьютерам.
3. Люди делают это неосознанно (*mindless*).

В ходе дальнейших исследований было выяснено, что имеют значение для правдоподобности социального сигнала: наличие «виртуального аватара» собеседника [18], выражение лица [17], используемые шрифты [1].

Важно также и время отклика – причём оно не должно быть не только слишком долгим, но и слишком быстрым.

В 2020 году Гамбино, Фокс и Ратан издали статью «Building a stronger CASA: Extending the computers are social actors paradigm» [4], в которой парадигма CASA была расширена.

В этой работе вводится понятие *медиа-агентов* – таких машин, которые воспринимаются человеком как социальные агенты, и, соответственно, входят в парадигму CASA. Такие отличаются от машин, которые не вызывают у человека социальных реакций.

Исследователи отмечают, что за три десятилетия, прошедшие с возникновения оригинальной CASA, в человеческом обществе произошли серьёзные изменения. Люди получили достаточный опыт пользования компьютерами, выработали специфические поведенческие паттерны относительно машин.

Изменились и сами технологии: стало значительно больше «антропоморфных». Компьютеры приобрели голосовые интерфейсы,

человекоподобные аватары и иные черты людей. Такие компьютеры чаще вызывают эффекты в рамках парадигмы CASA.

Было обнаружено, что у людей, которые взаимодействуют с медиа-агентами чаще, со временем снижаются социальные проявления относительно них. Отношения становятся более утилитарными. Так, в исследовании обучения детей с помощью роботов, было продемонстрировано, что за два месяца количество социальных проявлений (измерялись взгляд, выражение лица, вербальный ответ и жесты) сократились в среднем на десять процентов [15].

В целом, из анализа литературы, посвящённой CASA за тридцать лет, авторы делают вывод, что люди научились распознавать медиа-агентов, и больше не реагируют на них «бездумно», как во времена изначального выдвижения парадигмы CASA. Однако, персонализация и дополнительная антропоморфизация машин на стадии их разработки, повышает количество социальных проявлений.

Авторы указывают на необходимость учета времени и частоты взаимодействия человека с машиной при проведении исследований в рамках CASA. Время, согласно их подходу, к расширению парадигмы, является ключевым фактором, и главным методом CASA-исследований должен стать лонгитюд.

Современное состояние подхода. Теория социального реагирования используется при осмыслении современного информационного пространства. Так, отмечают её значимость в процессе «бесшовного обучения» [14] – столкновения человека с непрерывным потоком информации в интернете.

Согласно подходу теории социального реагирования, компьютер способен запускать социальные процессы без необходимости присутствия других людей [10], что может быть полезно в образовательной деятельности.

Подход используется и в фундаментальных исследованиях, касающихся исследования парасоциальных [13] и социальных отношений.

Теория парасоциальных отношений и парасоциальных взаимодействий

Теория парасоциальных взаимодействий (PSI) возникла в 70-е годы и развивалась по большей части в контексте изучения отношения людей к персонажам телепрограмм. В последние 20 лет, однако, наблюдается рост интереса к исследованию парасоциальных отношений третьего порядка – отношений с заведомо вымышленными персонажами, которые не имеют аналогов в реальной жизни.

Под парасоциальным взаимодействием понимают ненастоящее чувство взаимного осознания, которое возникает только во время воздействия медиа-контента на человека [3]. В 1956 году, создатели этого термина, Хортон и Уолл определили его как «симулякр разговорного взаимодействия» («*simulacrum of conversational give and take*») [7].

Парасоциальными отношениями же называют долгосрочную связь, которая зарождается во время воздействия, но выходит за рамки этого воздействия и может развиваться без парасоциальных взаимодействий.

Следуя этому определению, можно рассматривать ситуацию диалога человека и нейронной сети как парасоциальное взаимодействие: у человека при разговоре возникает ощущение, что нейросеть понимает, что он говорит и формируется ощущение, словно нейросеть ведёт осмысленный, осознанный диалог.

Общение между человеком и нейросетью задействует одновременно все уровни парасоциальных отношений: так, PSI первого порядка – обращение персонажа к человеку возможно, поскольку ИИ может задавать вопросы [2].

PSI второго порядка происходят, когда у человека нет сомнений в том, что фигура является вымышленной, но у неё есть физический аналог и это реальный человек. В случаях, когда ИИ берет на себя роль реального человека, то эти отношения подходят именно под PSI второго порядка.

PSI третьего порядка – это отношения с заведомо вымышленными фигурами, у которых нет аналогов в реальной жизни. ИИ, берущий на себя роль заведомо вымышленных фигур, вступает в PSI третьего порядка.

Парасоциальные взаимоотношения в первое время изучались исключительно в контексте отношения людей к теле-персонажам, изучались PSI первого и второго порядка. Большой рост исследований PSI третьего порядка возник в последние двадцать лет.

В исследовании от 2021 года термины фиктофилия, фиктосексуальность и фикторомантичность (*fictosexuality*, *fictoromance*, and *fictophilia*) декларируются как «внезапно набравшие популярность» [9]. В этом исследовании изучается феномен *фиктофильского парадокса* – любовь и одновременное четкое осознание вымышленности, нереальности объекта любви.

Ingram&Lockett в своём исследовании [8], с применением шкалы Tsay&Bodine [16], подтверждают, что возможна любовь и к персонажам, представленным *исключительно* в виде текста, что позволяет рассматривать текстовые нейросети в разрезе теории парасоциальных отношений.

В разрезе теории парасоциальных отношений, искусственный интеллект может рассматриваться как специфическая форма парасоциальных отношений с обратной связью. В таком случае, имеет смысл задуматься над расширением или созданием таких категорий как «Парасоциальный диалог» или «Парасоциальный коммуникативный акт».

Выводы

Существует два параллельно развивающихся подхода. Один из них постулирует, что если один из участников отношений не существует, либо принципиально недоступен, то такие отношения – парасоциальные.

Второй подход предполагает, что взаимодействия с достаточно антропоморфным компьютером являются социальными, поскольку поведение человека в этих ситуациях идентично поведению в социальных отношениях.

Общение между человеком и искусственным интеллектом в некотором роде подходит в оба подхода – это общение и, в некоторых случаях, развивающиеся отношения с тем, кого не существует. При этом это

взаимодействие между человеком и антропоморфизированным компьютером, что делает этот диалог одновременно предметом рассмотрения как теории парасоциальных отношений, так и теории социального реагирования и парадигмы CASA.

Список литературы

1. *Candello H., Pinhanez C. and Figueiredo F.* (2017), “Typefaces and the Perception of Humanness in Natural Language Chatbots” //Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '17), ACM, Denver, CO, USA, pp. 3476–3487.
2. *Cohen J.* (1999). Favorite characters of teenage viewers of Israeli serials //Journal of Broadcasting and Electronic Media, 43, pp. 327–345.
3. *Dibble J. L., Hartmann T., Rosaen S. F.* Parasocial interaction and parasocial relationship: Conceptual clarification and a critical assessment of measures //Human Communication Research. 2016. Т. 42. №. 1, pp. 21-44.
4. *Gambino A., Fox J., Ratan R. A.* Building a stronger CASA: Extending the computers are social actors paradigm //Human-Machine Communication. – 2020.Т. 1, pp. 71-85.
5. *Giles D. C.* Parasocial interaction: A review of the literature and a model for future research //Media psychology. 2002. Т. 4. №. 3. pp. 279-305.
6. *Gnewuch U. et al.* Faster is not always better: understanding the effect of dynamic response delays in human-chatbot interaction. 2018.
7. *Horton D., Richard Wohl R.* Mass communication and para-social interaction: Observations on intimacy at a distance psychiatry. 1956. Т. 19. №. 3, pp. 215-229.
8. *Ingram J., & Luckett Z.* (2019). My friend Harry’s a wizard: Predicting parasocial interaction with characters from fiction //Psychology of Popular Media Culture, 8(2), p. 148.
9. *Karhulahti V. M., & Välisalo T.* (2021). Fictosexuality, Fictoromance, and Fictophilia: A Qualitative Study of Love and Desire for Fictional Characters //Frontiers in Psychology, 3693.
10. *Klowait N.* (2018). The quest for appropriate models of human-likeness: Anthropomorphism in media equation research//. //AI & SOCIETY, 33, pp. 527–536. <https://doi.org/10.1007/s00146-017-0746-z>.
11. *Nass C., Steuer J., Tauber E. R.* Computers are social actors //Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems. 1994. pp. 72-78.
12. *Nass C. and Moon Y.* (2000), “Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers” //Journal of Social Issues, Vol. 56 No. 1, pp. 81–103.
13. *Pentina I., Hancock T., Xie T.* Exploring relationship development with social chatbots: A mixed-method study of replika //Computers in Human Behavior. – 2023. Т. 140, p. 107600.
14. *Schneider S. et al.* The cognitive-affective-social theory of learning in digital environments (CASTLE) //Educational Psychology Review. 2022.Т. 34. №. 1, pp. 1-38.
15. *Serholt S., & Barendregt W.* (2016, October). Robots tutoring children: Longitudinal evaluation of social engagement in child-robot interaction. //In Proceedings of the 9th. Nordic Conference on Human-Computer Interaction (article 64). ACM. <https://doi.org/10.1145/2971485.2971536>

16. *Tsay M., & Bodine B. M.* (2012). Exploring parasocial interaction in college students as a multidimensional construct: Do personality, interpersonal need, and television motive predict their relationships with media characters?// *Psychology of Popular Media Culture*, 1(3), p. 185.
17. *Verhagen T., van Nes J., Feldberg F. and van Dolen W.* (2014), “Virtual Customer Service Agents: Using Social Presence and Personalization to Shape Online Service Encounters”, *Journal of Computer-Mediated Communication*, Vol. 19. No. 3, pp. 529–545.
18. *von der Pütten A.M., Krämer N.C., Gratch J. and Kang S.-H.* (2010), “‘It doesn’t matter what you are!’ Explaining social effects of agents and avatars”, *Computers in Human Behavior*, Vol. 26. No.6, pp. 1641–1650.

CASA OR PARASOCIAL RELATIONSHIPS: THE POSITION OF DIALOGS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PSYCHOLOGY

Shamshev A.A.

Main purpose of the paper is to consider different approaches by which to describe dialogues between humans and artificial intelligence (AI). Artificial Intelligence is experiencing a surge in popularity between 2022 and 2023.". What is a human, how is a human different from a computer? How should humans and computers interact? How should we treat a thinking machine - as a social actor, an intelligent being or as a tool? The creation of the largest generative neural networks: ChatGPT, LLAMA Stable Diffusion, Midjourney - has once again put humanity before the questions that have been asked since the creation of "thinking machines as a social actor, an intelligent being or as a tool? In many ways, it is psychology that will have to answer these questions. These questions are briefly answered in the article on the basis of interdisciplinary approach and literature analysis.

Keywords. Social psychology, psychology of thinking, psychology of artificial intelligence, artificial intelligence, CASA paradigm, theory of parasocial relations.

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВЫХ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Дун Цзюньшань

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия,
Хэбийский профессионально-технический институт, КНР

В последние годы технология виртуальной реальности (VR) стала потенциальным инструментом для развития языковой когнитивной способности. Цель данной статьи – изучить преимущества и недостатки VR-технологий в развитии языковых когнитивных способностей. К преимуществам относятся иммерсивный и интерактивный опыт обучения, персонализированное и адаптивное обучение, повышение мотивации и вовлеченности, культурная инклюзивность, а также улучшение запоминания и припоминания. С другой стороны, недостатки включают в себя потенциальный риск для здоровья, этические проблемы, ограниченный доступ к технологии, необходимость надлежащего обучения и поддержки, а также влияние на социальное взаимодействие и навыки общения. Изучив эти преимущества и недостатки,

преподаватели и политики смогут принимать обоснованные решения относительно интеграции VR-технологий в языковое образование для оптимизации развития языковых когнитивных способностей.

Ключевые слова: Виртуальная реальность, ученик, выращивание, когнитивные способности, развитие.

1. Introduction

Language cognitive ability refers to the cognitive processes and skills involved in the acquisition, comprehension, production, and use of language. It encompasses various components, such as phonological processing, vocabulary development, grammar and syntax comprehension, and discourse comprehension. Language cognitive ability plays a very important role in the development of language skills in individuals, particularly in the children of primary school age.

Traditional language learning in the classroom relies on textbooks, recordings, and teacher centered instruction. While these methods have their merits, they often lack the necessary immersive and interactive elements for optimal language cognitive development. Virtual reality (VR) technology offers a promising solution to address this limitation by providing learners with realistic and engaging language learning experiences.

Virtual reality technology involves the use of computer-generated simulations to create a virtual environment that users can interact with. By wearing a headset and using motion-tracking devices, learners can enter a three-dimensional virtual world and participate in various language learning activities. This technology allows learners to explore different language contexts, practice language skills in realistic scenarios, and receive immediate feedback, all of which contribute to the language cognitive ability development.

The use of virtual reality technology in language education is gaining traction due to its potential to enhance language-learning outcomes.¹ This paper aims to explore the features of using virtual reality technologies in the development of the cognitive components of language abilities in children of primary school age. By examining the immersive and interactive learning

¹ Yang, E., & Chen, W. (2018). The effects of virtual reality immersive learning on students' learning outcomes and satisfaction. *Journal of Educational Technology & Society*, 21(3), 58-69.

experiences, personalized and adaptive learning, enhanced motivation and engagement, cultural inclusivity, and improved retention and recall provided by virtual reality, this paper will highlight the benefits of integrating virtual reality technology into language education for young language learners.

Overall, the use of virtual reality technology holds great promise in promoting the development of language cognitive ability in children. By creating immersive and interactive learning experiences, personalizing learning content, fostering motivation and engagement, promoting cultural inclusivity, and improving retention and recall, virtual reality technology can significantly enhance the cognitive components of language abilities in children of primary school age. This paper will delve into each of these features in detail, providing insights into the potential of virtual reality technology in language education.

2. Advantages of Virtual Reality Technology in Cultivating Language Cognitive Ability

2.1. Immersive and Interactive Learning Experiences

Virtual reality technology provides learners with immersive and interactive learning experiences that go beyond traditional classroom settings. By simulating real-world language environments², learners can actively engage with the language in a meaningful and authentic way. They can explore different contexts, interact with virtual characters, and manipulate objects, creating a sense of presence and immersion that enhances language cognitive ability.

Through VR, learners can practice language skills in a safe and controlled environment, making mistakes without the fear of judgment. They can engage in role-playing scenarios, simulations, and virtual conversations, allowing them to apply their language knowledge and skills in practical situations. This hands-on approach promotes active learning, critical thinking, problem-solving, and decision-making, all of which contribute to the development of language cognitive ability.

² Huang, H.M., Rauch, U., & Liaw, S.S. (2010). Investigating learners' attitudes toward virtual reality learning environments: Based on a constructivist approach. *Computers & Education*, 55(3), 1171-1182.

Furthermore, virtual reality technology can provide learners with opportunities for experiential learning. For example, in language learning, learners can virtually "visit" different countries and cultures, allowing them to experience the language in its authentic context. They can explore virtual markets, order food in a virtual restaurant, or participate in virtual cultural events. This experiential learning approach enhances learners' understanding and appreciation of the language by immersing them in real-life situations, fostering a deeper connection with the language and culture.

2.2. Personalized and Adaptive Learning

One of the significant advantages of virtual reality technology is its ability to provide personalized and adaptive learning experiences. VR can adapt to individual learners' needs, pace, and proficiency levels, offering tailored language activities and content. Through adaptive algorithms and artificial intelligence, VR applications can track learners' progress, identify areas of weakness, and provide targeted feedback and guidance.

Personalized learning through VR allows learners to focus on their specific language learning goals and address their individual challenges. Learners can receive immediate feedback on their pronunciation, grammar, and vocabulary usage, helping them refine their language skills in real-time. This personalized approach enhances learners' language cognitive ability by providing individualized support and scaffolding, fostering self-directed learning and autonomy.

Moreover, virtual reality technology can provide learners with a sense of agency and ownership over their learning journey. Learners can choose their own learning paths, explore topics of interest, and set their own goals within the virtual environment. This autonomy and control over their learning experience can increase learners' motivation, engagement, and sense of responsibility for their own language cognitive development.

2.3. Enhanced Motivation and Engagement

Virtual reality technology has the potential to significantly enhance learners' motivation and engagement in language learning. The immersive and interactive nature of VR makes learning more enjoyable and attracting, capturing learners'

attention and stimulating their curiosity. Learners become active participants in their own learning process, leading to increased motivation and commitment.

The gamified elements in virtual reality applications further enhance motivation and engagement. By incorporating game-like features such as challenges, rewards, levels, and leaderboards, VR language learning experiences become more engaging and stimulating. Learners receive instant feedback and rewards for their progress, fostering a sense of achievement and further motivating them to continue their language learning journey.

In addition, virtual reality technology provides learners with a sense of novelty and excitement, making language learning more appealing and enjoyable. The immersive and realistic environments created by VR can spark learners' curiosity and create a sense of wonder, making the language learning process a fascinating adventure. This heightened level of engagement and motivation can lead to increased effort and persistence in language cognitive development³.

2.4. Cultural Inclusivity

Virtual reality technology promotes cultural inclusivity in language education by exposing learners to diverse cultures, languages, and perspectives. VR can transport learners to different locations around the world, allowing them to experience and interact with different cultural contexts. This exposure helps foster understanding, empathy, and respect for cultural diversity, promoting global citizenship and cross-cultural communication skills.

Virtual reality can also provide access to language learning resources and experiences that may not be readily available in traditional classroom settings. Learners can virtually visit museums, historical sites, or cultural events, immersing themselves in the target language and culture. This exposure broadens their horizons and deepens their understanding of the language, enhancing their language cognitive ability by connecting language learning with real-world cultural experiences.

³ Slater, M., & Sanchez-Vives, M.V. (2016). Enhancing our lives with immersive virtual reality. *Frontiers in Robotics and AI*, 3, 74.

Furthermore, virtual reality technology can facilitate meaningful cross-cultural interactions and collaborations. Learners can engage in virtual exchanges with peers from different countries, practicing their language skills while gaining insights into different cultures and perspectives. This intercultural communication fosters empathy, tolerance, and open-mindedness, enhancing learners' language cognitive ability by broadening their worldview.

2.5. Improved Retention and Recall

Virtual reality technology offers unique opportunities for improving learners' retention and recall of language knowledge and skills. By creating emotionally engaging and memorable learning experiences, VR enhances the encoding and storage of information in learners' long-term memory. The multi-sensory stimulation provided by VR, including visual, auditory, and sometimes haptic feedback, strengthens the neural connections associated with language learning.

VR can also incorporate spaced repetition techniques, which have been shown to enhance long-term memory retention. Learners can revisit and reinforce language concepts and skills in a systematic and structured way, ensuring that they are retained over time. Furthermore, VR can provide scenario-based learning, allowing learners to practice language skills in realistic contexts, which enhances their ability to recall and apply the language in authentic situations.

The immersive nature of virtual reality can also create strong emotional connections with the language. Emotions play a crucial role in memory formation and retrieval, and VR can create emotionally engaging experiences that enhance learners' emotional attachment to the language. By eliciting positive emotions such as joy, excitement, or curiosity, virtual reality can promote deep learning and long-term retention of language cognitive abilities.⁴

In conclusion, virtual reality technology offers numerous advantages in cultivating language cognitive ability. The immersive and interactive learning experiences, personalized and adaptive learning, enhanced motivation and

⁴ Yang, E., & Chen, W. (2018). The effects of virtual reality immersive learning on students' learning outcomes and satisfaction. *Journal of Educational Technology & Society*, 21(3), 58-69.

engagement, cultural inclusivity, and improved retention and recall provided by VR contribute to the development of language cognitive Immersive and Interactive Learning Experiences.

Virtual reality technology provides learners with immersive and interactive learning experiences that go beyond traditional classroom settings. By simulating real-world language environments, learners can actively engage with the language in a meaningful and authentic way. They can explore different contexts, interact with virtual characters, and manipulate objects, creating a sense of presence and immersion that enhances language cognitive ability.

Through VR, learners can practice language skills in a safe and controlled environment, making mistakes without the fear of judgment. They can engage in role-playing scenarios, simulations, and virtual conversations, allowing them to apply their language knowledge and skills in practical situations. This hands-on approach promotes active learning, critical thinking, problem-solving, and decision-making, all of which contribute to the development of language cognitive ability.

Virtual reality technology also offers learners the opportunity to explore and experience different cultural settings and language contexts. They can virtually visit foreign countries, interact with native speakers, and gain exposure to authentic language use. This exposure helps learners develop a deeper understanding of cultural nuances, idiomatic expressions, and communication styles, enhancing their language cognitive ability by broadening their cultural and linguistic horizons.

3. Disadvantages of Virtual Reality Technology in Cultivating Language Cognitive Ability

3.1. Potential Health Risks

Virtual reality technology poses potential health risks, including motion sickness, eye strain, disorientation, and impact on balance. This section discusses these risks and emphasizes the importance of implementing safety measures, providing breaks during VR sessions, and considering individual learners' physical and emotional well-being.

3.2. Ethical Concerns

The use of virtual reality technology raises ethical concerns related to privacy, data security, and consent. This section explores these concerns and highlights the need for ethical guidelines, informed consent processes, and secure data management in virtual reality language education.

3.3. Limited Access to Technology

Not all learners may have access to virtual reality technology due to financial constraints, lack of resources, or infrastructure limitations. This section discusses the potential for a digital divide and the need for equitable access to VR technology to ensure equal opportunities for language cognitive ability development.

3.4. Training and Support

Effective integration of virtual reality technology in language education requires proper training and support for educators. This section explores the importance of providing educators with the necessary skills and knowledge to effectively utilize VR technology in language classrooms. It also discusses the need for ongoing professional development and collaborative communities of practice to share best practices and resources.

3.5. Impact on Social Interaction and Communication Skills

Virtual reality technology, if not carefully implemented, may have potential drawbacks on learners' social interaction and communication skills. This section discusses the importance of balancing virtual and real-world interactions, promoting face-to-face communication, and fostering social-emotional development alongside VR language learning experiences.

3.6. Cognitive Overload

Virtual reality technology can sometimes overwhelm learners with excessive sensory stimulation, leading to cognitive overload. This section discusses the potential challenges of processing multiple stimuli simultaneously and the need for effective instructional design to avoid overwhelming learners' cognitive capacity. It emphasizes the importance of designing VR language learning experiences that strike a balance between engagement and cognitive load.

3.7. Limited Interactivity and Feedback

Although virtual reality provides interactive learning experiences, there may be limitations in the level of interactivity and feedback provided. This section explores the potential challenges of designing effective interactive activities within VR environments and the importance of incorporating meaningful and timely feedback to enhance language cognitive ability.

3.8. Cost and Maintenance

Virtual reality technology can be expensive to acquire and maintain, including the cost of VR headsets, software, and ongoing technical support. This section discusses the financial implications of implementing VR in language education and the need for sustainable funding models to ensure long-term access and support for all learners⁵.

3.9. Ethical Considerations in Content Creation

The creation of virtual reality content for language learning raises ethical considerations, such as the representation of diverse cultures and perspectives, avoiding stereotypes, and ensuring cultural sensitivity. This section examines the importance of content creators and educators being mindful of ethical considerations when selecting or developing VR language learning materials.

3.10. Potential Addiction and Overreliance

Virtual reality technology, with its immersive nature, may lead to addiction or overreliance on the technology for language learning. This section discusses the need for balanced and varied learning experiences, incorporating both virtual reality and real-world interactions to avoid excessive dependence on VR as the sole means of language cognitive ability development.

4. Conclusion

Virtual reality technology holds great potential in cultivating language cognitive ability in children of primary school age.⁶ Its advantages, including immersive and interactive learning experiences, personalized and adaptive

⁵ Wu, H.K., Lee, S.W.Y., Chang, H.Y., & Liang, J.C. (2013). Current status, opportunities and challenges of augmented reality in education. *Computers & Education*, 62, 41-49.

⁶ Zhang, L., & Guo, L.X. (2018). The effect of virtual reality technology on English vocabulary learning in primary school children. *Journal of Educational Technology Development and Exchange*, 11(1), 1-16.

learning, enhanced motivation and engagement, cultural inclusivity, improved retention and recall, can significantly enhance language learning outcomes. However, it is crucial to consider and address the potential disadvantages, such as health risks, ethical concerns, limited access, the need for training and support, impact on social interaction and communication skills, cognitive overload, limited interactivity and feedback, cost and maintenance, ethical considerations in content creation, and potential addiction and over reliance.

By researching these advantages and disadvantages, educators and policymakers can make informed decisions about integrating virtual reality technology into language education. Proper planning, training, and support are essential to ensure the effective and responsible use of VR, while considering the individual needs, safety, and well-being of learners. By harnessing the potential of virtual reality technology, educators can provide engaging and immersive language learning experiences, fostering the cognitive components of language abilities in children of primary school age.

5. List of Sources and Literature

1. *Ke F.* (2016). Designing and integrating purposeful learning in immersive virtual worlds. *Educational Technology Research and Development*, 64(2), 207-234.
2. *Yang E., & Chen W.* (2018). The effects of virtual reality immersive learning on students' learning outcomes and satisfaction. *Journal of Educational Technology & Society*, 21(3), 58-69.
3. *Huang H.M., Rauch U., & Liaw, S.S.* (2010). Investigating learners' attitudes toward virtual reality learning environments: Based on a constructivist approach. *Computers & Education*, 55(3), 1171-1182.
4. *Slater M., & Sanchez-Vives M.V.* (2016). Enhancing our lives with immersive virtual reality. *Frontiers in Robotics and AI*, 3, 74.
5. *Wu H.K., Lee S.W.Y., Chang, H.Y., & Liang, J.C.* (2013). Current status, opportunities and challenges of augmented reality in education. *Computers & Education*, 62, 41-49.
6. *Zhang L., & Guo L.X.* (2018). The effect of virtual reality technology on English vocabulary learning in primary school children. *Journal of Educational Technology Development and Exchange*, 11(1), 1-16.

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF VIRTUAL REALITY TECHNOLOGY IN THE CULTIVATION OF LANGUAGE COGNITIVE ABILITY

Dong Junshan,
Postgraduate student, Smolensk State University, Russia
Lecturer of Hebi Polytechnic, China

Abstract: Virtual reality (VR) technology has emerged as a potential tool for enhancing language cognitive ability in recent years. The purpose of this paper is to explore

the advantages and disadvantages of VR technology in the development of language cognitive ability. The advantages include immersive⁷ and interactive learning experiences, personalized and adaptive learning, enhanced motivation and engagement, cultural inclusiveness, and improved retention and recall. On the other hand, the disadvantages encompass potential health risks, ethical concerns, limited access to technology, the need for proper training and support, and the impact on social interaction and communication skills. By researching these advantages and disadvantages, educators and policymakers can make informed decisions regarding the integration of VR technology in language education to optimize language cognitive ability development.

Key words: Virtual reality, language learner, cultivation, cognitive ability, development.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ПАМЯТИ УЧАЩИЕСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ли Пэйсян

Смоленский государственный университет
(г. Смоленск, Россия)

Память является важным аспектом индивидуального психологического развития и играет важную роль в развитии учащихся младших классов средней школы. Изучение памяти учащихся средних школ показывает, что понимание учащимися памяти является очень несовершенным, и учителя не обращают внимания на внедрение в преподавание стратегий сохранения памяти. В процессе обучения, учащиеся в основном полагаются на повторение.

Ключевые слова: память, психологическое развитие, старшеклассники

Psychological development refers to the positive psychological changes that occur from birth to psychological maturity. For junior high school students, this age stage is a critical period of their psychological development. At this time, the students were in a period of independence and dependence. They are unyielding and lack the right decisions, they are strong and lack of consciousness. Lin Chongde put forward in the teaching experiment that we cannot separate intelligence and ability absolutely. According to a study conducted by Wu Zhenyun et al. on 140 cases of adult intellectual aging, it is concluded that there is a significant correlation between intelligence and memory. The development of junior high school students will be related to their lifelong development, and the development of memory is an important aspect of psychological development. Based on the curriculum and psychological development characteristics of junior

⁷ Ke, F. (2016). Designing and integrating purposeful learning in immersive virtual worlds. *Educational Technology Research and Development*, 64(2), 207-234.

high school students, we do a basic survey of the memory status of junior high school students, which has some practical significance in teaching practice.

The main purpose of this questionnaire survey is to understand students' understanding of the role of memory in learning, to understand teachers' attitude towards memory strategies, and to understand the real situation of students' memory in learning. Find out what they know about the phenomenon of memory.

1. Selection of research objects

There were 600 subjects in the survey, they are students of the experimental school in Yuzhou city, Henan province , boys 324 and girls 276. All of them volunteered to participate in the experimental research. Their average age was 13.5 years, they had normal vision, were in good health, and had no serious medical history. The experimental subjects meet the experimental requirements.

A total of 600 questionnaires were issued in this questionnaire survey, and 600 valid questionnaires were obtained, with an effective rate of 100%. The samples met the statistical requirements.

2. Analysis of the questionnaire

2.1. Students' understanding of the role of memory in learning.

Question 1, Do you think memory is important in learning? ()

A. Very important B. Relatively important C. General

D. Not very important E. Not important at all

The survey data are as follows:

Table 18. Do you think memory is important in learning?

		Frequency	Percentage	Effective Percentage	Cumulative Percentage
Effective	A	358	59.67	59.67	59.67
	B	141	23.50	23.50	83.17
	C	50	8.33	8.33	91.50
	D	41	6.83	6.83	98.30
	E	10	1.67	1.67	100.00
	total	600	100.00	100.00	

As can be seen from the above table, 59.67% of students think memory is very important in learning, and 23.50% of students think it is relatively important. Such results show that students are recognizing that memory plays a role in learning that cannot be ignored. Only 1.70% of students believe that memory plays no role in learning.

Question 2: Do you agree with the statement that memory ability affects learning? ()

- A. Very agree with B. more agree with C. General
 D. Not agree with E. Disagree at all

The survey data are as follows:

Table 19. Do you agree with the statement that memory ability affects learning?

		Frequency	Percentage	Effective Percentage	Cumulative Percentage
Effective	A	498	83.00	83.00	83.00
	B	92	15.33	15.33	98.33
	C	10	1.67	1.67	100.0
	total	600	100.0	100.0	

As can be seen from the above table, 83.00% of the students strongly agree that the level of memory ability can affect learning, and 15.33% of the students agree that the level of memory ability can affect learning. It can be seen that the level of memory ability can directly affect students' learning, which is recognized by the vast majority of students.

Question 3: What do you think is the biggest obstacle in learning? ()

- A. Teachers B. Parents C. Classmates
 D. Comprehension ability E. Memory ability

The survey data are as follows:

Table 20. What do you think is the biggest obstacle in learning?

		Frequency	Percentage	Effective Percentage	Cumulative Percentage
Effective	A	162	27.00	27.00	27.00
	B	30	5.00	5.00	32.00
	D	242	40.33	40.33	72.33
	E	166	27.67	27.67	100.0
	total	600	100.0	100.0	

As can be seen from the above table, 27.00% of students think that the biggest obstacle to learning is from teachers, 5.00% of students think that the biggest obstacle to learning is from parents, 40.33% of students think that the biggest obstacle to learning is their understanding ability, 27.67% of students think that the biggest obstacle to learning is their memory ability. Apart from the reasons of the students themselves, this shows that the teacher's influence on the students' learning plays a decisive role.

Question 4: Do you agree that memorizing knowledge is boring? ()

A. Strongly agree B. Agree C. Generally

D. Do not agree with E. Disagree at all

The survey data are as follows:

Table 21. Do you agree that memorizing knowledge is boring?

		Frequency	Percentage	Effective Percentage	Cumulative Percentage
Effective	A	469	78.2	78.2	78.2
	B	131	21.8	21.8	100.0
	总计	600	100.0	100.0	

As can be seen from the above table, 78.2% of the students think memorizing knowledge is very boring, and 21.8% of the students think

memorizing knowledge is relatively boring. This shows that memorizing knowledge is boring for students.

In short, from the above data analysis, we can learn that in the eyes of students, memory plays an important role in the process of learning, and the level of memory directly affects the learning of students. In the process of students' learning, the biggest obstacle to learning is their own understanding ability and memory ability, and teachers' influence on students also directly affects students' learning. In the process of learning, the students all admit that memorizing knowledge is boring, which indicates that the students have the desire to improve their memory ability, and the following training on memory coding plays an important role.

2.2. Teachers' attitudes towards memory strategies

Question 5: During the lecture, will the teacher tell you some methods of memorization? ()

- A. A lot of B. More C. rarely
D Occasionally E None at all

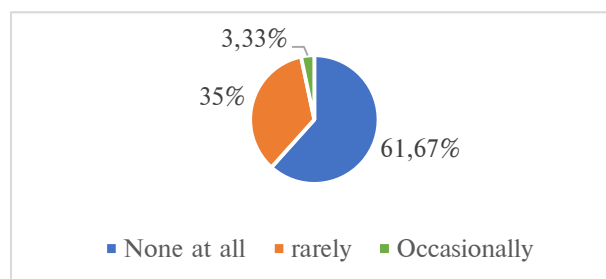

Figure 12

As shown in Figure 12, in the course of teaching, 61.67% of teachers never tell students how to memorize, 3.33% of teachers occasionally tell students how to memorize, and 35.00% of teachers rarely tell students how to memorize. This shows that in teaching practice, teachers rarely or almost never tell students memory strategies, possibly because teachers themselves do not know much about memory strategies, or because they have too much knowledge to teach in class and have no time to tell students. In short, we can see that teachers do not pay much attention to students' memory strategies, or hold an inactive attitude.

2.3. Students' real memory during learning

Question 6: Do you have your own method of memorizing knowledge? ()

A. More B. Many C. Not many

D. Occasionally E. Not at all

The survey data are as follows:

Table 22. Do you have your own method of memorizing knowledge?

		Frequency [↵]	Percentage [↵]	Effective Percentage [↵]	Cumulative Percentage [↵]
Effective [↵]	C [↵]	82 [↵]	13.67 [↵]	13.67 [↵]	13.67 [↵]
	D [↵]	450 [↵]	75.00 [↵]	75.00 [↵]	88.67 [↵]
	E [↵]	68 [↵]	11.33 [↵]	11.33 [↵]	100.00 [↵]
	Total [↵]	600 [↵]	100.00 [↵]	100.00 [↵]	↵

As can be seen from the above table, most of the students did not have their own methods of memorizing knowledge. 75.00% of the students said they had little memory ways. In the process of memorizing knowledge, even if students have their own memorization methods, they are only a small part, accounting for 13.67%.

Question 7 : Do you think memory needs methods? ()

A. Very need B. More need

C. Need D. Not very need

E. not need at all

The survey data are shown in the figure below:

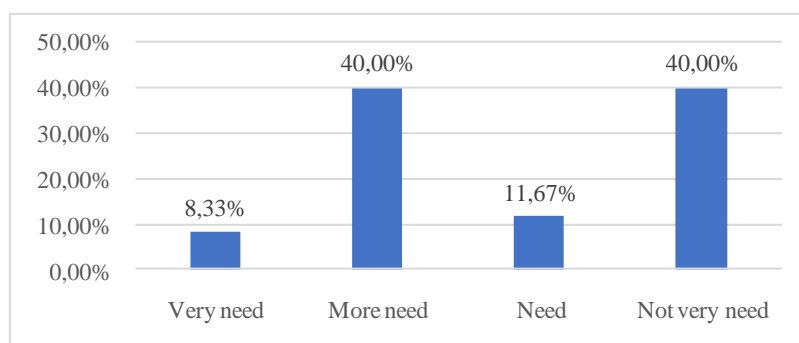

Figure 13

As can be seen from Figure 13, 40.00% of the students think that memory needs a certain method, and another 40.00% of the students think that memory needs little method, which indicates that students lack some knowledge about memory.

Question 8: How good is your memory? ()

- A. Memory more than 90%
- B. Memory about 70%
- C. Memory about 50%
- D. Memory about 30%
- E. memory about 10%

The survey data are as follows:

Table 23. How good is your memory?

		Frequency	Percentage	Effective percentage	Cumulative percentage
Effective	B	110	18.3	18.3	18.3
	C	350	58.4	58.4	76.7
	D	120	20.0	20.0	96.7
	E	20	3.3	3.3	100.0
	Total	600	100.0	100.0	

As can be seen from the above table, about 50% of students can remember about 50% of the learned knowledge by their own methods, and only 18.3% of students can reach 70%, which indicates that students' memory ability needs to be further improved.

In short, most students do not have their own memory methods, about 40% of students think that memory does not need a method, about 80% of students admit that they remember less than 50% of the total content. This shows that students' memory ability is in urgent need of improvement.

2.4. Understanding of memory

Question 9: After exercise, do you think your memory will improve? ()

- A. Definitely improve
- B. May improve
- C. Not clear
- D. Might not improve
- E. Definitely not improve

The survey data are as follows:

Table 24. After exercise, do you think your memory will improve?

		frequency	percentage	Effective percentage	Cumulative percentage
Effective	C	250	41.67	41.67	41.67
	D	312	52.00	52.00	93.67
	E	38	6.33	6.33	100.00
	Total	600	100.0	100.00	

As can be seen from the above table, 41.67% of the students think that after exercise, it is unclear whether the memory will be improved, and 52.00% of the students think that after exercise, the memory will not be improved. This shows that students do not know the principle of memory at all, and most students still have a vague understanding of memory.

Question 10: What is the place of memory in the process of human psychological development? ()

- A. very important
- B. important
- C. not clear
- D. not important
- E. not important at all

The survey data are as follows:

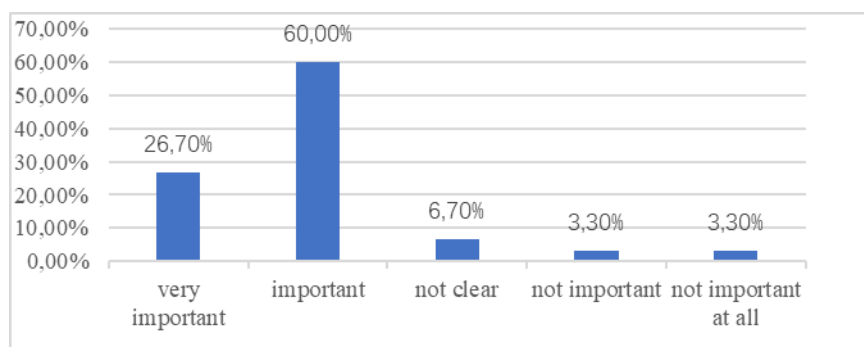

Figure 14

As can be seen from Figure 14, 26.7% of the students believe that memory is very important in the process of human psychological development, and 60.0% of the students believe that memory is relatively important in the process of human psychological development, which indicates that students know that memory is very important in the process of human psychological development.

3. Conclusion

To sum up, through the questionnaire survey, it can be concluded that students have a very incomplete understanding of memory. In the learning process, they mostly rely on mechanical repetition to remember knowledge, without certain memory strategies. In class, teachers do not pay more attention to students' memory strategies for knowledge.

Memory, as an important aspect of individual psychological development, plays an important role in individual development, especially in today's society with the rapid development of information. Basic memory training for students is necessary, of course, if you want to get a more accurate survey of junior high school students in today's society, it cannot be limited to one school, one region.

List of Sources and Literature:

1. *Yan Liangshi*. Educational Psychology [M]. Wuhan: Wuhan University Press, 2010:183.
2. *Bai xiujie, Du jianhua*, Pedagogy. Beijing: capital normal university press, 2017:42-43.
3. *Li Hong*. Modern Psychology [M]. Sichuan Education Press, 2017:286-287.
4. *Wu Zhenyun, XU Shulian, Sun Changhua*. Adult intellectual development and memory [J]. Acta Psychological Sinica, 1985(03):243-249. (in Chinese)

A STUDY ON THE MEMORY STATUS OF JUNIOR HIGH SCHOOL STUDENTS

Li Peixiang
Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

Memory is an important aspect of individual psychological development and plays an important role in the development of junior high school students. The study of middle school students' memory shows that students' understanding of memory is very imperfect, and teachers do not pay attention to the implementation of memory strategies in teaching. In the process of learning, students mainly rely on repetition.

Keywords: memory, psychological development, high school students.

ОБЗОР И ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА НА ОСНОВЕ DSM-V, ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (VR) И ТАЙЦЗИЦЮАНЬ У ЛЮДЕЙ, ПОЛУЧИВШИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТРАВМУ В РЕЗУЛЬТАТЕ БОЕВОГО СТРЕССА

Чэн Пэн
факультет физического воспитания и спорта,
Чжэнчжоуский университет, Китай;
Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Психосоциальные реакции на боевой стресс могут в дальнейшем перерасти в посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и генетически породить цикл

трансгенерационной передачи. В условиях современной высокотехнологичной войны высокая распространенность острого ПТСР стала одной из основных причин боевой убыли военнослужащих. В статье на основе определения ПТСР по DMS-5 рассматриваются определение боевой стрессовой психологической травмы, механизмы, виды травм, проявления, психологические факторы, психогенетические процессы, участие технологии виртуальной реальности VR в лечении боевых стрессовых психологических травм, эффективность тайцзи в интервенции травматических синдромов и психологических травм войны, исследуется эффективность VRET и VRGET как экспозиционной терапии, более эффективной и экономичной, чем традиционные методы лечения. Показано, что VRET и VRGET являются более эффективной и экономичной экспозиционной терапией, чем традиционные методы лечения, и что упражнения тайцзицюань и его позитивные концепции осуществимы и обладают положительной реабилитационной эффективностью в лечении психологических травм в чрезвычайных ситуациях войны. Курс обучения тайцзицюань, основанный на технологии виртуальной реальности VR, может помочь пациентам с боевыми стрессовыми травмами выполнять упражнения тайцзицюань, полезные для их реабилитации, и это исследование способствует диагностике, лечению и профилактике ПТСР при психологических травмах в чрезвычайных военных ситуациях.

Ключевые слова: DMS-5, боевой стресс, психологическая травма, технологии виртуальной реальности, психологическая травма трансгенерационный цикл, VRET терапия воздействия виртуальной реальности, VRGET Виртуальная реальность Градированная экспозиционная терапия, вмешательство тайцзицюань при посттравматическом стрессовом расстройстве.

Введение

С развитием международной политики и изменением характера войн традиционную дихотомию между миром и войной трудно эффективно описать и объяснить реальность международных конфликтов, и мир стал свидетелем частых локальных горячих войн. С момента кризиса на Украине в 2014 году и возникновения гражданской войны до начала российско-украинского конфликта в 2022 году финансовая гегемония США ведет опосредованную войну против России. Общая цель прокси-войн США – сдерживание России для достижения цели защиты своих стратегических интересов в Европе и, таким образом, защиты глобальной гегемонии США [1]. В битве против гегемонии не обойтись без кровопролития и жертв. Участники станут свидетелями кровопролития и трагедии войны, и часть группы испытает соответствующую стрессовую психологическую травму, которую мы называем военной психологической травмой, и было доказано, что военная психологическая травма не только вызывает небоевую убыль в

современной войне, но также исследования показали, что этот тип травмы может иметь межпоколенческое воздействие, что приводит к межпоколенческому циклу. Расходы на реабилитацию после последствий связанных с ними психологических расстройств также могут стать тяжелым бременем для общества.

Использование технологий виртуальной реальности позволяет эффективно решать актуальные задачи психологических, образовательных, медицинских, экономических и социальных исследований (Зинченко Ю.П. и др., 2015). В России VR-технологии используются для научных исследований влияния виртуальных образов и моделируемых действий на мышление, память, обучение, психическое состояние человека, мотивацию к учебной деятельности (Селиванов В.В. 2007, 2021; Селиванов В.В., Селиванова Л.Н. 2015, 2016; Селиванов В.В. Сорочинский П.В. 2021; Капустина В.Ю., Зикеева Е.А., 2021), при изучении зрительных иллюзий (Меньшикова Г.Я., 2013, Меньшикова Г.Я., 2013). В Европе и США технология виртуальной реальности также широко используется в психотерапии, консультировании и психопрофилактике [91].

Можно ли использовать современные компьютерные информационные технологии, такие как виртуальная реальность VR, для эффективного вмешательства в реабилитацию военной психологической травмы в дополнение к традиционным терапевтическим методам и вмешательствам? Известно, что китайские упражнения тайцзицюань оказывают умеренное воздействие на психологию занимающегося, поэтому обладают ли эти упражнения реабилитационной эффективностью для людей, страдающих от военной психологической травмы? С учетом этих двух вопросов в данном исследовании, основанном на трактовке травматического стрессового расстройства в DSM-V как основы для определения боевых стрессовых травм, рассматриваются виды и частота боевых стрессовых травм, вред боевых стрессовых травм, их проявления, психологические процессы, биологические механизмы, традиционные методы лечения боевых стрессовых травм,

достижения в области участия VR в лечении боевых стрессовых травм, а также их методы и подходы. Рассматриваются аспекты, охватывающие соответствующие данные исследований, проведенных в армии США, Израиле и других вооруженных силах. Исследование демонстрирует эффективность упражнений тайцзицюань и тренировок VR+тайцзицюань в борьбе с боевым стрессом и ставит целью сделать полезные изыскания в области охраны психического здоровья военнослужащих в военное время. Данное исследование имеет определенное практическое значение для строительства армии и повышения боеспособности солдат.

Методы исследования

Анализ первоисточников, компьютерный поиск литературы в базах данных China Knowledge Network, Wanfang Database, Pubmed, Cochrane Library, Embase, SpringerLink, ClinicalKey, ScienceDirect с ограниченным количеством лет поиска с момента создания баз данных до декабря 2023 года, включено около ста работ.

Исследование и дискурс

1. ПТСР и боевые стрессовые психологические травмы на основе определений DSM-5

1.1. Введение в DSM-5

Американское руководство по диагностике и статистике психических расстройств (DSM) публикуется Американской психиатрической ассоциацией (АРА) и содержит типы, симптомы и другие критерии, используемые для диагностики психических заболеваний. Поскольку исследования в области нейровизуализации, генетики и поведенческих наук расширили понимание психических заболеваний, руководство регулярно обновляется с момента публикации DSM-I в 1952 году, а обновление DSM-5 в 2013 году сохраняет преемственность с предыдущими диагностическими критериями; нет никаких предварительных ограничений на объем предлагаемых изменений. Совершенствование оценки психических заболеваний – одна из задач DSM-5, которая предусматривает четыре основных инструмента оценки

1.2. Определение синдрома посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в DSM-5

Посттравматическое стрессовое расстройство (post-traumatic stress disorder, PTSD) – это психическое расстройство, характеризующееся интенсивной внезапной, угрожающей или катастрофической психологической травмой, приводящей к отсроченному началу и длительному сохранению симптомов, характеризующихся периодическим повторением травматических переживаний, устойчивой повышенной тревожностью или поведением избегания, а также определенными биологическими и психиатрическими особенностями. Характеристики психического расстройства.

В 1980 году в третьем издании Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM-III) [2], разработанном Американской психиатрической ассоциацией, ПТСР было официально названо посттравматическим расстройством и определено как: связанные с травмой навязчивые мысли и воспоминания, проявляющиеся в результате воздействия травматического события, превышающего то, что может перенести нормальный человек, стойкое избегание связанных с травмой стимулов и связанное с травмой стойкое повышение бдительности. В DSM-V (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам, пятое издание) в 1993 году синдром травматического стресса был уточнен (табл. 25).

Таблица 25.

Причины виктимизации	Война, стихийные бедствия или техногенные катастрофы, серьезные несчастные случаи, смерть человека, пытки, терроризм, изнасилование или другие преступные действия.	
симптом	Его вызывают стимулы, которые внезапно вызывают воспоминания и/или повторные проявления травмы или первоначальной реакции: "оцепенение", эмоциональная тупость, постоянное повторение травмы в навязчивых воспоминаниях или снах, отчуждение от окружающих, отсутствие реакции на окружающее, отсутствие удовольствия, избегание деятельности и ситуаций, напоминающих о травме, драматические и острые вспышки страха, паники или агрессии. Обычно присутствует состояние вегетативной возбудимости, о чем свидетельствуют повышенная	1. Тревожные воспоминания 2. Тревожные сны 3. Чувство беспокойства 4. Физические реакции 5. Избегание воспоминаний

	бдительность, повышенная пугливость и бессонница. Тревога и депрессия часто сосуществуют с этими признаками и симптомами. Суицидальные мысли также нередки.	6. Избегание напоминаний 7. Трудности с памятью 8. Негативные убеждения 9. Обвинение себя 10. Негативные эмоции 11. Потеря интереса 12. Чувство отчужденности 13. Отсутствие положительных эмоций 14. Раздражительное поведение 15. Слишком большой риск
Диагностические критерии [3]	1) пациент должен был подвергнуться травмирующему событию, которое было достаточно угрожающим и катастрофическим, чтобы человек, переживший его, почувствовал боль; 2) стрессовый фактор воспроизводит такие симптомы, как навязчивое мышление; 3) воздействие аналогичного опыта, при котором пациент проявляет симптомы активного избегания, отсутствовавшие до воздействия стрессора; (4) Устойчивое повышение бдительности и наличие 4) устойчивое повышение бдительности и наличие двух из следующих симптомов: (1) трудности с засыпанием или неглубокий сон; (2) эмоциональная нестабильность или раздражительность; (3) невнимательность; (4) повышенная бдительность; (5) чрезмерная реакция возбуждения. Создание этого определения и диагностических критериев обеспечивает научную основу для оценки и теоретическую базу для будущих исследований ПТСР [4].	16. Повышенная возбудимость 17. Чувство нервозности 18. Трудности с концентрацией внимания 19. Проблемы со сном [5]
Диагностические точки	1) возникает в течение 6 месяцев после крайне травмирующего события. Однако если клиническая картина типична, диагноз "вероятный" возможен, даже если промежуток между событием и началом заболевания составляет более 6 месяцев; 2) помимо травматической основы, должны присутствовать повторяющиеся, навязчивые воспоминания или повторения в дневных образах или в сновидениях; 3) часто отмечается эмоциональная отстраненность, оцепенение и избегание стимулов, которые могут вызывать травматические воспоминания. Психиатрические расстройства, расстройства настроения и поведенческие аномалии помогают в постановке диагноза.	
Примечания	1) предрасполагающие факторы, такие как личностные особенности (например, обсессивно-компульсивные, дебилные) или наличие в анамнезе невротических расстройств, могут снижать порог возникновения этих синдромов или усугублять их тяжесть; 2) хронические последствия катастрофического стресса с отсроченным началом, т.е. проявляющиеся спустя десятилетия после стрессового события.	

1.3. Психологическая травма боевого стресса

Как особая группа, непосредственно сталкивающаяся с войной и крупными катастрофами, травматические события, переживаемые военнослужащими, и интенсивность стресса, который они испытывают, более серьезны, и у них формируется боевая стрессовая психологическая травма. Боевая стрессовая психологическая травма – это вид нетрудоспособной психологической травмы в условиях военного времени, аналогичный физиологической травме военного времени, моральной травме и так далее. Заболеваемость боевой стрессовой психологической травмой составляет 30-75% [6]. Боевой стресс в дальнейшем может перерасти в посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). В условиях современной высокотехнологичной войны высокая заболеваемость острым ПТСР стала одной из основных причин боевой убыли военнослужащих. В конце 2013 года армия США опубликовала исследование проблем психического здоровья, и данные, предоставленные Центром данных оборонных сил США, показали, что заболеваемость ПТСР среди американских солдат выросла в 5,5 раз за период с 2001 по 2011 год, то есть с 170/100 000 в 2001 году до 1110/100 000 в 2011 году; самый высокий уровень заболеваемости наблюдался в армии США, за которой следовали морская пехота, ВМС и ВВС [7].

1.4.1. Виды психологических травм, связанных с боевым стрессом, показатели заболеваемости и вред от них

1.4.1.1. Виды психологических травм, связанных с боевым стрессом, частота их возникновения и показатели выбытия без боевых действий (на примере шести войн, в которых участвовали американские военные за последнее столетие)

Исследования военнослужащих, страдающих ПТСР [8-15], показали, что наиболее частыми проявлениями являются повышенная бдительность, учащение ночных кошмаров о войне и экзистенциальное чувство вины, а также длительные нарушения сна. Зафиксировано, что удлинение латентности сна, увеличение числа пробуждений и уменьшение общего времени сна ассоциируются с повышенной долговременной физиологической

бдительностью; кроме того, еще одним распространенным симптомом у пациентов с ПТСР является депрессия: у 1/3 – депрессия, у 1/5 – бессонница с потерей веса и у 1/10 – суицидальные мысли; депрессия также приводит к употреблению алкоголя и запрещенных препаратов у многих пациентов, а некоторые американские военные ветераны, вернувшиеся с войны в Ираке и Афганистане, оказались более склонны к употреблению алкоголя и запрещенных препаратов, чем другие. У некоторых американских военных ветеранов, вернувшихся с войны в Ираке и Афганистане, наблюдаются различные соматические симптомы, такие как тревога (особенно фобическая тревога), депрессия, враждебность, паранойя или нарушения сна; пациенты с ПТСР также часто жалуются на слуховые тревожные галлюцинации [15-16]. (В табл. 26 в качестве примера приведены типы и показатели травматизма комбатантов в вооруженных силах США в шести войнах; в табл. 27 показаны число жертв, показатели выбытия без боевых действий и показатели травматизма в вооруженных силах США в шести войнах).

1.4.1.1. Психологические травмы, вызванные боевым стрессом, могут передаваться из поколения в поколение

В исследованиях эпигенетических изменений, связанных с военной травмой и жестоким обращением в детстве [89], было обнаружено, что люди, пережившие военную травму или жестокое обращение в детстве, подвергаются повышенному риску развития расстройств травматического спектра, таких как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Кроме того, травматический стресс связан с изменениями в нейроэндокринной и иммунной системах, что повышает риск физических заболеваний. Травматический опыт может даже повлиять на психологические и биологические параметры следующего поколения, то есть травматический стресс может иметь трансгенерационное воздействие, известное как трансгенерационный цикл травмы и жестокого обращения. Среди сложных факторов, способствующих трансгенерационной передаче, ключевую роль могут играть эпигенетические изменения.

Таблица 26. Типы и частота травм среди военнослужащих США в шести войнах

Война	Виды психологических проблем	Заболеваемость (в процентах)
Первая мировая война [17]	Нейропсихиатрические расстройства	2.6
	повреждение черепа	8.9
	реакция тревоги	9.3
Вторая мировая война [18]	психическое расстройство	2.7-7.0
	истерия	2.0
	шизофрения	5.6
	психическое расстройство	1.1~2.5
	посттравматическое стрессовое расстройство ПТСР	15.0
Война во Вьетнаме [19-20]	мрачный	4.5
	опасения	4.9
	алкогольная зависимость	13.7
	психологический страх	80.0
Война в Персидском заливе [21]	психическое расстройство	63.3
	посттравматическое стрессовое расстройство ПТСР	13.0
	психологическая проблема	19.1
	мрачный	17.0~35.0
Война в Ираке [22]	посттравматическое стрессовое расстройство ПТСР	9.8
	алкогольная зависимость	11.0
Война в Афганистане [23]	психологическая проблема	11.3
	посттравматическое стрессовое расстройство ПТСР	4.7

Таблица 27. Потери американских военнослужащих, показатели выбытия без боевых действий и травматизма в шести войнах

конфликт	Количество комбантов	Боевые потери	Боевые потери	Раненые	Уровень потерь	Небоевые потери	Уровни бытия безбоевых действий	Психологическая травма	Уровень травматизма
	(млн.)	(млн.)	(млн.)	(млн.)	(%)	(млн.)	(%)	(млн.)	(%)
Первая мировая война [24, 25]	473.5	5.3	25.7	20.4	\$.4	6.3	1.3	12.2	2.6

Вторая мировая война [26]	829.1	30.6	103.0	72.4	12.4	194.2	23.4	92.9	11.2
Вьетнамская война [27-28]	54.4	5.8	21.1	15.3	38.8				
Война в Персидском заливе [29-30]	52.7	0.0148	0,0606	0.0458	0.1	0.3	83.7	0.1	63.3
Война в Афганистане [31]	3.8	0.2	0.2		5.3				
Иракская война [28]	19	0.5	5.3	4.8	27.9			7.2	18.8

Из-за различий в статистических методах и времени трудно получить единые и точные данные по масштабным и длительным войнам, а число участников периодически меняется. Поэтому число участников армии США во Второй мировой войне основано на пике численности американской армии в конце мая 1945 года, а остальные данные взяты из соответствующей литературы, и, за исключением показателей выбытия без боевых действий и психологических травм во время войны в Персидском заливе, которые взяты из литературы, показатели по остальным войнам получены на основе данных.

1.4.2. Проявления психологической травмы, вызванной боевым стрессом

После войны в Ираке в 2003 году большое количество американских военнослужащих, эвакуированных из Ирака и Афганистана, долгое время испытывали стыд, вину и самобичевание [32]; по результатам опроса 537 израильских ветеранов большее количество военнослужащих считают, что помимо смерти неудача других (подчиненных/товарищей) является самым страшным сценарием [33]; военнослужащие побывали на войне в состоянии борьбы или бегства в состоянии крайнего стресса, но если интенсивность стресса длительное время будет высокой, это приведет к психологическому

истощению [34]; участники боевых действий также испытывают боль от убийства себе подобных; война мести является воплощением чувства ненависти на уровне группы, включая поражение Большая интенсивность приведет к психологическому истощению солдат [34]; участники также сталкиваются с болью от убийства себе подобных; война-реванш – это воплощение чувства ненависти группового уровня, включая сильное чувство гнева, вызванное поражением, затрагивающее уровень родственной кровной мести и поднимающееся до морального уровня ненависти [35], которые являются проявлением боевого стресса психологической травмы [40] (таблице 28) .

Таблица 28.

Проявления травмы	Вредрасполагающий фактор
ужас	смерть [36]; подведение других [33]; неизвестность войны; страх попасть в плен и быть брошенным; плохое принятие решений
истощение	Длительные марш-броски, крайняя нехватка сна и суровые условия поля боя [34].
стыдно и беспокойно	Свидетель и совершитель убийств [32]; неспособность защитить товарищей и слабых [37]
бедствие	Убийство себе подобных с близкого расстояния [38]
вражда	1) ветераны: домашнее насилие (например, насилие в интимных отношениях и т.д.); опыт жестокого обращения, опыт боевых действий; [39] 2) ветераны войны: крайняя враждебность и лобовые атаки противника; раненые и убитые солдаты своей стороны; сильное чувство гнева из-за поражения своей воинской части; кровная месть, затрагивающая эмоциональный уровень, и ненависть, поднимающаяся до морального уровня.

1.4.3. Биологические, психологические и культурно-психологические факторы, влияющие на психологическую травму от боевого стресса

Существует четыре фактора, влияющих на психологическую травму от боевого стресса, включая физические, биологические, психологические и культурные. В предыдущих исследованиях основное внимание уделялось физическим и биологическим факторам, таким как жестокость боя, большая

продолжительность и тяжесть травм, а также высокая частота стрессовых реакций, психологических травм и психических расстройств у военнослужащих [41], в меньшей степени учитывались психологические и культурные факторы, такие как психологическая дистанция, подчинение авторитету, организационное поведение, физические и психические качества (табл. 29).

Таблица 29.

Биологический фактор	Качество души и тела	Физические качества определяют физиологические ресурсы военнослужащих для противостояния стрессу или нагрузкам и оказывают важное влияние на психологические травмы на войне. Что касается психологических качеств, то они также играют важную роль в психологической травме на войне. Солдаты с низкой фрустрационной толерантностью, высокой тревожностью и типичным поведением типа А более склонны к военным психологическим травмам [42]. Поэтому еще во время Первой и Второй мировых войн армия США начала проводить предвоенный отбор военнослужащих по психологическим качествам, отбирая людей с более высокими физическими и психическими качествами, чтобы уменьшить психологический ущерб от войны.
Психологическая дистанция	Физическое расстояние	Современная война механических бомбардировок, ударов на большие расстояния. Расстояние атаки оружия значительно превышает расстояние человеческого зрения, и сопротивление бойцов убийству уже не так сильно, поэтому психологический ущерб, наносимый им войной, также постепенно уменьшается с ростом физической дистанции [43].
	Эмоциональная дистанция	Эмоциональная дистанция – это размер эмоциональной связи между военнослужащим и объектом; чем ближе эмоциональная дистанция, тем сильнее психологический ущерб. В исследовании CESUR et al [44] результаты показали, что наблюдение за жертвами союзников повышает риск депрессии у военнослужащих, а наблюдение за жертвами гражданских лиц значительно и положительно коррелирует с суицидальными мыслями и посттравматическим стрессовым расстройством у военнослужащих, в то время как наблюдение за жертвами противника не оказывает значительного влияния на психическое здоровье военнослужащих. Это объясняется большей эмоциональной близостью военнослужащих к союзным войскам и гражданскому населению.

	Культурная дистанция	Культурная дистанция – это различия между двумя культурами в плане норм, обычаев и ценностей. На войне, чем больше идеологических, культурных и религиозных различий между двумя противоборствующими сторонами, тем больше вероятность того, что у солдат возникнет ощущение, что "другая сторона – не такой человек, как я", и тем легче будет совершать убийства, тем меньше будет психологический ущерб.
Культурный фактор	Подчинение авторитету	Военные – это высоко социально интегрированный коллектив, и подчинение власти требует интеграции в личность солдата [45]. ① Если солдат полностью подчиняется авторитету и достигает интернализованного принятия военной власти, у него не будет психологических конфликтов при выполнении приказов на поле боя. ② Напротив, если солдат не полностью интегрирован в систему авторитетов и все еще сохраняет чувство собственного достоинства, то суровые и жестокие приказы на войне будут противоречить внутренним ценностям индивида, что приведет к психологическому ущербу на войне.
	Подчинение авторитету	Три основные области: мораль, социальная поддержка и групповое оправдание. ① Мораль. Моральный дух – это позитивная психологическая переменная в военном контексте. В жестокой военной обстановке моральный дух может снизить негативные последствия боевых действий, связанных с высоким стрессом, и позволить солдатам лучше справляться с боевыми воздействиями ① Социальная поддержка. ② Социальная поддержка. Большое количество исследований показало, что позитивная и положительная социальная поддержка может способствовать индивидуальному психологическому здоровью, а сильная социальная поддержка со стороны лидеров и товарищей защищает психологическое здоровье солдат на войне. ARM-STRONG et al [46]; ③ Групповое оправдание. Групповое оправдание связано с тем, что в случае группового боя индивиды могут считать, что ответственность за войну лежит на всех и не имеет отношения к отдельной личности. Поэтому в результате групповой декриминализации солдаты с большей вероятностью будут действовать вопреки моральным нормам, но в то же время психологический ущерб, который они получают от жестокой войны, уменьшается.

механизмы психологической защиты, повышается психологический рост и боевая эффективность; при неудачной рационализации и принятии происходит психологический ущерб на войне, психологический ущерб не изживается и перерастает в военное психическое расстройство (рис. 15).

1.5. Биологические механизмы развития травматического стрессового расстройства

Исследования показали, что дисфункция гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (гипота-ламико-гипофизарно-надпочечниковой) оси: система оси НРА играет важную роль в регуляции стрессового ответа [48]. В стресс-индуцированных нейропсихиатрических нарушениях решающую роль играют катехоламиновые нейротрансмиттеры и связанные с ними изменения функции рецепторов [49].

В ходе соответствующего исследовательского эксперимента на крысах было установлено, что длительное сохранение воспоминаний о страхе и повышенная возбудимость при посттравматическом стрессовом расстройстве тесно связаны с усилением функции отрицательной обратной связи в трех областях мозга – миндалине, медиальной префронтальной коре и гиппокампе, а также в гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси. Повышенная активность миндалины является ключевой нейронной основой для приобретения, удержания и выражения условных воспоминаний о страхе. Подавление миндалины медиальной префронтальной корой и передача угрожающей информации об окружающей среде из гиппокампа в миндалину способствуют возникновению симптомов ПТСР. Регуляция глюкокортикоидных рецепторов и усиление активности дофамина после пережитого травматического стресса являются основной нейронной базой для развития ПТСР [50]. Острый стресс может привести к нарушениям центральной нервной системы ЦНС у экспериментальных животных, в результате чего возникают более длительные нейропластические изменения, которые в конечном итоге могут привести к патологическим психическим и поведенческим отклонениям, подобным ПТСР [51], а также к иммунным дисфункциям и структурным изменениям тканей мозга.

Функциональные магнитно-резонансные исследования показали, что эти структуры мозга в коре ротовой полости передней части поясной извилины, стволе мозга у пациентов с ПТСР, двусторонних инсулярных ядрах правой латеральной фасолы и левой, двусторонней дорсолатеральной префронтальной коре и областях коры средней височной доли, таламусе, передней поясной извилине и прецентральной извилине у пациентов с ПТСР участвуют в нейронных схемах при ПТСР в ответ на соответствующие эмоциональные стимулы [52-54].

2. Традиционные методы лечения боевых стрессовых травм и достижения в области VR в лечении боевых стрессовых травм

2.1. Традиционные методы лечения

За последние 20 лет количество и качество зарубежных военных исследований, посвященных ПТСР, значительно возросло в связи с продолжающимися локальными войнами. Большинство руководств сходятся во мнении, что психотерапия остается терапией первой линии, которая может облегчить симптомы ПТСР и в разной степени устранить этиологию [55], и является более эффективной, чем психофармакологическое лечение. Процесс вмешательства основан на принципах нормализации, синергии и индивидуализации, а формы вмешательства могут быть самыми разнообразными: индивидуальные беседы, телефонное и групповое консультирование могут гибко использоваться в зависимости от конкретной ситуации. Среди распространенных методов лечения – фокусированная психотерапия травмы, нефокусированная психотерапия травмы, тренинг экстренной иммунной защиты, терапия мозговыми волнами и так далее. Соответствующие исследования показали, что сфокусированная психотерапия травмы лучше, чем нефокусированная психотерапия травмы и медикаменты; медикаменты в основном используются для помощи в лечении антидепрессантами, чтобы облегчить бессонницу, ночные кошмары и другие симптомы.

2.2. Прогресс виртуальной реальности VR в интервенции и лечении посттравматического стрессового расстройства в контексте современных компьютерных информационных технологий

VR, как иммерсивная, богатая медиа-информационная технология, оказывает влияние на людей во всех аспектах: от низов когнитивной психологии, до образования, здравоохранения и других приложений, и, наконец, распространяется на уровень социального поведения и социальных взаимодействий. Хотя VR – это технология, связанная с компьютерными науками, она тесно связана с психологией, поскольку ее пользователи – это люди. При правильном использовании VR окажет положительное влияние на пользователя, например, улучшит память, концентрацию и настроение. На более макроуровне применения влияние VR на людей также можно увидеть в том, как его можно использовать в качестве медицинской помощи для улучшения физического и психического здоровья. 62 психотерапевта в 2002 году поставили психотерапевтические методы VR на третье место из 38 методов лечения по уровню их потенциала. Принципы, на которых основана психотерапия VR, остаются теми же, что и классические знания в клинической психологии, такие как экспозиционная терапия (exposuretherapy) [56].

2.2.1. Сравнение (рис. 16) и краткое описание интервенционных методов лечения ПДСТ с традиционными методами лечения и технологиями виртуальной реальности VR

Хотя экспозиционная терапия считается методом первой линии лечения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), ее основной недостаток заключается в сложности полного погружения испытуемых в травму. Подвергать людей, страдающих ПТСР, воздействию схожих триггеров очень сложно. Точно так же невозможно безопасно воспроизвести столкновение с боевыми действиями, опасностью пожара и т.д. Развитие технологий, особенно VR, позволило сделать традиционные методы воздействия более трехмерными и иммерсивными – пациенты могут подвергать себя травме как можно лучше, более автономно и под

руководством психолога + виртуальный опыт VR, что делает лечение более тщательным и эффективным. Таким образом, VR является наиболее эффективной и экономически выгодной терапией воздействия, и она делает это с помощью терапии воздействия виртуальной реальности (VRET).

Среди существующих стратегий вмешательства в психологическую травму, вызванную боевым стрессом (ПТСР), более эффективными оказались дебрифинг стресса критического инцидента (CISD), десенсибилизация и репроцессинг движением глаз (EMDR) и Виртуальная реальность) оказались более эффективными [57]. В таблице 30 приводится краткое резюме интервенционных методов лечения ПТСР с использованием традиционных методов терапии и технологии виртуальной реальности VR:

Таблица 30

Традиционная терапия			
Психотерапия травмы	Длительная экспозиционная терапия	PE – это вмешательство, ориентированное на травму, основанное на теории эмоциональной обработки, которое направлено на замещение или устранение страха и состоит в основном из тренировки дыхания, психообразования, полевой экспозиции и расширенной имажинальной экспозиции.	Быстрый курс из 10 процедур в течение 2 недель превосходит обычное 8-недельное лечение [58].
	Быстрый курс из 10 процедур в течение 2 недель превосходит обычное 8-недельное лечение [58].	КПТ направлена на уменьшение дискомфорта с помощью когнитивной реструктуризации и письменной экспозиции, основанной на фокусировке на травматических воспоминаниях. Некоторые исследования подтвердили, что КПТ оказывает явный терапевтический эффект на пациентов с ПТСР, связанным с военным фактором, и что индивидуальное лечение более эффективно, чем групповое [59].	2-недельное интенсивное завершение. [60]
	Десенсибилизация и переработка движений глаз	EMDR также является одним из методов первой линии лечения ПТСР, который снимает боль, вызванную травматическими	Процесс включает восемь этапов: сбор анамнеза,

Традиционная терапия			
		воспоминаниями, и достигает десенсибилизации, обучая пациентов двигать глазами, например, когда они сталкиваются с травматическими воспоминаниями. Результаты исследования эффективности лечения методом EMDR офицеров и солдат, проходящих действительную военную службу, показали, что EMDR более эффективна, чем обычное лечение, с уменьшением симптомов ПТСР и более короткой продолжительностью лечения [61].	подготовка, оценка, десенсибилизация, имплантация, сканирование тела, завершение и повторная оценка [62-63].
Расфокусированная психотерапия травмы	Сосредоточьтесь на лечении сейчас	ПКТ фокусируется на текущих реалиях, вызванных ПТСР, и изначально была разработана как активная контрольная группа для оценки эффективности когнитивно-поведенческой терапии, ориентированной на травму. Мета-анализ, опубликованный в 2019 году, предполагает, что ПКТ может быть эффективным методом лечения ПТСР, с более низким уровнем отказа пациентов от лечения по сравнению с когнитивно-поведенческой терапией, ориентированной на травму [64].	
	Терапия позитивного мышления	Терапия позитивного мышления, которая фокусирует внимание пациента на телесных ощущениях в настоящий момент, может использоваться в качестве основной или дополнительной терапии для лечения ПТСР, и была использована армией США как форма управления здоровьем и развития человеческих ресурсов, а также как эффективный и широко распространенный инструмент для снижения психологического стресса и	

Традиционная терапия			
		повышения когнитивной производительности, лидерства и благополучия среди развернутых участников.	
	Экстренные стрессовые интервью	Это подход, характеризующийся поддерживающей групповой терапией, в рамках которой основная группа обсуждает переживания, чувства и поведение в момент катастрофы с целью уменьшить влияние травматического события на психическое состояние, а также помочь людям восстановиться и улучшить повседневное функционирование и устойчивость к стрессу [65-67].	CISD обычно проводится в период от 48 часов до 10 дней после события и длится 3-4 часа; после крупного бедствия его следует проводить через 3-4 недели.
кроме	Обучение иммунизации против стресса	Распространяя принципы физиологического иммунитета на психологию и поведение, человеку дают возможность успешно справляться с более слабыми стрессовыми стимулами, а затем постепенно вырабатывают толерантность к более сильным стимулам. Предполагается, что способность справляться со стрессом может быть улучшена путем изменения самооценки и убеждений в стрессовых ситуациях. Монастырский тренинг стрессоустойчивости не ограничивается обучением клиентов конкретным навыкам преодоления стресса, его программа направлена на подготовку клиентов к преодолению стресса, на мотивацию к изменениям и на преодоление таких ситуаций, как сопротивление рецидиву.	Сессии обычно проводятся через три, шесть и двенадцать месяцев лечения; это позволяет человеку продолжать практиковать и укреплять свои навыки преодоления трудностей.
	волновая терапия мозга	В соответствии с обычными характеристиками электричества человеческого мозга, искусственно изготовленный	На войне этот инструмент и метод можно применить для

Традиционная терапия			
		церебральный электрический ритм электромагнитного поля, соответствующая область мозга и глубокая часть человеческого мозга, чтобы стимулировать и вызывать, облегчить физиологические и психологические симптомы и показатели аномалии, и играть мирный сон, воображение, умственное расслабление, снижение психического стресса и другие эффекты, для достижения цели восстановления и повышения нормального функционального состояния и эффекта. Обычно используются такие приборы, как церебральный электрический регулятор ритма и терапевтический прибор мозговых волн. Психосоматические расстройства, вызванные войной, и их терапевтический прогресс [68]	корректировки мышления офицеров и солдат, чтобы полностью снять физиологическую и психологическую нагрузку, эффективно восстановить и повысить уровень боевой силы [69].
	Терапия ускоренного разрешения [70]	На первом этапе терапевт использует техники воздействия с помощью движений глаз и образов, чтобы первоначально десенсибилизировать пациента; На втором этапе терапевт использует техники замещения движения глаз и образного восприятия, чтобы помочь пациенту восстановить травматические воспоминания и связать их с положительными эмоциями и чувствами для завершения лечения.	После двух этапов вмешательства симптомы ПТСР у клиента могут быть эффективно сняты, и вышеописанная работа может быть повторена в последующей работе. В реальном лечении терапевт будет использовать больше техник вмешательства в зависимости от ситуации, но в основе все

Традиционная терапия			
			равно лежат вышеперечисленные техники.
Виртуальная реальность VR для интервенционной терапии ПДСТ			
VRET	VR Виртуальная реальность Экспозиционная терапия	Терапия воздействия травмы часто является эффективным методом лечения людей с посттравматическим стрессовым расстройством. Виртуальная реальность может воссоздавать травматические сценарии, позволяя пациентам пережить и переработать травматический опыт в безопасной обстановке. Такой подход помогает уменьшить симптомы ПТСР и позволяет пациентам постепенно привыкнуть к своим травматическим воспоминаниям.	"Виртуальный Ирак" и "Виртуальный Афганистан" системы виртуальной среды экспозиционной терапии [71].
VRGET	Градиентная экспозиционная терапия для виртуальной реальности	В ходе терапии VRET различные уровни физиологической реакции или субъективного дистресса используются для контроля частоты и интенсивности стимулов, связанных с травмой, а не автоматически градуируются по ходу терапевтического сеанса. При проведении градуированной экспозиционной терапии на основе виртуальной реальности (VR-GET) пациент погружается в среду виртуальной реальности.	

2.2.2. Лечебные устройства VRET, модели HCI, контент и поток лечения

В VRET испытуемые могут использовать VR-устройства (например, визуальные дисплеи на голове) для взаимодействия со стимулами (рис. 16-17). Выбор VR-устройств VR-шлемы составляют VRET, чтобы обеспечить интегрированную сенсорную систему зрения, слуха, осязания и обоняния, связанную с травматическими событиями (рис. 18), и пациенты с ПТСР должны носить соответствующие VR-устройства, чтобы войти в виртуальную среду [72].

Рис. 16-17. Компоненты системы на основе шлема

Рис.18. VR-прототипирование шлема

Применение VR-устройств в лечении пациентов с ПТСР должно не только удовлетворять самым основным функциональным требованиям, но и учитывать взаимодействие между человеком и устройством в процессе лечения на основе пользовательского опыта. Метод взаимодействия должен в полной мере использовать функциональные преимущества устройства в анализе человеческого тела, увеличивать визуальное измерение и упрощать работу с помощью сенсорного интерфейса [73], а в исследовании человек, инструмент, действие, цель и сцена определяются как пять элементов при проектировании поведения взаимодействия [74]. Все соответствующие элементы в процессе взаимодействия можно свести к четырем пунктам: пациент с ПТСР, физическая среда, оборудование VR и медицинские работники (рис. 19).

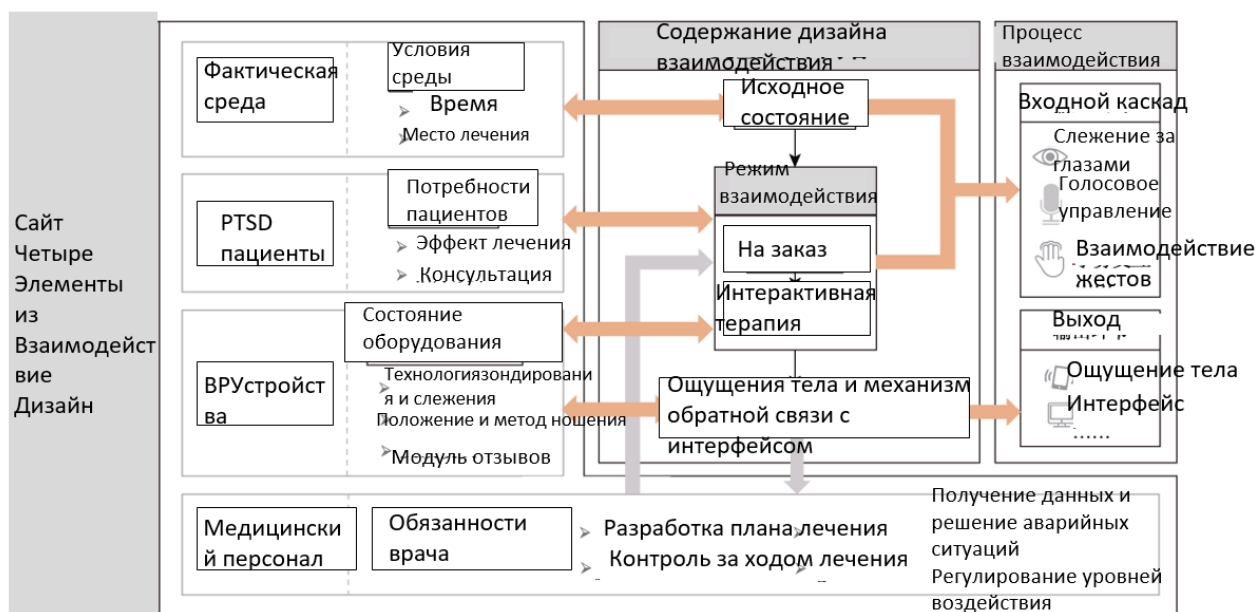

Рис. 19. Модель взаимодействия с VR-устройствами для лечения посттравматического стрессового расстройства

Связь между этими четырьмя элементами должна быть полностью учтена при проектировании взаимодействия. Отслеживание распознавания жестов – наиболее часто используемый метод взаимодействия для определения движения тела [75]. Когда пациенты проходят лечение в виртуальной среде [76], они будут жестикулировать пальцами и руками в силу инстинктивных реакций, а управление жестами может учитывать подсознательные реакции пациентов, что просто и удобно, улучшает внимание пациентов и подходит для работы с пациентами разных возрастных групп (таблица 31 и рисунок 20). При разработке интерактивных

Таблица 31 – Содержание и полезность интерактивных подходов

Режим взаимодействия	Содержание и полезность
Распознавание лиц	Выявление изменений в выражениях лица пациента (например, хмурые брови, движение глаз, качание мышц щеки и т. Д.), косвенное получение эмоционального выражения пациента
Голосовое управление	Извлечение голоса пациента (например, бормотание, крик, крик и т. Д.), настройка травматической сцены в режиме реального времени, преобразование голосовой информации
тактильно - соматическая обратная связь	Позволяет пациентам воспринимать тепло и холод окружающей среды в сцене, текстуру объекта, улучшает интерактивное погружение
Передача запахов	Удовлетворение пациентов, помещенных в сцену с обонятельным дополнением, чтобы повысить достоверность (например, восстановление сцены пожара ТЕ, так что пациент чувствует запах жжения, наполненной реальной сценой)
Физическая индукция	Выражение эмоций через язык тела и взаимодействие жестами облегчают распознавание выраженных намерений пациента
Физиологическое распознавание сигналов	Мониторинг температуры тела, кровяного давления, частоты сердечных сокращений и других данных в режиме реального времени в процессе лечения пациента, обратная связь с врачом, хранение файлов и просмотр лечения

жестов следует полностью учитывать когнитивные привычки пациентов, чтобы не нагружать их лечением, основанным на болезни; своевременно отображать операционные подсказки, чтобы направлять пациентов на следующий этап операции; учитывать часто используемые в процессе лечения переопределяющие интерактивные жесты (см. рисунок 21).

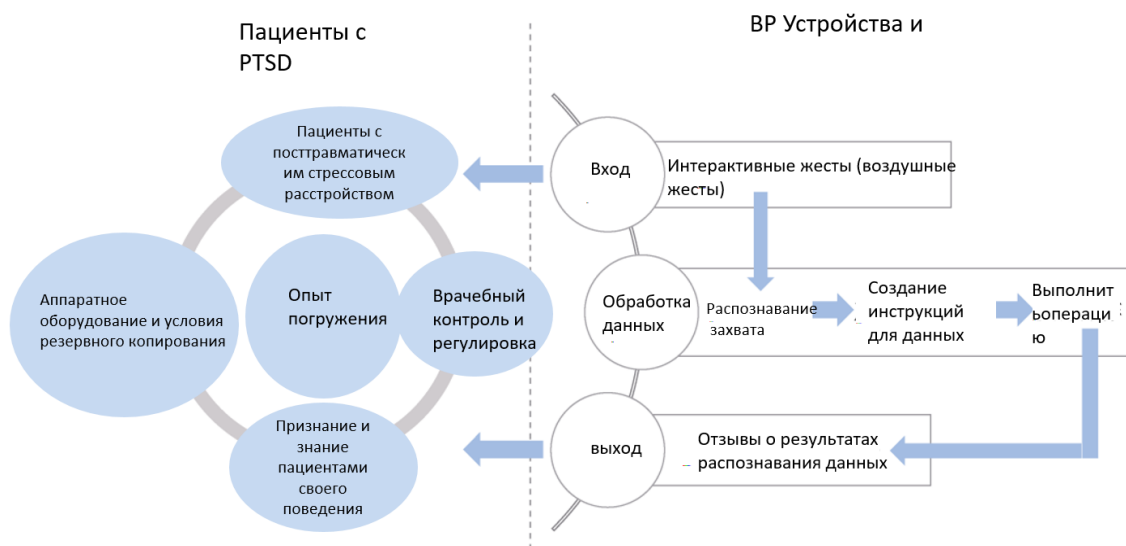

Рис. 20. Процесс взаимодействия с помощью жестов

Рис. 21. Жест взаимодействия с волчком

Поток взаимодействия VR-оборудования для лечения ПТСР На основе теоретической базы был разработан разумный поток взаимодействия для лечения. Поток охватывает начальную коммуникацию между врачом и пациентом до результатов нескольких циклов лечения, что имеет определенное справочное значение для стандартизации процесса лечения в реальной жизни [77] (Процесс лечения представлен на рисунке 22).

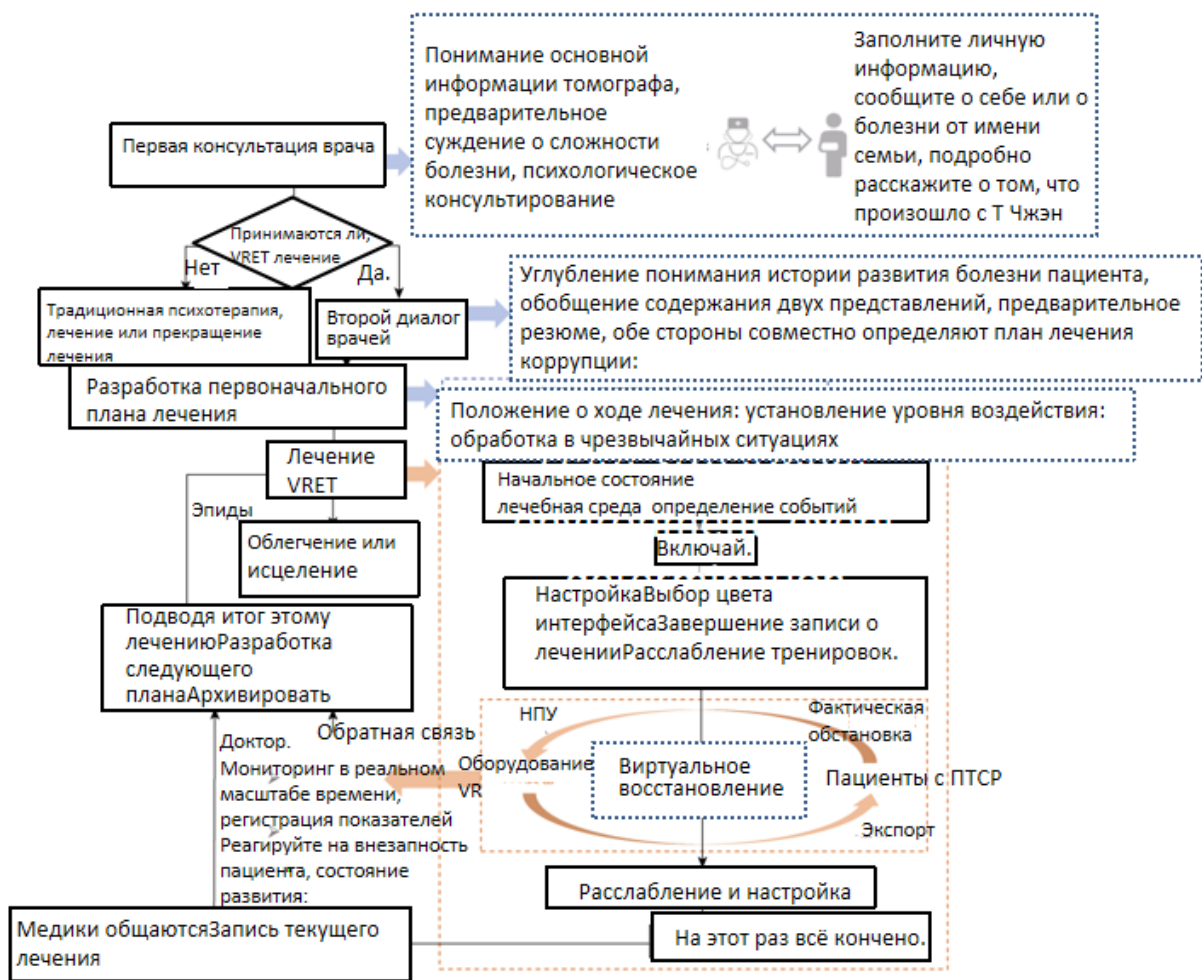

Рис. 22. Процессы обработки

Однако в традиционной VRET интенсивность и частота стимулов, связанных с травмой, оцениваются по ходу тренинга, а не на основе реакции субъекта – такой подход маловероятен для полного погружения человека с ПТСР. В исследовании использовались различные уровни физиологической реакции или субъективного дистресса для контроля частоты и интенсивности стимулов, связанных с травмой, во время VRET-терапии, а не автоматическая градация их по ходу сеанса. Эта градуированная экспозиционная терапия на основе виртуальной реальности (VR-GET) погружает пациентов в среду виртуальной реальности. Результаты исследования были опубликованы в Международном журнале экологических исследований и общественного здравоохранения под названием *Effects of Virtual Reality-Based Graded Exposure Therapy on PTSD*. В результате поиска литературы было получено семь рандомизированных

контролируемых исследований. Различия между условиями в величине эффекта отдельных исследований по первичному результату – симптомам ПТСР – были рассчитаны с помощью коэффициента Хеджеса. Результаты показали, что VR-GET превосходит VRET в лечении симптомов ПТСР, что подтверждает важность иммерсивного лечения ПТСР [78]-[79].

Рис. 23. Отображение процесса обработки (частичное)

По данным исследователей ВМС США, в 2010 году совместная работа Университета Южной Калифорнии, Корнельского университета и Медицинского центра армии Мэдиган, финансируемая Управлением военно-морских исследований, Центром телемедицины и технологий и Инженерным командованием армейских исследований и разработок, разработала серию виртуальных сред для экспозиционной терапии под названием "Виртуальный Ирак" и "Виртуальный Афганистан", благодаря которым 80 процентов испытуемых избавились от посттравматического стрессового расстройства, и планирует распространить эти системы вспомогательной терапии на соответствующие клинические психотерапевтические учреждения [80].

3. Эффективность тайцзи в интервенции при травматических синдромах и психологических травмах, вызванных боевым стрессом

3.1. Биологические механизмы воздействия физических упражнений на травматическое стрессовое расстройство

Были проведены исследования, в которых систематически оценивалась эффективность физических упражнений при ПТСР у ветеранов. Обзор 11 включенных исследований показал, что физическая активность является

эффективным и безопасным методом лечения ветеранов с ПТСР, а наиболее распространенными и эффективными упражнениями являются йога, аэробика и упражнения на свежем воздухе [81].

В исследовании под названием *Group Exercise for Veterans: A Randomised Pilot of an Integrated Exercise Programme for Veterans with PTSD* авторы разработали групповую программу *Integrated Exercise (IE)*, которая сочетает в себе привычные для ветеранов аэробные упражнения и упражнения на сопротивление с позитивными упражнениями на основе осознанности, подходящими для ветеранов с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Предварительные исследования показывают, что *IE* – это инновационный подход к лечению ветеранов с симптомами ПТСР, снижающий симптомы ПТСР и улучшающий психологическое качество жизни. Этот реабилитационный подход может расширить сферу применения лечения ПТСР в нетрадиционных условиях и среди ветеранов, которые могут предпочесть привычные виды деятельности (например, физические упражнения) медикаментозному лечению или психотерапии.

В исследовании по оценке антипосттравматического стрессового расстройства (ПТСР), вызванного упражнениями на беговой дорожке у крыс с моделью условного страха, и изучению возможных молекулярных механизмов, лежащих в основе влияния упражнений на ПТСР, 50 самцов крыс SD были случайным образом разделены на контрольную группу, группу модели условного страха (FC), группу угасания (EXT), группу угасания+тренировки (EXT+EX) и группу угасания+сертралин (EXT+SER). (EXT + SER). Мы тестировали контекстуальную память на страх с помощью теста удержания условного страха, тревожноподобное поведение с помощью теста спонтанной активности и теста приподнятого лабиринта, уровни фактора некроза опухоли- α (TNF- α) и интерлейкина-1 β (IL-1 β) в гиппокампе крыс с помощью ИФА, а также уровни аминных нейротрансмиттеров и их влияние на нейротрансмиссию

нейротрансмиттеров в гиппокампе и префронтальной коре крыс с помощью высокоэффективной жидкостной хроматографии (ВЭЖХ). Уровни моноаминовых нейротрансмиттеров и их метаболитов в гиппокампе и префронтальной коре крыс определяли методом ВЭЖХ. Был сделан вывод, что беговые упражнения улучшают контекстуальную память на страх и тревожно-подобное поведение крыс в модели условного страха. Моноаминовые нейротрансмиттеры NE и DA, а также воспалительные факторы TNF- α и IL-1 β могут быть вовлечены в облегчение ПТСР с помощью бега на платформе [83].

Благотворное влияние однократных физических упражнений на условные воспоминания об угасании страха, а также тот факт, что однократные физические упражнения во время приобретения угасания страха помогают устранить воспоминания о страхе, позволяет предположить, что краткосрочная физическая активность, интегрированная с новой корректирующей информацией, может способствовать лучшей психологической адаптации посттравматических воспоминаний о страхе, тем самым облегчая их, и что однократные физические упражнения являются эффективным дополнением к терапии ПЭ. Терапевтический эффект при угасании страха может зависеть не от улучшения физических возможностей, а от нейрохимических изменений, которые происходят при однократном выполнении упражнений [84].

Упражнения могут эффективно облегчить генерализацию памяти страха при посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР), способствуя разделению паттернов через нейрогенез гиппокампа взрослых (НГН), т.е. стимулирование НГН с помощью упражнений может уменьшить интерференцию воспоминаний страха с аналогичными воспоминаниями, тем самым облегчая генерализацию памяти страха у пациентов с ПТСР, что обеспечивает теоретическую поддержку целесообразности вмешательства упражнений как эффективного метода лечения генерализации памяти страха при ПТСР [85]. То есть, способствуя АНН с помощью физических

упражнений, можно уменьшить интерференцию воспоминаний о страхе с аналогичными воспоминаниями у пациентов с ПТСР, тем самым облегчая генерализацию воспоминаний о страхе у пациентов с ПТСР, что обеспечивает теоретическую поддержку целесообразности вмешательства физических упражнений в качестве эффективного метода лечения генерализации воспоминаний о страхе при ПТСР [85].

3.2. Эффективные вмешательства в психологическую травму боевого стресса с помощью упражнений тайцзицюань

В исследовании стационарных вмешательств для людей с психологическими травмами, вызванными боевым стрессом, служивших в армянской армии, было обнаружено, что наиболее распространенным симптомом на умеренном или высоком уровне были проблемы со сном, за которыми следовали повышенная бдительность, тревожные воспоминания, чувство разочарования, тревожные сны, телесные реакции, избегание воспоминаний и негативные эмоции. Пятью наименее улучшенными симптомами были проблемы со сном, чувство беспокойства, избегание воспоминаний, трудности с концентрацией внимания и трудности с памятью [90]. Решение и улучшение этих проблем – это именно то, в чем преуспел тайцзи.

Тайцзи – это древняя, хроническая медитативная гимнастика низкой интенсивности (Lan et al., 2008). Практика тайцзи может помочь занимающимся достичь спокойствия, координируя предписанные движения с умственным сосредоточением и медленным дыханием (Ainsworth et al., 2000). Интенсивность занятий тайцзицюань не превышает 55% от максимального поглощения кислорода (Li et al., 2001). Кроме того, результаты экспериментального исследования с помощью упражнений тайцзицюань показали, что упражнения тайцзицюань оказывают значительное влияние на психическое здоровье занимающихся и улучшают их психическое здоровье; регулярное участие в занятиях тайцзицюань снижает психологический стресс, связанный с контактом, и тем самым

улучшает психическое здоровье занимающихся. Результаты экспериментальной шкалы позволили сделать вывод, что регулярное участие в упражнениях тайцзицюань может уменьшить психологический стресс, улучшить качество сна и психическое здоровье; восьминедельные занятия тайцзицюань могут значительно улучшить устойчивое внимание. При занятиях тайцзицюань практикующие используют техники регулирования своего тела и сознания и последовательного сосредоточения на движениях, что вызывает изменения в поведенческих характеристиках занимающихся, благодаря чему внимание легче и стабильнее удерживается на объекте внимания.

Кроме того, с точки зрения традиционной китайской медицины, посттравматическое стрессовое расстройство свидетельствует о депрессии, застое ци, обращении ци печени вверх или чрезмерной панике, приводящей к засорению мокротой прозрачных отверстий, и т.д., что тесно связано с многочисленными внутренними органами – сердцем, печенью, селезенкой и почками. Вмешательство в болезнь с использованием китайской медицины фитнес-гунфу Уцююань, БаДуаньцин и тайцзицюань на интернет-платформе, например, Уцююань может улучшить функции печени, желчного пузыря, почек, селезенки, легких и сердца; БаДуаньцин может регулировать инь и ян и проходить через Саньцзяо; а тайцзицюань может регулировать эмоции, тем самым достигая цели вмешательства в ПТСР [86].

Barbara L Niles, DeAnna L Mori, Craig P Polizzi, Anica Pless Kaiser, Annie M Ledoux, Chen Chen Wang in "Suffering from Trauma". Craig P Polizzi, Anica Pless Kaiser, Annie M Ledoux, Chen-Chen Wang in A Brief Study of Veterans with Post-Traumatic Stress Symptoms. Feasibility, Qualitative Findings, and Satisfaction with a Brief Tai Chi Program for Veterans with Post-Traumatic Stress Symptoms, обнаружили, что участники смогли сосредоточиться на упражнениях после участия в вводном занятии по тайцзи, а одна женщина, пережившая военную травму, сообщила, что чувствовала себя на занятиях удивительно легко. Участники были заинтересованы в том, чтобы

чувствовать себя комфортно во время занятий тайцзи. Участники обнаружили, что тайцзи помогает справиться с болезненными симптомами. Один ветеран сообщил, что во время занятий тай-чи у него стало меньше навязчивых визуализаций и воспоминаний. Другие участники отметили, что тайцзи является полезной техникой снижения стресса. Два ветерана отметили, что выполнение упражнений тай-чи было физически сложным, но это было преодолимо и в конечном итоге дало положительный эффект (например, расслабление мышц, хорошая физическая нагрузка). Полученные данные также свидетельствуют о том, что тайцзи – это безопасный вид физической активности для людей с любыми физическими возможностями. Ветераны были очень довольны своим опытом занятий тай-чи и выразили готовность и заинтересованность в посещении дополнительных занятий. Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что вполне возможно привлечь ветеранов к участию в четырехсеансовом занятии тайцзи для лечения симптомов посттравматического стресса [87].

4. Целесообразность программы обучения VR тайцзицюань для эффективного вмешательства в психологическую травму на войне

Под руководством профессора Смоленского государственного педагогического университета Селиванова В.В. автор определил четыре движения в 24-шаговом тайцзицюань стиля Ян, которые подходят для кардиологических пациентов, не имеющих базовых знаний о тайцзицюань, пригласил чемпионов мира по тайцзицюань для демонстрации, а затем написал сценарий "Технология VR-изображения + четыре стиля тайцзицюань кардиологической реабилитации", который использует систему захвата движения для создания сцены, сочетающей технологию трехмерного виртуального моделирования и тайцзицюань реабилитационной подготовки, которая может точно направлять пользователей для выполнения конкретных движений индивидуально, безопасно и эффективно. Система создает сцену, сочетающую технологию

трехмерного виртуального моделирования и реабилитационную тренировку тайцзицюань, которая может точно направлять пользователей для выполнения конкретных движений индивидуально, безопасно и эффективно, и может помочь медицинскому сектору сократить трудовые затраты и сэкономить социальные медицинские ресурсы; пользователи могут практиковать тайцзицюань в любое время и в любом месте в иммерсивном опыте, построенном этой моделью, и могут получать обратную связь об эффекте практики в реальном времени, так что они могут исправить любые неточные движения, конечности или другие проблемы во время практики. Пользователь может получать обратную связь об эффекте тренировки в реальном времени и своевременно корректировать неточные движения и неправильный угол наклона конечностей во время тренировки, что позволяет эффективно избежать феномена спортивных травм. Этот опыт может быть хорошо перенесен на тренировки тайцзицюань в VR, что способствует эффективному вмешательству в психологические травмы, вызванные боевым стрессом, и делает тренировочный курс тайцзицюань в VR более целесообразным для эффективного вмешательства в психологические травмы, вызванные войной.

Заключение

Вмешательство с помощью технологии виртуальной реальности VRET в лечение боевой стрессовой психологической травмы (ПТСР) – это аллопатическое лечение, дополненная форма экспозиционной терапии, направленная на различные триггеры и поведение избегания; VRGET – это градуированная терапия на основе VRET, с помощью которой пациенты с боевой стрессовой психологической травмой (ПТСР) могут подвергаться воздействию своих триггеров и страхов контролируемым, безопасным и реалистичным образом. VRET и VRGET являются более эффективной и экономически выгодной формой экспозиционной терапии, чем традиционная терапия. VRET и VRGET – более эффективная и экономичная форма экспозиционной терапии по сравнению с традиционными методами лечения.

Тайцзицюань – это безопасная физическая активность для людей с любыми физическими возможностями. Упражнения тайцзицюань и заложенные в них позитивные концепции оказывают положительное реабилитационное воздействие на такие симптомы, как бессонница, трудности с концентрацией внимания, тревожность и проблемы с памятью, во время вмешательства на фоне военной психологической травмы (ПТСР).

Курс обучения тайцзицюань, основанный на технологии виртуальной реальности VR, вполне может помочь пациентам с военной психологической травмой выполнять упражнения тайцзицюань, полезные для реабилитационного обучения.

Обсуждение

Экспозиционная терапия виртуальной реальности (VRET) – это вид экспозиционной терапии, который может быть использован для лечения различных видов фобий, тревожных расстройств и симптомов ПТСР. С помощью технологии VR консультанты могут предоставить пациентам достаточно реалистичные, но безопасные и безвредные стимулы, чтобы направить их на преодоление собственных демонов. VR может не только помочь исследователям понять особенности психических заболеваний, но и предотвратить возникновение психических заболеваний в определенных группах риска, таких как групповое стрессовое расстройство, которое может возникнуть после стихийных бедствий, таких как землетрясения и цунами. Военнослужащие, пожарные и представители других профессий, связанных с повышенным риском, могут столкнуться с чрезвычайными ситуациями в любой момент в ходе выполнения своих обязанностей. Если до наступления чрезвычайной ситуации провести соответствующее обучение и подготовку, то психологическую травму, вызванную катастрофой, можно в определенной степени смягчить.

Ученые из Института инноваций и технологий Калифорнийского государственного университета разработали устройство на основе виртуальной реальности, помогающее солдатам, вернувшимся с войны,

преодолеть посттравматический стрессовый синдром. Использование шлемных дисплеев, подключенных к настольным компьютерам, для моделирования сценариев боевых действий в Ираке (<http://rbiiims.ca/5697-617>) воссоздает изображения, звуки и даже запахи поля боя, позволяя солдатам заново пережить пережитое в обстановке, контролируемой врачом. По словам доктора Скипа Альбета Риццо, специалиста по ИКТ, ученого и одного из разработчиков программы моделирования, система уже используется более чем на 20 объектах в США, причем сборка каждого устройства обходится примерно в 8 000 ([www.designnews.com.cn] DESIGN NEWS 35).

Использование технологий виртуальной реальности, электронных информационных технологий, компьютерных технологий, визуальных технологий и других высокотехнологичных средств с различных аспектов моделирования современных военных сцен и сценариев, для создания психологической обстановки, аналогичной реальному бою, позволяет в сложных условиях боевой обстановки и высокой степени нервозности и опасности, обучать военнослужащих анализировать и решать проблемы гибкости и храбрости, спокойного психологического качества, которое заключается в упражнении военнослужащих противостоять способности сильных раздражителей, Это важный путь к улучшению психологических качеств военнослужащих, повышению боеспособности войск и снижению психологического ущерба военнослужащих на войне. Еще предстоит развить отличную психическую подготовку с помощью тренинга адаптации психологических качеств и имитации реальной боевой подготовки.

Вмешиваясь в процесс психологической травмы на войне, тайцзицюань может взять за основу тайцзицюань Яна и включить десять движений, которые улучшают концентрацию: "Облачные руки", "Хвост воробья", "Челнок нефритовой девы", "Перевернутое вращение плечевой кости" и "Одиночное стояние золотого петуха"; и движения, которые улучшают качество сна: "Работа с открытой и закрытой стопой", "Стопа хуньюань",

"Одиночная плеть", "Спорные шаги на коленях" и "Разделение гривы дикой лошади" в эмпирические исследования по реабилитационной подготовке и педагогическое моделирование курса VR Virtual Reality в тайцзицюань.

В процессе сопротивления расширению НАТО на восток Россия, вероятно, достигнет окончательной победы на европейском поле боя, Россия и Украина воюющих сторон с небольшими культурными различиями, культурной дистанции, поле боя местной интенсивности сильнее, расстояние взаимодействия и эмоциональной дистанции по сравнению с прошлой Отечественной войной Советского Союза есть значительная разница. Поэтому лечение и интервенция военных психологических травм солдат и людей в зонах боевых действий после российско-украинской войны является важной работой и темой исследования, автор через обзор литературы и существующие исследования выясняет и доказывает, что разработка и применение системы человеко-компьютерного взаимодействия + VR-тайцзицюань тренировочного курса VR-реабилитационной интервенции для PDST является возможным и перспективным, и на данный момент доктор психологических наук, профессор Селиванов В.В. из Смоленского государственного университета руководит исследованиями автора для выполнения соответствующей области.

Список литературы

- 1 陈翔 俄乌冲突与美国代理人战争的走向国际关系研究 .2023, (02) E712;E512;E511.3
- 2 Robert H David H Kathleen M. Post—traumatic stress disorder symptoms among Gulf War
- 3 WHO. The ICD—10 classification of mental and behavioral disorder□diagnostic criteria for research 1st ed. England : WHO 1993. 99
- 4 刘理礼周世伟创伤后应激障碍的研究进展 中华创伤杂志 2002年2月第18卷第2期 Chin J Traumatol February 2002 Vol. 18 No. 2)
- 5 Allen Azizian、Liana Terzyan、Khachatur Gasparyan、Samson Khachatryan & Peter English (2023) 战斗相关创伤后住院治疗项目应激障碍 (PTSD) : 2020年阿尔扎赫(纳戈尔诺-卡拉巴赫)战争、军事结果心理学, 35:3, 252-261, DOI 10.1080/08995605.2022.2117536

- 6 冯正直. 战斗应激心理伤早期救治进展[J]. 陆军军医大学学报, 2022, 44(19): 1905-1910. DOI:10.16016/j.2097-0927.202204092
- 7 刘屏 精神创伤后应激障碍及其防治研究进展中国药物应用与监测 2017年2月第14卷第1期 R971 A1672-8157(2017)01-0001-06)
- 8 Resick PA, Bovin MJ, Calloway AL, et al. A critical evaluation of the complex PTSD literature: implications for DSM-5[J]. J Trauma Stress, 2012, 25(3): 241-251.
- 9 Liberzon I, Sripada CS. The functional neuroanatomy of PTSD: a critical review[J]. Prog Brain Res, 2008, 167: 151-169.
- 10 Gawande A. Casualties of war-military care for the wounded from Iraq and Afghanistan[J]. N Engl J Med, 2004, 351(24): 2471-2475.
- 11 王晓晴, 于晓雯, 管阳太. 战争创伤后应激障碍的临床特征与治疗研究进展[J].人民军医, 2015, 58(8): 949-951.
- 12 World Health Organization. The ICD-10 classification of mental and behavioural disorders. Clinical descriptions and diagnostic guidelines[S].1993.
- 13 American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders[S]. 1994.
- 14 Goenjian AK, Steinberg AM, Najarian LM, et al. Prospective study of posttraumatic stress, anxiety, and depressive reactions after earthquake and political violence[J]. Am J Psychiatry, 2000, 157(6): 911-916.
- 15 Capaldi VF 2nd, Guerrero ML, Killgore WD. Sleep disruptions among returning combat veterans from Iraq and Afghanistan[J]. Mil Med, 2011,176(8): 879-888.
- 16 Steel C, Haddock G, Tarrier N, et al. Auditory hallucinations and posttraumatic stress disorder within schizophrenia and substance abuse[J]. J Nerv Ment Dis, 2011, 199(9): 709-711.
- 17 BEAN W B. Preventive medicine in World War II. Vol. III. personal health measures and immunization. [J]. Archives of Internal Medicine, 1957, 99(3): 496. DOI: 10. 1001/archinte. 1957. 00260030178028.
- 18 POLS H. Waking up to shell shock: psychiatry in the US military during World War II [J]. Endeavour, 2006, 30(4): 144 - 149. DOI:10. 1016 /j. endeavour. 2006. 10. 002.
- 19 KUDLER H. Trauma and the Vietnam War generation: report of findings from the national vietnam veterans readjustment study [J]. The Journal of Nervous and Mental Disease, 1991179(10): 644 - 645. DOI:10. 1097 /00005053-199110000-00024.
- 20 NEEL SPURGEON. Vietnam Studies: Medical Support of the US. Army in Vietnam, 1965-1970 [M]. Washington, DC: Department of the Army, 1973: 36.
- 21 FLANZ S. Psychiatric illness and the workplace: perspectives for occupational medicine in the military [J]. Mil Med, 1999, 164(6): 401 - 406.
- 22 JANICE H. LAURENCE, MICHAEL D. Matthews. 牛津军事心理学: 中文翻译版 [M]. 杨征译. 北京:科学出版社, 2014:21. JANICE H. LAURENCE, MICHAEL D. Matthews. The Oxford Handbook of Military Psychology Chinese edition [M]. YANG Z, Translated. Beijing: Science Press, 2014:21.

- 23 SEAL K H, BERTENTHAL D, MINER C R, et al. Bring-ing the war back home: mental health disorders among 103, 788 US veterans returning from Iraq and Afghanistan seen at Department of Veterans Affairs facilities [J]. Arch Intern Med, 2007, 167(5):476—482. DOI:10. 1001/archinte. 167. 5. 476.
- 24 BEAN W B. Preventive medicine in World War II. Vol. III. personal health measures and immunization.[J].Archives of Internal Medicine, 1957, 99(3):496DOI:10.1001/archinte. 1957. 00260030178028.
- 25 姚云竹. 美国军事基本情况 [M]. 北京:军事科学出版社, 1993:100 — 101. YAO Y Z. The basic American military situation [M]. Bei-ijing: Military Science Press, 1993:100—101.
- 26 王向东, 扈长茂. 美军第二次世界大战卫生统计 [M]. 北京: 中国人民解放军战士出版社 1983: 1—3. WANG X D, HU C M. World war II health statistics [M]. Beijing: The Chinese People's Liberation Army Press, 1983:1—3.
- 27 阿瑟·林克, 威廉·卡顿. 1990 年以来的美国史(中译本) [M]. 北京:中国社会科学出版社, 1983: 191. ARTHUR L, WILLIAM C. American history since 1990 [M]. Beijing: China Social Sciences Press, 1983: 191.
- 28 石家庄机械化步兵学院. 世界经典战例:战争卷 [M]. 北京: 解放军出版社, 2010:167.Shijiazhuang mechanized infantry college.World classic war: war volume [M]. Beijing: The People's Liberation Army Press, 2010: 167.
- 29 李培进. 高技术条件下局部战争中的外军卫勤保障 [J]. 解放军医学情报, 1994, 8(4): 37 — 40. LI P J. Foreign military medical support of local war under high-tech conditions [J]. PLA Med Inform, 1994, 8(4): 37 —40.
- 30 美国国防部. 美国国防部报告:海湾战争 [M]. 北京: 军事科学出版社, 1991: 215. United States Department of Defense. The U. S. defense department reports: the gulf war [M]. Beijing: Military Science Press, 1991:215.
- 31 军事科学院《世界军事年鉴》编辑部. 世界军事年鉴 2011 [M]. 北京: 解放军出版社, 2012: 540. The editorial department of the Military Academy's World
- 32 杨放, 常运立. 道德创伤: 军事医学伦理新概念 [J]. 医学与哲学(A), 2015, 36(11):9—14. YANG F, CHANG Y L. Moral injury: a new concept of military medical ethics [J]. Med Philos A, 2015, 36(11):9—14.
- 33 沙利特. 冲突心理与战斗 [M]. 王京生, 译. 北京:中国轻工业出版社 2005. BENS. The Psychology of Conflict and Combat Chinese edition [M]. WANG J S, translated. Beijing: China Light Industry Press, 2005.
- 34 张伟, 刘晓红, 倪方, 等. 现代战争对战时军人心理的影响及心理训练实践的探索 [J]. 中国健康心理学杂志, 2005, 13(4):308—310. DOI:10.13342/j.cnki.cjhp.2005.04.032. ZHANG W, LIU X H, NI F, et al.Effect of modern

- war on soldier ' s psychology of wartime and exploration of psychological training practice [J] .Heath Psychol J , 2005 , 13(4):308 — 310.DOI:10.13342/j.cnki.cjhp.2005.04.032.1.1
- 35 NEEL SPURGEON. Vietnam Studies: Medical Support of the U. S. Army in Vietnam, 1965 — 1970 [M] . Washington, DC: Department of the Army, 1973: 36.
- 36 RITCHIE J, SPENCE R L, O'CONNOR W. Qualitative research practice: A guide for social science students and researchers [M] . London: SAGE Publications, 2003.
- 37 DELA CRUZ FAJARITO C, DE GUZMAN R G. Understanding combat-related PTSD symptom expression through index trauma and military culture: case studies of Filipino soldiers [J] . Mil Med, 2017, 182(5) : e1665 — e1671. DOI: 10. 7205 / MILMED-D-16-00216
- 38 格罗斯曼 . 战争中的士兵心理 [M] . 大同, 徐娟, 译 . 北京: 中国轻工业出版社 , 2016. DAVE G. On killing: The psychological cost of learning to kill in war and society [M] . DA T, XU J, translated. Beijing: China Light Industry Press, 2016.
- 39 [39] ELBOGEN E B, WAGNER H R, FULLER S R, et al. Correlates of anger and hostility in Iraq and Afghanistan war veterans [J] . Am J Psychiatry, 2010, 167 (9) : 1051 — 1058. DOI: 10. 1176 / appi. ajp. 2010 . 09050739.
- 40 冯正直 1, 徐慧敏 战争心理损伤形成与防护: 基于心理学视角 2019 年度重庆市出版专项资金资助栏目论文 DOI: 10. 16016 /j. 1000-5404. 202003386
- 41 张燕 . 战术区心理损伤分级救治研究 [D] . 重庆: 第三军医大学 , 2007. ZHANG Y. Study on the psychology of the wounded on tactical [D] . Chongqing: Third Military Medical University, 2007.
- 42 张伟 , 刘晓红 , 倪方 , 等 . 现代战争对战时军人心理的影响及心理训练实践的探索 [J] . 中国健康心理学杂志 , 2005, 13 (4) : 308 — 310. DOI: 10. 13342 /j. cnki. cjhp. 2005. 04. 032. ZHANG W, LIU X H, NI F, et al . Effect of modern war on soldier ' s psychology of wartime and exploration of psychological training practice [J] . Heath Psychol J, 2005, 13 (4) :308 — 310. DOI: 10. 13342 /j. cnki. cjhp. 2005. 04. 032.
- 43 格罗斯曼 . 战争中的士兵心理 [M] . 大同, 徐娟, 译 . 北京: 中国轻工业出版社 , 2016. DAVE G. On killing: The psychological cost of learning to kill in war and society [M] . DA T, XU J, translated. Beijing: China Light Industry Press, 2016.
- 44 CESUR R, SABIA J J, TEKIN E. The psychological costs of war: military combat and mental health [J] . J Health Econ, 2013, 32(1) :51 — 65. DOI: 10. 1016 /j. jhealeco. 2012. 09. 001.
- 45 SMITH, R T, TRUE G. Warring Identities: Identity Conflict and the Mental

- Distress of American Veterans of the Wars in Iraq and Afghanistan [J]. Soc Ment Health, 2014, 4(2): 147 – 161. DOI: 10. 1177 /2156869313512212.
- 46 ARMSTRONG EL, BRYAN CJ, STEPHENSON JA, et al. Warzone stressor exposure, unit support, and emotional distress among US Air force pararescuemen [J]. J Spec Oper Med, 2014, 14(2): 26 – 34.
- 47 李春芝, 李金平, 周瑾, 等. 信息化战争条件下心理损伤研究进展 [J]. 世界最新医学信息文摘, 2016, 16(48): 40 – 41. LICZ, LIJP, ZHOUJ, et al. Research progress of psychological damage under the condition of information-based war [J]. World Latest Med Inf, 2016, 16(48): 40–41.
- 48 Bremner JD Randall P Scott TM et al. MRI— based measure of hippocampal volume in patientswithcombat— relatedPTSD. Am J Psychiatry 1995 152 : 973—981
- 49 王庆松 王正国 朱佩芳 创伤后应激障碍及其神经生物学机制 中华创伤杂志 2001年7月第17卷第7期 Chin JTraumatol July2001 Vol.17 No.7
- 50 [50]安献丽 郑希耕创伤后应激障碍的动物模型及其神经生物学机制 心理科学进展 B845 2008, 16 (3) : 371~377
- 51 KauferD FriedmanA SeidmanSet al. A-cute stressfacilitates long lasting changes in chrolinergic gene expression. Nature 1998 393 : 373—377.)
- 52 ShinLMWhalen PJ Pitman RKet al· An fMRI study of anterior cingulate function in posttraumatic stress disorder· Biol Psychiatry 2001 50 : 932-942·
- 53 OsuchEA Benson B Geraci Met al· Regional cerebral blood flow correlated with flashback intensity in patients with posttraumatic stress disorder· Biol Psychiatry 2001 50 : 246-253·
- 54 Lanius RA Williamson PC□Densmore M□et al· Neural correlates of traumatic memories in posttraumatic stress disorder : a fu Psychiatry□2001 □50 : 809-812·
- 55 韩帅王唯依 齐佳伟 刘雪婷 单爱慧 彭浩南 杨荣义 金恺萌 外军创伤后应激障碍心理治疗及药物治疗研究进展临床军医杂志 R 971. 2 doi:10. 16680/j. 16713826. 2022. 02. 31 \1671-3826(2022)02-0218-03)
- 56 浙江大学心理与行为科学系李峙研究组, 腾讯研究院 S-Tech 工作室 身临其境 :那些被 VR 影响的心灵、身体与社会 ISBN978-7- 5444-8137-3
- 57 付颖 三种 PTSD 干预策略的比较——CISD、MDR、VR 2014 年国际创伤与应激学术会议暨浙江省医学会行为医学分会第二届学术年会精神病学 R749.5
- 58 Foa EB, Mclean CP, Zang Y, et al. Effect of prolonged exposuretherapy delivered over 2 weeks vs 8 weeks vs present-centered therapy on PTSD symptom severity in military personnel [J]. JA-MA, 2018, 319(4): 354.
- 59 Resick PA, Wachen JS, Dondanville KA, etal. Effect of group vs individual cognitive processing therapy in active-duty military seeking treatment for posttraumatic stress disorder: a randomized clinical trial [J]. JAMA Psychiatry, 2017, 74(1): 28-36.
- 60 Bryan RD, Dn EA. Examining the effectiveness of an intensive, 2week treatment program for military personnel and veterans with PTSD: results of a pilot, open-label, prospective cohort trial [J]. J Clin Psychol, 2018, 74(12): 2070-2081

- 61 Mclay R N, Webb-Murphy JA, Fesperman SF, et al. Outcomes from eye movement desensitization and reprocessing in active-duty service members with posttraumatic stress disorder [J]. *Psychological trauma*, 2016, 8(6): 702-708.
- 62 杨清风, 崔红. 眼动脱敏与再加工心理疗法研究述评 [J]. *医学综述*, 2015, 21(8): 1362-1364.
- 63 Menon SB, Jayan C. Eye movement desensitization and reprocessing: a conceptual framework [J]. *Indian J Psychol Med*, 2010, 32(2): 136-140.
- 64 Belsher BE, Beech E, Evatt D, et al. Present-centered therapy (PCT) for post-traumatic stress disorder (PTSD) in adults [J]. *Cochrane Database Syst Rev*, 2019, 2019: 11.
- 65 王璐, 赵静, 徐艳斐. 心理危机干预的研究综述 [J]. *吉林省教育学院学报*, 2011, 27(9): 139-141.
- 66 Susskind O, Ruzek JI, Friedman MJ. The VA/DOD clinical practice guideline for management of post-traumatic stress (update 2010): development and methodology [J]. *J Rehabil Res Dev*, 2012, 49(5): xvii-xxviii.
- 67 李建明, 晏丽娟. 国外心理危机干预研究 [J]. *中国健康心理学杂志*, 2011, 19(2): 244-247.
- 68 毋琳, 徐莉, 邢园园, 卢建军, 雒广渭, 张佳驹, 陈冬雨 R395.2 A DOI: 10.3969/j.issn.1674-3245.2018.03.030
- 69 赵名娟, 张金涛. 军事应激下军人心理应激反应研究进展 [J]. *中国康复理论与实践*, 2011, 17(3): 255-257.
- 70 王世明 加速解决疗法-----一种新的治疗创伤后应激障碍的心理治疗方法 科技视 Science&Technology Vision DOI: 10.19694/j.cnki.issn2095-2457.2022.25.03
- 71 苏文娜, 楼铁柱, 刁天喜, 吴东美军心理健康维护进展 E0-051 A1674-9960(2011)09-0714-04
- 72 李斯琦, 宁维卫, 何亚男, 等. 虚拟现实暴露疗法治疗创伤后应激障碍: 科技新未来[J]. *中华灾害救援医学*, 2019, 7(2): 103-109. LI Si-qi, NING Wei-wei, HE Yan-nan, et al. Virtual Reality Exposure Therapy for Post-traumatic Stress Disorder: a New Future of Science and Technology[J]. *Chinese Journal of Disaster Relief Medicine*, 2019, 7(2): 103-109.
- 73 朱旭, 穆存远. 智能穿戴设备交互与展示设计[J]. *设计*, 2017(17): 44-45. ZHU Xu, MU Cun-yuan. Interaction and Display Design of Smart Wearable Devices[J]. *Design*, 2017(17): 44-45.
- 74 张军, 刘粤, 陈坤杰. 基于情境模型的可穿戴设备手势交互设计图 5 [J]. *包装工程*, 2019, 40(12): 140-146. ZHANG Jun, LIU Yue, CHEN Kun-jie. A Gesture Model Based Interaction Design for Wearable Devices[J]. *Packaging Engineering*, 2019, 40(12): 140-146.
- 75 张军, 刘粤, 陈坤杰. 基于情境模型的可穿戴设备手势交互设计图 5 [J]. *包装工*

- 程, 2019, 40(12): 140-146. ZHANG Jun, LIU Yue, CHEN Kun-jie. A Gesture Model Based Interaction Design for Wearable Devices[J]. Packaging Engineering, 2019, 40(12): 140-146.
- 76 周美玉, 赵灿. 可穿戴设备中的交互设计原则探讨 [J]. 设计, 2016(18): 138-139. ZHOU Mei-yu, ZHAO Can. Discussion on Interaction Design Principles in Wearable Devices[J]. Design, 2016(18): 138-139.
- 77 陈园园, 陆金生, 栗晓霞治疗 PTSD 的 VR 设备交互设计研究包装工程 TB472 A 1001-3563(2021)02-0135-08 DOI : 10.19554/j.cnki.1001-3563.2021.02.0
- 78 .HeoS, Park JH. Effects of Virtual Reality-Based Graded Exposure Therapy on PTSD Symptoms: A Systematic Review and Meta-Analysis. Int J Environ Res Public Health. 2022Nov29;19(23):15911.doi:10.3390/ijerph192315911. PMID: 36497989; PMCID: PMC9735589.
- 79 .Rothbaum BO, Rizzo AS, Difede J. Virtual reality exposure therapy for combat-related posttraumatic stress disorder. Ann N Y Acad Sci. 2010 Oct;1208:126-32. doi: 10.1111/j.1749-6632.2010.05691.x. PMID: 20955334.
- 80 苏文娜, 楼铁柱, 刁天喜, 吴东美军心理健康维护进展 E0-051 A1674-9960(2011) 09-0714-04
- 81 张浩, 倪艺涵 体育锻炼对退伍军人创后应激障碍干预效果的系统综述 G804A1005-0256 (2023) 10-0259-5doi:10.19379/j.cnki.issn.1005-0256.2023.10.067
- 82 Lisabeth A. Goldsteina,b, Wolf E. Merrilld, Thomas J. Metzlera,e, Beth E. -Cohena,e,f, Deborah E. Barnesa,b,e,g, Gerald J.Chochrana,e, Alyssa Silvera,e, Lisa -S. Talbota,b, Sheila Magoona,b,e, Jennifer A. Hlavina,e, Margaret A. Chesney d, Thomas C.Neylanda,b,e Group Exercise for Veterans: a Randomised Pilot of a Comprehensive Exercise Programme for Veterans with PTSD c70b0ec27d39dc20a776574105e5253a
- 83 张君, 薛瑞, 张有志, 邱俊强, 魏宏文 运动对创伤后应激障碍大鼠单胺类递质和炎症的影响 DOI:10. 16557/j. cnki. 1007547. 2021. 05. 002
- 84 张君, 邱俊强 运动对条件性恐惧记忆的影响及多靶点调控作用中国慢性病预防与控制 2023 年 7 月第 31 卷第 7 期 Chin J Prev Contr Chron Dis, July 2023, Vol. 31, No. 7 R338 A dio:1004-6194 (2023) 07-0549-05
- 85 金硕, 许子萱, 卢山, 张晓晓, 孙丽娜 运动缓解创伤后应激障碍恐惧记忆泛化及成体海马神经再生机制研究进展 生命科学 1004-0374(2023)11-1508-09 DOI: 10.13376/j.cbis/2023163
- 86 潘文娣 许芳熙 黄乐韵 于玉萍 马毓腾 李 秘基于互联网平台探索创伤后应激障碍患者的传统康复运动疗法 doi:10.3969/j.issn.16722779.2023.11.060 文章编号 : 1672- 2779 (2023) - 11- 0174- 03)
- 87]芭芭拉·L·奈尔斯 (Barbara L Niles), 德安娜·L·莫里 (DeAnna L Mori), 克雷格·P·波利兹 (Craig P Polizzi), 阿尼卡·普莱斯·凯撒 (Anica Pless Kaiser), 安妮·M·勒杜

(Annie M Ledoux), 王辰辰针对患有创伤后应激症状的退伍军人进行简短的太极身心计划的可行性、定性研究结果和满意度 6:e012464。
doi:10.1136/bmjopen-2016-012464

- 88 苏文娜, 楼铁柱, 刁天喜, 吴东美军心理健康维护进展 E0-051A1674-9960(2011) 09-0714-04
- 89 Laura Ramo-Fernández, Anna Schneider, Sarah Wilker, Iris-Tatjana Kolassa, Inpatient residential treatment program for combat-related posttraumatic stress disorder (PTSD): Results from the 2020 Artsakh (Nagorno-Karabakh) War Behavioral Science and Legal Behavioral Science33 : 701–721 (2015) DOI : 10.1002/bsl.2200
- 90 Allen Azizian, Liana Terzyan, Khachatur Gasparyan, Samson Khachatryan & Peter English , Inpatient residential treatment program for combat-related posttraumatic stress disorder(PTSD): Results from the 2020 Artsakh (Nagorno-Karabakh) War Military Psychology, 35:3, 252-261, DOI: 10.1080/08995605.2022.2117536
- 91 Влияние технологий виртуальной реальности высшего уровня на изменение психического в юности / под ред.
- 92 Барабанщикова В.А., Селиванова В.В. (монография). – Москва: Универсум, 2022. – 368 с. ISBN 978-5-91412-498-1

A REVIEW AND FEASIBILITY STUDY OF DSM-V, VIRTUAL REALITY (VR)
AND TAIJIQUAN-BASED REHABILITATION INTERVENTION
IN PEOPLE WHO HAVE EXPERIENCED PSYCHOLOGICAL TRAUMA
FROM COMBAT STRESS

Cheng Peng

Department of physical education and sports,
Zhengzhou University, China;
Smolensk State University, Smolensk, Russia

Psychosocial reactions to combat stress can further develop into post-traumatic stress disorder (PTSD) and genetically generate a cycle of transgenerational transmission. In modern high-tech warfare, the high prevalence of acute PTSD has become one of the major causes of combat attrition in military personnel. Based on the DMS-5 definition of PTSD, the article discusses the definition of combat stress psychological trauma, mechanisms, types of trauma, manifestations, psychological factors, psychogenetic processes, the participation of VR virtual reality technology in the treatment of combat stress psychological trauma, the effectiveness of tai chi in the intervention of traumatic syndromes and psychological traumas of war, and explores the effectiveness of VRET and VRGET as exposure therapy that is more effective and economical than traditional treatment methods. It is shown that VRET and VRGET are more effective and economical exposure therapy than traditional treatment methods, and that taijiquan exercises and its positive concepts are feasible and have positive rehabilitative efficacy in the treatment of psychological trauma in war emergencies. A taijiquan training course based on VR virtual reality technology can help patients with combat stress injuries to perform taijiquan exercises useful for their rehabilitation, and

this study contributes to the diagnosis, treatment, and prevention of PTSD in psychological trauma in war emergency situations.

Keywords: DMS-5, combat stress, psychological trauma, virtual reality technology, psychological trauma transgenerational cycle, VRET virtual reality exposure therapy, VRGET Virtual Reality Graded Exposure Therapy, Taijiquan intervention for PTSD.

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шан Лубинг

Профессионально-технический колледж Аньяна,
провинция Хэнань, Китай, Смоленский
государственный университет, г. Смоленск, Россия

Технология виртуальной реальности - это быстро развивающаяся технология в последние годы, которая позволяет людям погрузиться в атмосферу симулированных реальных сцен. Появление и развитие технологии виртуальной реальности предоставили новые инструменты и методы для психологических исследований, делая их более объемными и глубокими. В данной статье кратко рассматривается сочетание технологии виртуальной реальности и экспериментальной психологии.

Ключевые слова: Технология виртуальной реальности, Экспериментальная психология, Значимость, Сочетание

1. Introduction.

1.1 Basic Principles of Virtual Reality Technology.

Virtual Reality VR is a computer technology that creates an immersive virtual environment by simulating human visual and auditory perception. Users can interact with virtual environments through special devices such as headsets, controllers, etc. The basic principles of virtual reality technology include: 1) simulating human visual and auditory perception; 2) Generate a 3D environment through computers; 3) Users can interact through special devices.

1.2 Experimental Psychology

Experimental psychology can be broadly or narrowly defined. Broadly speaking, experimental psychology is a psychological system relative to humanistic orientation, also known as scientific psychology. Narrowly speaking, experimental psychology is the science that studies the basic theories and techniques of psychological experiments, and introduces experimental research results in various branches of psychology.

1.2.1 Advantages of Experimental Psychology.

The main advantage is that it can better control additional variables. Another advantage is the economy.

1.2.2 Characteristics of Experimental Psychology

The three main characteristics of the experiment are arbitrariness, repeatability (or verifiability), and systematic control.

1.2.3. Development and Changes of Experimental Psychology.

Ecological Research Approach

With the continuous deepening of research and the increasing urgency of social needs, laboratory research has increasingly shown the limitations of its inherent patterns. Psychological research has shown an ecological trend, emphasizing the interaction between individuals, nature, and various factors in the social environment from real life and natural contexts, in order to reveal the laws of psychological development and change. This research approach makes psychological research more objective, realistic, and close to nature, improving the external and ecological validity of research results.

Multidisciplinary

The research approach is multidisciplinary, and psychology involves complex and diverse issues that often require research from a multidisciplinary perspective. There are two interdisciplinary research approaches in psychology, one is the collaboration between various branches of psychology, and the other is the collaboration between psychology and other disciplines such as philosophy, neuroscience, education, sociology, etc.

Cross Cultural

The research paradigm has cross-cultural characteristics. With the deepening of psychological research and the development of theory, researchers are increasingly paying attention to the similarities and differences in individual behavior and psychological development in different cultural backgrounds, that is, which psychological characteristics are universal and specific in different cultural backgrounds. Cross cultural research is of great significance for enriching

psychological research results, clarifying the influencing factors and patterns of individual psychological development, as well as their scope of use, and has become a new paradigm in psychological research.

Integrated

The comprehensive trend of psychological research methods is mainly manifested in:

① advocating the use of multiple methods to study and explore psychological phenomena and their laws, in order to compare, supplement and verify the results obtained from different methods;

② Emphasize and extensively use multivariate designs to reveal the interrelationships between various aspects of psychological activity;

③ Emphasize the use of comprehensive design methods, such as aggregated cross design that combines the advantages of vertical and horizontal design;

④ Emphasize the combination of qualitative and quantitative research methods.

Modernization

The modernization of research methods, with the rapid development of modern science and technology, has been widely adopted in psychological research, including recording, recording, videography, photography equipment, as well as various specialized research instruments and tools (such as sports houses, cliff devices, signal generators, facial emotion change testers, motion analyzers, automatic recorders, analyzers, eye trackers, etc.). A number of modern observation rooms and laboratories have been established one after another. Among them, the extensive application of computer technology in multiple aspects such as data processing, experimental control, and psychological process simulation in psychological research is the most prominent manifestation of modern research methods.

Quantify

The development of contemporary science, technology, and mathematical science has accelerated the quantitative trend of psychological research, manifested as:

- ① the increasing use of multivariate analysis methods in research;
- ② Computers and related software have become the most important computing tools;
- ③ In the field of traditional qualitative methods, quantitative methods such as "meta-analysis" have been adopted;
- ④ Fuzzy mathematics is increasingly being widely applied in psychological research.

2. Virtual Reality Technology and Experimental Psychology

2.1 Application of Virtual Reality Technology in Experimental Psychology

Virtual reality technology has a wide range of applications in experimental psychology, mainly manifested in the following aspects: 1) psychotherapy, 2) behavioral research, 3) cognitive research, 4) emotional research, 5) social research, etc. Virtual reality technology can simulate real scenes, providing more realistic stimuli for experiments, while also avoiding interference factors in real scenes.

2.1.1 Application of Virtual Reality Technology in Psychotherapy

Virtual reality technology has a wide range of applications in psychotherapy, mainly manifested in the following aspects: 1) exposure therapy, 2) cognitive-behavioral therapy, 3) relaxation training, 4) systematic desensitization therapy, etc. Virtual reality technology can simulate real scenes and events, helping patients face and handle their own problems, while also avoiding risks and side effects in real scenarios.

2.1.2 Application of Virtual Reality Technology in Behavioral Research

Virtual reality technology has also been widely applied in behavior research, mainly manifested in the following aspects: 1) human behavior simulation, 2) animal behavior simulation, and 3) human-computer interaction behavior simulation. Virtual reality technology can simulate real scenes and events, helping researchers better understand and explain human behavior and decision-making processes. These can be applied in experimental psychology.

2.1.3 Application of Virtual Reality Technology in Cognitive Research

Virtual reality technology also has extensive applications in cognitive research, mainly manifested in the following aspects: 1) memory research, 2) thinking research, and 3) learning research. Virtual reality technology can simulate real scenes and events, providing richer and more realistic stimuli, helping researchers better understand and explain human cognitive processes and mechanisms.

2.1.4 Application of Virtual Reality Technology in Emotional Research

Virtual reality technology also has extensive applications in emotional research, mainly manifested in the following aspects: 1) emotional expression, 2) emotional recognition, and 3) emotional regulation. Virtual reality technology can simulate real-life scenes and events, providing richer and more realistic emotional stimuli, helping researchers better understand and explain the emotional processes and mechanisms of human movements.

2.1.5 Application of Virtual Reality in Social Research

Virtual reality technology also has extensive applications in social research, mainly manifested in the following aspects: 1) social behavior, 2) social cognition, and 3) social emotions. Virtual reality technology can simulate real scenes and events, providing richer and more realistic social stimuli, helping researchers better understand and explain human social processes and mechanisms.

2.2 Design and Implementation of Virtual Reality Technology in Experiments

The design and implementation of virtual reality experiments mainly include the following steps: 1) determining the experimental purpose and assumptions, 2) selecting appropriate virtual scenes and stimuli; 3) Design experimental procedures, 4) Conduct experiments and collect data, 5) Analyze data.

When designing and implementing virtual reality experiments, the following points need to be considered: 1) the reliability of the experiment, 2) the ecological validity of the experiment, and 3) the controllability of the experiment.

2.3 Interpretation and Reporting of Experimental Results

For the interpretation and reporting of experimental results of virtual reality technology in experimental psychology, the following points need to be

considered: 1) reliability of the results, 2) interpretation of the results, and 3) reporting of the results. When interpreting and reporting the results of virtual reality experiments, it is necessary to combine traditional psychological theories and methods, as well as new technologies and tools, to provide more accurate and comprehensive conclusions.

3. The Significance of Combining Virtual Reality Technology with Experimental Psychology in Application

1. Provide a more realistic experimental environment: Traditional psychological experiments often can only be conducted in the laboratory, and due to environmental limitations, the results may not be realistic enough. Virtual reality technology can create various scenarios, making the experimental environment closer to the real situation, thereby improving the credibility and effectiveness of the experiment.

2. Simulated treatment environment: Virtual reality technology can be used in psychotherapy to simulate the situations that patients are concerned or afraid of, allowing patients to undergo exposure therapy in a safe environment. For example, using virtual reality technology to simulate high-rise buildings, flying scenes, etc., to help patients with acrophobia or flight phobia receive treatment.

3. Improving the effectiveness of psychological training: Virtual reality technology can be used in psychological training, such as athlete's technical training, regulation of anxiety emotions, etc. By simulating real scenes, athletes can repeatedly train in virtual environments to improve their technical skills. At the same time, virtual reality technology can also be used to simulate scenarios that trigger anxiety, helping individuals regulate their emotions and manage stress.

Although virtual reality technology has been widely applied in experimental psychology, there are still some challenges and problems that need to be addressed. For example, how to improve the fidelity and immersion of virtual reality, how to ensure the reliability and ecological validity of experiments, and how to process and analyze large amounts of data. In the future, with the

continuous development and progress of technology, we believe that these problems will be better solved, and there will also be more application scenarios and fields emerging.

REFERENCES

1. *Barry H. Kantowitz*. Experimental Psychology. East China Normal University Press. 2004-9.
2. *Li Ting*. Applying Virtual Reality Technology to Enhance the External Validity of Psychological Experiments U. Hengshui University Journal, 2019,21 (4): 123-128.
3. *Cui Zhijun, Xie Dongchan, Kuang Jin, et al.* Construction of Psychological Experimental Teaching Resources Based on Virtual Reality Technology. Experimental Technology and Management, 2017 (3): 199-203.
4. *Chen Danwen*. Exploration of the Construction of a Virtual Simulation Laboratory for Psychology U. Chinese Journal of Multimedia and Online Teaching, 2019 (8): 83-84.

VIRTUAL REALITY TECHNOLOGY AND EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY

Shang Lubing

Профессионально-технический колледж Аньяна,
провинция Хэнань, Китай, Смоленский
государственный университет, г. Смоленск, Россия

Virtual reality technology is a rapidly developing technology in recent years, which can bring people an immersive feeling by simulating real scenes. The emergence and development of virtual reality technology have provided new tools and methods for psychological research, making it more three-dimensional and in-depth. This article briefly elaborates on the combination of virtual reality technology and experimental psychology.

Key words: Virtual Reality Technology, Experimental Psychology, Significance, Combining

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Аникина Вероника Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии, заместитель директора Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. e-mail: vegav577@mail.ru
2. Антошкина Юлия Михайловна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и философии Автономной некоммерческой организации высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского». e-mail: timrant@yandex.ru
3. Бачкала Анна – факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
4. Беспалов Борис Иванович – старший научный сотрудник кафедры психологии труда и инженерной психологии, факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. e-mail: bespalovb@mail.ru
5. Быковская Любовь Игоревна – АНО ВО Московский гуманитарный университет, Москва, Россия; Факультет «Рекламы, журналистики, психологи и искусства», кафедра «Общей, социальной психологии и истории психологии»; БФ «Твоя Территория», Санкт-Петербург, Россия. Магистрант, психолог-консультант; E-mail: bikovskayali@mail.ru
6. Грунчева К.А. – Московский государственный педагогический университет
7. Дадыко Никита Николаевич – аспирант направления «Педагогическая психология психодиагностика цифровых образовательных сред». Кафедра общей психологии Смоленского государственного университета. e-mail: Merksam1998@mail.ru
8. Денисова Е.Н. – внештатный сотрудник кафедры общей психологии СмолГУ.
9. Донцов Дмитрий Александрович – доцент, кандидат психологических наук, общей психологии; методологии психологии, доцент кафедры «Общая психология» Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО

МГППУ; факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. e-mail: Dontsov-junior@bk.ru

10. Житенёва А.М. – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

11. Капустина Василиса Юрьевна – кандидат педагогических наук, специалист по УМР, старший преподаватель кафедры «Общая психология» Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. e-mail: kapustinavju@mgppu.ru, 14057796@mail.ru

12. Кольчугина Зинаида Александровна – заместитель генерального директора по информационному обеспечению и связям с общественностью ООО «Международный институт психологии и психотерапии аутоординационного направления» (ООО «МИППАН»). e-mail: rasibaeva@mail.ru

13. Леоненко Никита Валерьевич – магистрант Автономной некоммерческой организации высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского», сотрудник Государственного Эрмитажа. e-mail: leonenkonn@gmail.com

14. Митина Ольга Валентиновна – кандидат психологических наук, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры «Общая психология» Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. e-mail: omitina@inbox.ru

15. Мунгиева Фатимат – филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкент.

16. Петрова Елена Михайловна – кандидат психологических наук, Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ). e-mail: totem-elena@yandex.ru

17. Полякова Ирина Вадимовна – кандидат психологических наук, Смоленский государственный университет (ФГБОУ ВО СмолГУ). e-mail: Alisapolyak2810@mail.ru

18. Полякова Ольга Борисовна – кандидат психологических наук, доцент; Центр психологии развития. e-mail: pob-70@mail.ru
19. Полянский Андрей Иванович – ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы», Москва, Россия; ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», Москва, Россия; Центр «Высшая школа педагогического мастерства». Преподаватель. E-mail: andreyipolyansky@gmail.com
20. Прудков Павел Наумович – руководитель психологической службы ООО «Экомон». e-mail: pnprudkov@gmail.com
21. Ратникова Валерия Юрьевна – студентка 4 курса бакалавриата Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ
22. Родина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. e-mail: rodinaon@gmail.com
23. Розанов Иван Андреевич – кандидат медицинских наук, ГНЦ РФ – Институт медико-биологических проблем РАН, Московский государственный психолого-педагогический университет - exelbar@yandex.ru
24. Селиванов Владимир Владимирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ; заведующий кафедрой общей психологии ФГБОУ ВО СмолГУ. e-mail: vvsel@list.ru
25. Сотская Мария Николаевна – кандидат биологических наук, доцент, кафедра общей психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва. e-mail: zoopsychology@yandex.ru
26. Стрижова Ирина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра общей психологии Московского государственного психолого-педагогического университета. e-mail: strizhovaiv@mgppu.ru, irinaswift1112@mail.ru

27. Стрижова Мария Евгеньевна – студентка бакалавриата Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО). e-mail: mariaswift1409@mail.ru
28. Харитонов Игорь Юрьевич – магистрант 1 курса Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. e-mail: nomelin27@mail.ru, kharitonoviy@mgppu.ru
29. Шамшев Андрей Александрович – студент 4 курса бакалавриата Института экспериментальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. e-mail: shamshev.andrei@yandex.ru
30. Shang Lubing – Профессионально-технический колледж Аньяна, провинция Хэнань, Китай, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия
31. Dong Junshan – Lecturer of Hebi Polytechnic of China, Postgraduate student of the 2nd year of study, Smolensk State University. e-mail: 884997507@qq.com Дун Цзюньшань – аспирант 2 курса обучения, Смоленского государственного университета, лектор Хэбийского профессионально-технического института КНР. e-mail: 884997507@qq.com
32. Li Peixiang – Postgraduate student of the 2nd year of study, Smolensk State University, аспирантка 2 курса обучения, Смоленского государственного университета.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

(Материалы 4-й международной научно-практической конференции)

Подписано в печать 19.04.24.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Calibri.
Печ. л. 18. Тираж 500 экз.
Заказ № 154.

Отпечатано в типографии «Универсум»
214014, г. Смоленск, ул. Герцена, д. 2.
e-mail: universum-print@mail.ru